

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ ДАГЕСТАНСКОГО
НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

Н.А. Магомедов

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ
В XVIII – В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 2019

УДК 323.1(470.6) (075.8)

ББК 66.5(235.7) я 73

М-12

Ответственный редактор: Ш.А. Магарамов, канд. ист. наук

Рецензенты: Б.Г. Алиев, докт. ист. наук, проф.;

Д.С. Кидирниязов, докт. ист. наук, проф.

Магомедов Н.А.

М-12 Международные отношения на Северо-восточном Кавказе в XVIII – в первой трети XIX в. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2019. – 228 с.

ISBN 978-5-4447-0062-4

Монография посвящена истории развития международных отношений на Северо-восточном Кавказе в XVIII – первой трети XIX века, когда в регионе усилились противоречия не только между традиционно соперничавшими региональными державами (Россия, Иран, Турция), но и активизировалась политика европейских государств – Англии и Франции. В отличие от предыдущих работ, в монографии изучен вопрос о планах европейских держав на Кавказско-Каспийском регионе в целом.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на всех, кто интересуется историей Кавказа.

ISBN 978-5-4447-0062-4

© Магомедов Н.А., 2019

© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2019

© Издательство «АЛЕФ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Политическая структура и общественные отношения народов Северо-восточного Кавказа в XVIII – первой трети XIX в.	48
Глава II. Международные отношения на Северо-восточном Кавказе в первой четверти XVIII в	73
2.1 Падение власти Ирана над народами Северо-восточного Кавказа в начале XVIII в.....	73
2.2 Противостояние иностранных держав планам Петра I на Кавказе	80
2.3 Обострение российско-турецких противоречий на Кавказе	92
Глава III. Попытки иностранных государств утвердиться на Северо-восточном Кавказе во второй четверти XVIII в.	100
3.1 Изменение международной обстановки на Кавказе и уход России из Дагестана	100
3.2 Завоевательная политика Надир-шаха на Северо-восточном Кавказе. Поддержка европейскими державами Надир-шаха	118
3.3 Провал «кавказской» кампании Надир-шаха	137
Глава IV. Антироссийская деятельность мировых держав на Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX в.	147
4.1 Происки иностранных государств по усилению антироссийской агитации в регионе во второй половине XVIII в....	147
4.2 Обострение международной обстановки на Кавказе на рубеже XVIII– XIX вв.	158
4.3 Антироссийский курс европейских стран на Северо-восточном Кавказе в период русско-иранской 1804–1813 гг. и русско-турецкой 1806–1812 гг. войн.....	162
Глава V. Антироссийская политика европейских держав на Северо-восточном Кавказе в первой трети XIX в.	180
5.1. Кавказская политика наполеоновской Франции.....	180
5.2. Антироссийская политика Англии на Северо-восточном Кавказе	193
Заключение	205
Библиография	213

ВВЕДЕНИЕ

Ныне Северный Кавказ, особенно Юго-Западный Прикаспий, объявлен зоной геополитических интересов ряда ведущих стран Европы, Запада и США, которые стремятся распространить свое влияние в этом регионе, включить его в сферу своих экономических и политических интересов, добиться здесь своего военно-стратегического господства.

Геополитическое положение Северо-восточного Кавказа издавна привлекало внимание правителей ведущих стран и народов, как соседних, так и отдаленных. Активизация кавказской политики петровской России поставила вопрос о судьбе Кавказа в круг важнейших проблем мировой политики того периода. Став одним из центров мировой политики среди мировых держав, данный регион, в силу своих важных геостратегических позиций, привлек внимание и европейских держав, в первую очередь, Англии и Франции.

Англия и Франция, хотя вели между собой ожесточенную борьбу за ведущую роль в европейском континенте и за колониальные владения в Азии и Америке, однако соперничество не помешало им предпринимать совместные меры, направленные на ограничение международного влияния России. Наряду с проведением политики «восточного барьера» в Европе они подталкивали Персию и Турцию на войну с Россией на Кавказе, чтобы остановить продвижение России к южным морям, ее выходу на Восток. С этой целью использовали опорные базы османов и сефевидов на подступах к Северному Кавказу, созданные еще до XVIII в. Для противостояния России использовались также владения Сефевидской Персии на Южном Кавказе и Дагестане и местная политическая элита. Противоречия между Англией и Францией по европейским делам, с одной стороны, между Персией и Турцией – с другой, не исключали возможности временных компромиссов между соперниками, чему в немалой степени способствовала и явная антироссийская направленность их кавказской политики.

В современных условиях антироссийская борьба приобретает новый размах, меняются цели и задачи, тактика и стратегия борьбы, т.е. ставится вопрос: быть или не быть России в рамках современных границ в качестве суверенного государства? Поэтому актуальность этой проблемы все больше возрастает. Данная тема сегодня злободневна как никогда в связи с политическими событиями, которые происходят вокруг Украины. Достаточно сказать, что перемены на

Украине в конечном итоге направлены против России. Еще более 100 лет назад очень серьезный противник России, первый имперский канцлер Германии О. Бисмарк – человек большого практического ума, современники называли его «железным канцлером», писал: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, сравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное – дело времени».

Иностранные державы выбирали именно эту тактику для современной Украины. В России есть важные в экономическом, политическом и стратегическом плане регионы, через которые реакционные силы ведут антироссийскую борьбу. Одним из таких регионов является Северо-восточный Кавказ. Реакционные антироссийские силы полагали в результате Украинского кризиса превратить Крым в базу антироссийской борьбы на Юге России. После того как с Крымом планы провалились, они вновь переключились на Северный Кавказ, о чем свидетельствуют заявления и угрозы международных террористов в адрес России.

Основная цель работы: показать роль Северо-восточного Кавказа в формировании и развитии межгосударственных отношений между соперничавшими державами в Кавказском регионе, выявить особенности политического противостояния «треугольника сил» (Россия, Иран, Турция), с одной стороны, и стоявших за ними западных геополитических соперников России – Англии, Франции и других, в проведении политики антироссийского «восточного барьера» – с другой стороны.

Источниковая база исследования основана на широком круге материалов: архивные документы, опубликованные документальные материалы, хроники, путевые заметки и другие сочинения современников, различные мемуары, официальная, деловая и дипломатическая переписка, работы исследователей и правительственные акты. В российских архивах сохранились важнейшие документы об антироссийской деятельности иностранных держав на Кавказе. Есть и бесценные документы относительно региональной политики царской России, Персии, Турции, крымских ханов и западноевропейских держав.

Начиная с 40-х годов XIX века стал подвергаться специальному изучению архивный материал, насчитывающий тысячи дипломатических и прочих типов документов и дел массив материалов. Хотя еще в конце XVIII – начале XIX века известный русский архивист Н. Бантыш-Каменский разбил «столпы Черкасские» на четыре серии: Кабардинские дела, Кайтагские дела, Кумыкские дела, Андреевские дела, для истории Северо-восточного Кавказа представляют интерес также и Грузинские, Иранские, Турецкие, Крымские и Ногайские дела. Наиболее полно в русских документах отражено политическое положение северокавказских народов в условиях сложной международной обстановки XVIII – 20-х гг. XIX в., которые находятся в РГАДА, АВПРИ, МИД РФ. Профессор А.П. Пронштейн, известный специалист по источниковедению, в статье обобщающего характера о состоянии российских архивных фондов по народам Северного Кавказа классифицировал наиболее распространенные типы документации.

В ходе исследования выявлены материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), Научного архива Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (НА ИИАЭ ДНЦ РАН). Часть из них введена в научный оборот впервые.

Из материалов РГАДА в исследовании использованы фонды: «Кабинет Петра I» (Ф. 9), «Кавказские дела» (Ф. 23), «Сношения России с Турцией» (Ф. 89), «Дела Андреевской деревни» (Ф. 101), «Аксайские дела» (Ф. 115) и др. Документы фондов раскрывают положение дел на Северном Кавказе, в частности, и в Дагестане в рассматриваемый период. Особую ценность имеют содержащиеся в фондах тексты грамот, договоров, обязательств российских, иранских и турецких правительств, которые относятся к изучаемому времени и затрагивают факты нападений местных народов на российские пределы, участия их в каких-то организованных походах против России. Кроме того, сведения из фондов РГАДА помогают выявить различия в политических и, соответственно, в боевых установках тех или иных партий, группировок в среде местного населения.

Из материалов АВПРИ нами использованы «Сношения России с Персией» (Ф. 77), «Сношения России с Турцией» (Ф. 89), «Константинопольская миссия» (Ф. 90), «Кумыкские и Тарковские дела» (Ф. 121). В отмеченных фондах содержится богатейший архивный ма-

териал, дающий возможность исследовать политику России, Ирана и Турции на Северо-восточном Кавказе и раскрыть их роль в международных отношениях, которые сказывались на ситуации в регионе. В целом фонды АВПРИ дали возможность воссоздать процесс принятия местными народами российского подданства.

По данной тематике большой материал выявлен и использован из РГВИА, рассредоточенный в фондах: «Военно-ученый архив» (Ф. ВУА), «Воинская экспедиция Военной коллегии» (Ф. 20), «Дела князя Потемкина – Таврического» (Ф. 52), «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе» (Ф. 482) и др. Эти документы и материалы свидетельствуют о дипломатическом, политическом и военном противостоянии, развернувшемся между шахским Ираном и султанской Турцией и Крымом, с одной стороны, и Россией – с другой, по вопросу Северо-восточного Кавказа, в том числе Дагестана. Этот материал позволяет вникнуть во внешнеполитические планы противоборствующих держав, понять методы и приемы их реализации. В фондах РГВИА содержится и материал, дающий нам возможность более полного раскрытия вопросов политического, военного положения в регионе, анализа отношений местных народов к процессам и событиям, происходившим на Северо-восточном Кавказе, а также определить степень их участия в многочисленных войнах Российской империи с Ираном и Турцией на стороне первой.

Весьма ценными по своей значимости явились материалы, извлеченные из местных архивохранилищ. Ценные документы местного происхождения хранятся в ЦГА РД. Большой интерес представляют богатейший комплекс архивных источников под названием «Кизлярский комендантский архив», куда входят «Кизлярский комендант» (Ф. 379), «Дербентский комендант» (Ф. 18) и др.

Хранящиеся в этих фондах материалы представляют собой документы официального характера: донесения, в частности, русских резидентов в Иране, отчеты, отписки, рапорты местной русской администрации правительству, письма и прошения владетелей к царю и кизлярскому коменданту и др.

Богатый материал по теме исследования хранится и в Научном архиве Института истории, археологии и этнографии ДагНИЦ РАН. Особый интерес представляют «Документы по истории Дагестана XVIII – XIX вв.» (Ф. 1), «Документы по русско-дагестанским отношениям в XVIII в.» (Ф. 1) и др. Наряду с архивными документами местного происхождения здесь имеются архивные документы, выяв-

ленные дагестанскими исследователями в центральных архивах страны.

Архивные документы свидетельствуют о том, что внешняя угроза еще больше сблизила народы Северо-восточного Кавказа, дружно выступавшие против порабощения со стороны Персии, Турции и Крымского ханства, и что в этой нелегкой борьбе они находили активную поддержку у своего могущественного северного соседа – России.

Эти документы дали возможность существенно углубить исследуемую тему, отношений той или иной части местного населения и владельцев к событиям, а также степень их участия во внешнеполитических мероприятиях. Привлеченные документы расширили знания относительно различных аспектов жизни народов Северо-восточного Кавказа, дополнили известные моменты в освещении процесса укрепления позиций России в регионе.

Названные выше архивные источники содержат, прежде всего, материал о политических связях народов Северо-восточного Кавказа с Российской империей, Персией и Турцией, раскрывают значение русско-северокавказских связей в международном аспекте.

Существенно дополнили и расширили диапазон знаний по истории народов региона издания, в которых опубликованы архивные материалы, касающиеся проблем России, Ирана и Турции на протяжении XVIII – 20-х гг. XIX в., характеризующие взаимоотношения народов северо-кавказского региона, освещающие процесс включения региона в состав Российской империи.

Многие из архивных документов, привлеченные автором в исследовании, были опубликованы еще в дореволюционный период. Из них наибольшую ценность представляют «Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией» (Тифлис, 1866–1873. Т. 1–12). Здесь собран и систематизирован огромный документальный материал официального характера, извлеченный из архивов главного управления наместника царя на Кавказе.

Ценной публикацией является сборник Т. Юзефовича «Договоры России с Востоком, политические и торговые» (СПб., 1869), в котором сосредоточены наиболее значительные соглашения России, Ирана и Турции с 1700 г. по 1856 г. В этих соглашениях имеются и статьи, касающиеся народов Дагестана.

Важнейшие документы, имеющие отношение к истории Чечни и Дагестана, в том числе их взаимоотношения с Российской империей в XVIII – 20-х гг. XIX в., были помещены в изданиях: «Полное собра-

ние законов Российской империи» (СПб., 1830); «Сборник русского исторического общества» (СПб., 1867–1896. Т. 13. Ч. 3. Т. 27. Ч. 4. Т. 87. Ч. 5. Т. 97. Ч. 6. Т. 118. Ч. 7. Т. 135. Ч. 8).

Весомое место занимают и существенно детализируют военно-политическую деятельность местного населения, определяют место вайнахов и дагестанцев во внешней политике Российской империи, раскрывают страницы их боевой истории, материалы, опубликованные в газетах, журналах и сборниках: «Военный сборник», «Кавказский сборник», «Русский архив», «Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских», «Кавказ», «Записки Кавказского отдела Русского географического общества» и др.

В советский период из Турецких и Крымских дел РГАДА часть документов была издана в сборнике «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». Составителями выступили Н.Ф.Демидова, Е.Н.Кушева, А.М.Персова .

В новейшее время были опубликованы архивные материалы XVIII–XIX вв. из фондов РГАДА, АВПРИ, РГВИА, а также местных северокавказских архивов, открывшие новый этап в изучении взаимоотношений России с народами региона. Прежде всего, это: «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (М., 1957.Т. 1–2), «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.» (Махачкала, 1958), «История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы» (М., 1958), «Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в.» (Тбилиси, 1968), «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. (М., 1988) и др.

Уникальные сведения об истории народов Северо-восточного Кавказа, содержащиеся в сочинениях русских и иностранных путешественников, даны в книге: «Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв.» (Махачкала, 1992). Сообщения этих авторов создают яркое представление о многих сторонах жизни народов региона.

Занимаясь проблемами истории Северо-восточного Кавказа, невозможно не обратиться к «Актам Кавказской Археографической комиссии» (Тифлис, 1866–1904 гг. Т.1–12), которая была создана в апреле 1864 года для: подробной разработки главных архивов Кавказского и Закавказского края, извлечения исторических памятников, представляющих интерес для истории края и науки в отношении историческом, юридическом и административном (13, ф.262, оп.1, д.6, лл.10–10 об.). Первые десять томов (из них 6 том – два выпуска) редактировал А.П.Берже, тома XI–XII – Дмитрий Кобяков. Докумен-

тальное издание «Актов...» уже в ходе публикации стало библиографической редкостью – тома печатались по 200 экземпляров.

Основатель Кавказской Археографической комиссии и бессменный ее председатель по день своей смерти – А.П. Берже сокрушался о том, что одна из важнейших сторон его задачи – разбор и приведение в порядок архивов Северного Кавказа, где заключаются драгоценнейшие материалы для истории первых шагов русского движения к Кавказу в течение XVII и XVIII столетий – так навсегда и останется невыполненной. «Акты...» начинаются с документов 1800 года. Лишь первые 90 страниц первого тома относятся к предшествующей эпохе. «Акты...» представляют собой свод официальных документов, извлеченных из местных архивов и служащих исходной базой для изучения истории кавказских народов. Он не столь «беспристрастный и искренний», как пытался убедить рецензент, ибо методика обращения непосредственно к архивам говорит о тенденциозности в подборке документов. В «Актах...» преимущественно представлены документы по военно-политической истории завоевания Кавказа при явной недостаточности документов по социально-экономической истории местных народов. Но все они содержат многочисленные этнографические характеристики и факты.

Автор находит подобные сведения и в периодической печати середины XIX в., когда на Кавказе начинает выходить одноименная газета. Она выпускалась с 1846 по февраль 1854 г. – частным издателем – чиновником особых поручений при Начальнике Гражданского управления.

Именно в начальный период и были напечатаны наиболее интересные статьи, так как после передачи газеты в государственное ведение «Кавказ» стал заурядным официозом.

Некоторое число источников и материалов по истории Северо-восточного Кавказа было опубликовано в «Кавказском календаре», начавшем выходить со второй половины 40-х годов XIX в.

Следует отметить, что с середины XVIII, и в особенности в 1-й половине XIX века, начинается благоприятное время не только для накопления документальных материалов, но и многочисленные архивные материалы, зафиксировавшие исторические и этнографические реалии эпохи, начинают осмысливаться. Выходят в свет работы исследовательского характера, которые отличаются более основательными и подробными сведениями о народах Северного Кавказа. В них впервые определились направления общеисторического анализа, были предприняты попытки научного объяснения событий кавказ-

ской истории. То есть начинается оформление кавказской историографии.

Наряду с вышеуказанными источниками группы «в» определенную роль в написании работы сыграли относящиеся к этой же группе сочинения европейских авторов (немецких, англоязычных, французских, польских), также оказавшимися участниками и очевидцами событий: Т.Д.Крусинского, Джона Белла, И.Г. Гербера, Джонса Ханвея, Ф.Базена, И.Я.Лерха и других.

Располагая их по хронологии событий, подчеркнем, что в работе польского миссионера Т.Д. Крусинского «История путешественника. Нашествие афганцев и крушение власти шахов в государстве Сефевидов»¹ и в ее французском варианте «История революции в Персии»², помимо описания очевидцем ситуации в указанных областях, содержится вывод о нарастающей ориентации населения Прикаспия в сторону России, что не могло не сказаться на политике противоборствующих сторон и формировании международных отношений.

Определенный интерес в качестве источника представляет сочинение члена посольства А.П. Волынского в Иран в 1715–1718 гг. и участника Петровского похода Джона Белла³, запечатлевшего отдельные эпизоды похода 1722 г. и русско-дагестанских отношений этого периода. Подробное описание автором Дербента, Тарки и других узловых пунктов Дагестана, сухопутных и водных коммуникаций, отношений владетелей с Ираном и Турцией свидетельствуют о значении горного края в политике соперничающих сил. Уникальным источником для изучения Дагестана с различных сторон, особенно по вопросам военно-политического и геополитического характера, является работа И.Г. Гербера⁴, не только участвовавшего в походе Петра I,

¹ Крусинский Т.Д. Тарих-и сейах-и. Хужум-и афханиян ве ипхидат-и бинайи довлет-и шахан-и Сефевийан / Пер. И.Мутсферика. Стамбул, 1142/1729.

² Krusinsky. Histoire de la Rewolition in Perse. Paris, 1729–1736. Т.1, 1739–1742. Т. 2.

³ Джон Белл. Беллевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли, а именно: Испагань, Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. М. Попова. СПб., 1776. Ч.1–3.

⁴ Гербер И.Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курою, народах и землях и об их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Январь–июнь, июль–декабрь. Сокращенный вариант этого труда см.: Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря в 1728 г. // История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. (ИГЭД) // Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М., 1958.

но и исходившего пешком и изъездившего верхом Дагестан и прикаспийские области как член комиссии по разграничению границ между Россией и Турцией на основе Константинопольского договора 1724 г. Работа изобилует конкретными фактами о русско-турецких отношениях, о том, как Порты приняла в подданство сначала Давуд-бека, а затем Сурхай-хана, пытаясь превратить их в орудие своей гегемонистской политики на Кавказе.

К числу необходимых источников по теме относится также работа английского купца Дж. Ханвея «Исторический очерк британской торговли на Каспийском море»¹, неоднократно побывавшего в Иране и на побережье Каспия в 1743–1744 гг. Благодаря этому он дает конкретные сведения о соперничестве на Каспии между Россией и Англией, характере вассально-подданнических отношений дагестанских владетелей с Ираном, попытках Порты ослабить позиции Ирана путем выдвижения самозванных представителей на иранский престол под видом защиты «наследников» Сефевидской династии, походах Надир-шаха в Ширван и Дагестан, провале Дагестанской кампании Надира и др.

Немаловажным источником по темам, раскрывающим сложную картину русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений в 30-х – 40-х гг. XVIII в., являются путевые записки И.Я. Лерха². Составленные членом посольства князем С.Д. Голицыным в Иране, дважды побывавшего в Дагестане, Азербайджане и Иране, они раскрывают неразрывное переплетение дипломатических, военных и иных усилий противоборствующих сторон, предпринимавшихся ими для сохранения и усиления своего влияния на Кавказе. В записках Лерха сцены дипломатических переговоров чередуются с военными столкновениями между Россией и Турцией, с одной стороны, Турцией и Ираном – с другой. В плане изучения военно-дипломатических аспектов темы диссертации сочинение И.Я. Лерха заняло значительное место среди зарубежных западных источников.

¹ Hanway J. A historical account of the British trade over the Caspian Sea. London, 1762. Fol 1–2 .

² Лерх И.Я. Путешествие, продолжавшееся от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на Западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1790. Ч.43.44,45; Его же. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 год // Там же. Ч. 53–60, 61–65,74,82–88,93,117.

Историография проблемы довольно обширна, разнообразна, сложна по характеру и содержанию, представлена в основном на русском, персидском и турецком языках, хотя заметное место в ней занимают и работы английских, немецких, французских и американских авторов. В трудах наших предшественников, посвященных кавказской политике России, Ирана и Турции, а также ближне-средне-восточной политике западных держав – Англии, Франции, Австрии, Пруссии и других, нашли отражение отдельные сюжеты исследуемой темы, хотя ни в отечественной, ни в зарубежной историографии эта проблема специально не изучалась.

Исходя из этого, в монографии предпринята попытка анализировать сначала труды отечественных, а затем зарубежных авторов, по возможности соблюдая принцип хронологической последовательности. При таком подходе представляется целесообразным представить историографию проблемы поэтапно следующим образом:

- 1) труды отечественных авторов досоветского периода (XIX в. – 1917г.);
- 2) исследования советских ученых 20-х – 80-х гг. XX в.;
- 3) исторические сочинения конца XX – начала XXI вв.

При таком подходе следует начать с оценки работ С. Броневского, А.А. Неверовского, В.И. Лебедева, И.Березина, С.М. Соловьева и Г.В.Мельгунова¹. Броневский, Неверовский и Березин обратили внимание на географическое положение феодальных владений Дагестана, определили их границы, численность населения и вооруженных сил, место каждого феодального владельца в кавказской феодальной иерархии, их внешнеполитические ориентиры в свете политики противоборствовавших сторон.

Попутно касаясь этих же вопросов, Лебедев, Соловьев и Мельгунов посвятили свои работы вопросам подготовки и проведения похода Петра I, ситуации в Дагестане и прикаспийских областях, реакции Ирана, Турции, Англии, Франции и других держав на это гранди-

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823. Ч.1; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847; Лебедев В.И. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. №3; Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью И.Березина. Казань, 1848; Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. Кн.3; Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. 1874. Т.110.

озное военно-политическое мероприятие. Среди этих авторов надо выделить С.М.Соловьева, внесшего наибольший вклад в освещение исследуемых вопросов. В своем 29-томном сочинении он рассмотрел ход двусторонних и многосторонних переговоров, антироссийскую позицию западных держав, характер и содержание русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких договоров, военные действия на Северном Кавказе, в Дагестане, Закавказье, Иране и других местах до конца русско-турецкой войны 1768–1774 гг.¹

Определенный интерес в связи с наличием фактического материала представляют работы военных историков XIX – начала XX вв., исследователей внешней политики противоборствующих сторон, охватившие широкий круг событий военного, политического и дипломатического характера, происходивших в XVIII–XIX вв. в русле кавказской политики России, Ирана, Турции, Крымского ханства, упомянутых и других западных держав: Д.П. Бутурлина, В.А.Ульяницкого, В.А. Потто, Н.Ф. Дубровина, В.И. Бакуниной, И.Раджицкого, А.И. Михайловского-Данилевского, В.Д. Смирнова, Н.Д.Чечулина, Н. Волконского, Е.Д. Фелицына, В.О. Ключевского, исследования по утверждению русского владычества на Кавказе и др.²

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн.9. Т.18. Кн. 10. Т.19–20. Кн.11. Т. 22; М., 1964. Кн.12. Т. 23–24; М., 1965. Кн.13. Т. 25. Кн. 14. Т.28.

² Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб, 1820. Ч.1. Т 2-3. Ч.2. Т 3–4; Его же. Картина войн России с Турциею в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I СПб., 1829; Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883; Его же. Русские консульства за границею в XVIII в. М., 1899. Ч. 1-2; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. СПб., 1885. Т.1. Вып. 1; Его же. Два века Терского казачества (1557-1801): В 2 т. Владикавказ, 1912. Т.1; Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии / Под ред. В.А. Потто. Тифлис, 1889; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб., 1886. Т.2; Его же. Закавказье от 1803 до 1806 гг. СПб., 1866; Его же. Поход графа Зубова в Персию в 1796 г. // Военный сборник. СПб. 1874. №2–6; Бакунина В.И. Персидский поход в 1796г. // Русская старина. 1887. Кн. 2; Раджицкий И. Историческое известие о походе российских войск в 1796г. в Дагестан и Персию // Отечественные записки. СПб., 1897. Ч. 31. № 87; Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование Александра I с 1808–1812 гг. СПб., 1843. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения к России // Записки Императорского одесского общества истории и древностей (ЗИООИД). Одесса, 1889. Т.15; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774). СПб., 1896; Волкон-

По материалам этих и других авторов можно проследить истоки и динамику развития международных отношений на Кавказе, роль и место Дагестана в этих отношениях. Однако следует иметь в виду, что оценки и выводы этих авторов, так же, как их предшественников (Ф. Туманский, И.И. Голиков, В.В. Комаров, П.Г. Бутков, С.М. Броневский, А.А. Неверовский, В.И. Лебедев, В.В. Мельгунов, С.М. Соловьев и др.) не лишены субъективизма, служили оправданию кавказской политики царизма, «потрошения» или горских народов, пренебрегая их правом на самостоятельное национально-историческое развитие¹. Излишне доказывать, что такие суждения требуют критического подхода и объективного анализа их сочинений.

Не оставили без внимания события в Дагестане и Ширване и местные историки XIX в. А-К.А. Бакиханов, Г.Э. Алкадари и Д.М. Шихалиев². **instituteofhistory.ru**

Продолжая анализ трудов отечественных авторов, следует отметить, что исследователи 20-х – 80-х гг. XX в. прошли эволюцию от крайне радикального отрицания какой-либо положительной роли кавказской политики России вплоть до чрезмерного восхваления, отвергающего ее колониальный, захватнический характер. Из советских историков проблему восточной политики России первым затронул М.Н.Покровский, подвергший справедливой критике одностороннюю интерпретацию кавказской политики царизма дореволюционными авторами в духе апологетики³.

Однако М.Н. Покровский и историки-кавказеды его школы (Г.А.Кокиев, В.П. Писарев, И.И. Лихницкий, Д.П. Роевко, Б.В. Скитский и другие), сделавшие первые шаги в советском кавказоведении, сами впадали в другую крайность. Рассматривая внешнюю политику России через призму захватнических устремлений царизма, они игно-

ский Н. Кавказ в 1787–1799 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1890, Т.14, 1894. Т.15; Фелицин Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т.17; Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Курс русской истории. М., 1989. Т.4 (1696–1762); Т.5 (1762–1861); Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т.1. и др.

¹ Историография истории СССР. М., 1961. С.27; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. Махачкала, 2004. С. 11–12.

² Бакиханов А-К.А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестана: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994; Шихалиев Д.М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

³ Покровский М.Н. Константинополь // Внешняя политика (1914–1917 гг.). М., 1918; Его же. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

рировали прогрессивное влияние капиталистических форм хозяйствования России и передовой эволюции военно-демократической интеллигенции на экономическое и политическое развитие народов Кавказа, в том числе и Дагестана.

Для оценки позиций и выводов этих авторов характерны работы типичных представителей этого направления – Г.А.Кокиева и Б.В.Скитского. Г.А. Кокиев, посвятивший этой теме ряд публикаций, акцентируя внимание на соперничестве Англии, Франции и царской России, особо выделяет продвижение царизмом казачества на Северный Кавказ как главного средства начала его колонизации¹. Б.В. Скитский больше внимания уделил агрессивным устремлениям Ирана и Турции в регионе². Заслуга историков 20-х – 40-х гг. состоит в том, что, несмотря на одностороннюю негативную оценку кавказской политики России, они вскрыли ее классовые корни, уделили больше внимания социально-экономическим вопросам, критике колониальных устремлений царизма и западных держав.

При этом следует иметь в виду, что среди работ исследователей 20-х – 40-х гг. XX в. ближе всего к теме диссертации труды В.В. Бартольда, Е.С. Зевакина, Е.С. Зевакина и М.А. Полиевктова, М.А. Полиевктова, В.Н. Левиатова, И.П. Петрушевского³ и других. В работах этих авторов конкретизировано геополитическое положение Дагестана и прикаспийских областей, выявлена взаимосвязь западной и восточной политики России, связно представлено русско-турецкое, ирано-турецкое, афгано-османское противоборство и ирано-русское сотрудничество, уделено внимание политике Англии,

¹ Кокиев Г.А. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. Ростов н/Д, 1929. № 4 (6); Его же. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения (Изв. ЮОНИ-ИК). Сталинир, 1933. Вып. 1.

² Скитский Б.В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739–1779 гг.). Владикавказ, 1930.

³ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; Его же. Дагестан // Работы по исторической географии. М., 2002; Зевакин Е.С. Прикаспийские области в эпоху русской оккупации XVIII в. Баку, 1927; Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933; Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. Тбилиси, 1937; Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948; Петрушевский И.П. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI–XIX вв. Л., 1949.

Франции, Пруссии, Австрии и других стран с 20-х гг. XVIII до начала XIX в.

Анализ исследований отечественных историков второй половины XX – начала XXI в. требует к себе большего внимания по следующим причинам: во-первых, они написаны на более обширной источниково-историографической базе с конкретно выраженными авторскими концептуальными позициями; во-вторых, они охватывают широкий круг взаимосвязанных проблем социально-экономических, дипломатических, военно-политических и международных отношений; в-третьих, оказавшись со времени распада СССР в 1991 г. во внероссийском геополитическом пространстве, азербайджанские, армянские, грузинские и среднеазиатские авторы пополнили ряды зарубежных авторов, что требует соответствующего рассмотрения.

В свете сказанного представляется целесообразным рассмотреть в рамках отечественной историографии труды российских историков, имеющих непосредственное или опосредственное отношение к теме: сначала исследования 50-х – 80-х гг., затем работы 90-х – 2012 гг.

При таком подходе следует отметить, что одним из первых разработчиков различных аспектов истории Дагестана, куда были направлены завоевательные устремления Ирана, Турции и России, стал известный историк Р.М. Магомедов. В своих сочинениях, освещающих в основном социально-экономическую историю Дагестана с древнейших времен, он касается также внешнеполитической истории родного края, особенно героических страниц освободительной борьбы народов Дагестана против иноземных завоевателей в аспекте политики противоборствовавших сторон и влияния на развитие международных отношений¹. Заметный вклад в изучение истории Дагестана в международном плане внес дагестанский историк В.Г. Гаджиев. Его монография о роли России в истории Дагестана – наиболее насыщенное архивными и другими источниками исследование, дающее развернутую картину развития русско-дагестанских отношений с древнейших времен до конца XIX в. Узловые моменты этой проблемы представлены на фоне трехстороннего российско-турецко-иранского противоборства при поддержке последних упомянутыми западными

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала, 1957; Его же. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968; Его же. История Дагестана. Махачкала, 1985. Ч.1; Его же. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала, 1987 и др.

державами. Представляют интерес и его статьи, посвященные освободительной борьбе народов Дагестана против владычества Ирана в XVIII в., подготовке и подписанию русско-иранского Петербургского договора 1723 г.¹

Интересные материалы по теме содержатся в двух монографиях историка и этнографа С.Ш. Гаджиевой². В первой работе, изданной в качестве историко-этнографического исследования, дается описание похода Петра I в Дагестан со схемой маршрута движения русской армии, представлена картина развития русско-дагестанских отношений в последующий период. Во второй работе содержится обширный раздел «Внешнеполитическое положение Дагестана в XVIII в. Походы Надир-шаха в Дагестан. Развитие русско-дагестанских отношений. Присоединение Дагестана к России», что имеет немаловажное значение для нашего исследования.

Ряд вопросов по исследуемой проблеме нашел отражение в работах Н.А. Сотавова, посвященных внешнеполитической истории Дагестана и Северного Кавказа, политике России, Ирана и Турции в регионе в контексте влияния западной дипломатии, освещении этих проблем в российской, кавказской и дагестанской исторической науке³. На базе изучения архивных и нарративных источников и ли-

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Его же. Борьба народов Дагестана против владычества Ирана в начале XVIII в. // Уч. записки ИИЯЛ Даг. ФАН. СССР. Серия историческая. Махачкала, 1963. Т.11; Его же. Петербургский договор 1723г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в.: Темат. сборник. Махачкала, 1988.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Ее же. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000. Кн. 1 .

³ Сотавов. Н.А. К историографии вопроса «Внешнеполитические отношения Дагестана со странами Ближнего Востока (Турция, Иран) в первой половине XVIII в.» // Сб. статей. Махачкала, 1966. Вып. 2; Его же. К вопросу о политике Ирана и Турции в Дагестане в 40-х гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана (ВИЭД): Сб. науч. сообщ. Махачкала, 1972. Вып. 2; Его же. К вопросу о кавказской политике Ирана и Турции в Дагестане в первой трети XVIII в. // ВИЭД, 1976. Вып. 6; Его же. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в первой четверти XVIII в. // Народы Азии и Африки. М., 1984. № 4; Его же. Кавказ в политике Ирана, России и Турции в XVIII в. (по материалам иранских и турецких источников) // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984; Его же. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. (в освещении зарубежной историографии) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986.

тературы на различных языках автор рассматривает место и роль Северного Кавказа в системе международных отношений Кавказского региона XVIII в., уделяя особое внимание геополитической доминанте Дагестана в этих отношениях.

Некоторое освещение рассматриваемые нами вопросы нашли в монографии Г.А. Джахиева, посвященной роли Дагестана в русско-иранских и русско-турецких отношениях в начале XIX в.¹ В ней на базе обширного архивного материала, опубликованных документов и исторических сочинений показаны последствия присоединения Дагестана к России.

Среди дагестанских историков 50-х – 80-х гг. отдельные сюжеты изучаемой проблемы затронули в своих работах А.И. Тамай, Ф.З. Феодаева и в совместном исследовании Х.Х. Рамазанов и А.Р. Шихсаидов². В кандидатской диссертации и статье А.И. Тамая, написанных на базе архивных, дагестанских и восточных источников, рассмотрены вопросы политики Ирана в отношении Дагестана и провала его завоевательной политики на Кавказе. Ф.З. Феодаева уделила преимущественное внимание проблемам русско-дагестанских торгово-экономических и политических отношений во второй половине XVIII – начале XIX в. В отличие от них, Рамазанов и Шихсаидов осветили проблемы Южного Дагестана, обратив внимание на историческое значение разгрома Надир-шаха. Подобные же сведения фрагментарного характера имеются в статьях А.Н. Козловой³. Роль союзов сель-

¹ Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX в. // Дагестан в русско-иранских и русско-турецких отношениях. Махачкала, 1985.

² Тамай А.И. Провал захватнических планов шаха Надира в Дагестане. Дис... канд. ист. наук. М., 1951; Его же. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР, 1958. Т.5; Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // Уч. записки ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР, 1965. Т. 14; Ее же. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-е – 70-е гг. XVIII в. // ВИЭД, 1970. Вып.1; Ее же. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971; Ее же. Кизляр – экономический и административный центр России на Северном Кавказе в XVIII в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов северного Кавказа. Махачкала, 1980; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории южного Дагестана. Материалы к истории Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1964.

³ Козлова А.Н. Страницы освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. М., 1976: Вып. 18; Ее же. «Намэ-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

ских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – первой половине XVIII в., обратившая на себя внимание соперничавших держав, отражена в статье Б.Г. Алиева и М-С. К. Умаханова¹.

Здесь же отметим, что наряду с вышеуказанными специальными исследованиями 50-х – 80-х гг., необходимые сведения по теме содержат совместные труды наших историков, составленные в виде очерков² или истории³ Дагестана, истории народов Северного Кавказа⁴, сборника статей по взаимоотношениям народов Дагестана с Россией и с народами Востока⁵. При этом в очерках представляются интересные внутри- и внешнеполитические события, связанные с политикой соперничавших держав, попытками России и Турции укрепить собственные позиции под видом искровительства народам Кавказа: Россией – христианам Закавказья, а Турцией – суннитам Дагестана и Северного Кавказа. Вместе с тем, в историях Дагестана и народов Северного Кавказа больше внимания уделено взаимоотношениям населяющих их народов с народами остальных регионов Кавказа и Россией, проблемам единства горских народов в борьбе с иноземными завоевателями. В упомянутом сборнике статей дана картина взаимоотношений народов Дагестана с Россией и с народами Востока преимущественно со времени образования централизованного Российского государства на примере Закавказья, Средней Азии, Ирана, Турции и других регионов.

В круг исследований 50-х – 80-х гг. XX в. входят также труды российских и северокавказских историков, рассматривающих события в Дагестане, прикаспийских областях, на Кавказе и Закавказье в русле кавказской политики России, Ирана, Турции и западных держав на широком фоне международных событий. Среди них наличием фактического материала и концептуальными суждениями по интересующим нас вопросам выделяются труды В.П.Лысцова, Н.А.Смирнова, А.В.Фадеева, О.П.Марковой, Н.Г. Волковой,

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – первой половине XVIII в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1986.

² Очерки истории Дагестана: В 2 т. Махачкала, 1957. Т.1.

³ История Дагестана: В 4 т. М., 1967. Т.1.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

⁵ Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Востока. Сб. статей. Махачкала, 1982.

А.П.Новосельцева, совместные исследования М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева и В.В. Дегоева¹.

Так, в монографии В.П. Лысцова представлена панорама подготовки и осуществления Каспийского похода Петра I, столкновения интересов России, Ирана и Турции в Прикаспийском регионе, заключения русско-иранского и русско-турецкого договоров 1723–1724 гг., указаны меры Петербурга по укреплению своих позиций в обретенных областях, позиции Англии и Франции по этим вопросам в создавшихся условиях.

В ряде работ Н.А. Смирнова выявлены механизмы осуществления политики Порты и Крымского ханства против народов Северного Кавказа и юга России, вскрыты антироссийские интриги западных держав, ускорившие начало русско-турецких войн 1735–1739, 1768–1774, 1787–1791 годов. Непосредственное отношение к теме диссертации имеет содержащийся в его монографии о политике России на Кавказе вывод о том, что, оберегая собственные интересы, «Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Турции»².

Наряду с этими вопросами А.В. Фадеев глубже определил причины эволюции кавказской политики России при преемниках Петра I, выявил объективную взаимообусловленность российско-кавказских отношений в последующий период: «Нараставшая политическая активность русского царизма на Кавказе и усилившееся тяготение кавказских народов к России, – включает он в одной из работ, – таковы были две стороны процесса развития русско-кавказских связей на протяжении XVIII в.»³. Содержателен и его вывод в указанной моно-

¹ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1951; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе XVI–XIX вв. М., 1958; Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974; Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в XVII – первой половине XVIII в. в освещении зарубежной историографии // История СССР, 1960. №3; Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958; Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 30-е гг. XIX в. М., 1984.

² Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 76.

³ Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Изв. ЧИНИИ. Грозный. 1959. Т.2. Вып. 1. С.3 .

графии о том, что «политические события, происходившие в одной части Кавказа, неизбежно влияли на другие его области»¹.

В монографии О.П. Марковой особый интерес вызывает конкретный тезис об объективном совпадении успешного хода освободительной борьбы народов Дагестана против владычества Ирана с кавказской политикой царизма, направленной на негласную поддержку этой борьбы материальными и политическими средствами. «В период неудач Надир-шаха в Дагестане, – подчеркивает она, – союзные отношения России с Ираном заметно ухудшились. Это благоприятствовало борьбе народов Дагестана за независимость и способствовало крушению планов Надир-шаха на установление иранской гегемонии на Кавказе. Но услуга, оказанная Россией дагестанским горцам, была взаимной. В одной из записок (1748) вице-канцлер М.И. Воронцов определенно заявил, что с Ираном была бы война, если бы горцы не остановили персов»².

Интересные суждения о развитии российско-дагестанских отношений в последующий период высказала Н.Г. Волкова. Добавляя к сказанному предыдущими авторами новый акцент, она подчеркнула, что российско-турецкий Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. значительно повлиял на политическую обстановку Северо-восточного Кавказа, «поскольку в подданство России вошли соседние с Чечней дагестанские владения Эндери, Костек, Аксай, шамхальство Тарковское и др.»³.

Материалы по рассматриваемой теме отражены в монографии М.Р. Аруновой и К.З. Ашрафян, написанной на базе архивных и нарративных источников, трудов иранских, западноевропейских, российских, кавказских и других ученых. Для нас особо ценными оказались материалы главы V, где содержится вывод, касающийся непосредственно Дагестана: «В Дагестанском походе Надир терпел одно поражение за другим, – подчеркивают авторы. – Не добившись успеха, потеряв значительную часть войска... Надир вынужден был в феврале 1743 г. вернуться в Иран»⁴. Работа изобилует многочисленными примерами антииранских восстаний на Кавказе, инспирированных Портой, что привлекало внимание России и западных держав.

Определенным подспорьем к написанию работы послужила монография Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева, содержащая

¹ Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. ...С.27.

² Маркова О.П. Указ. соч. С.126.

³ Волкова Н.Г. Указ. соч. С.12.

⁴ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Указ. соч. С.159.

разнообразные материалы по данной теме. Представленная в монографии картина решения кавказской проблемы заинтересованными сторонами с участием западных держав с соответствующим интересом к Дагестану способствовала углубленному пониманию ряда изучаемых нами вопросов. Подтверждением сказанному является вывод авторов о том, что «активизация политики России на Кавказе в XVIII в. вызвала спор за обладание между Россией, Ираном и Турцией. В конце XVIII – начале XIX в. экспансионистские планы наполеоновской Франции, а затем и Англии на Востоке заставили Петербург усилить внимание к Кавказу»¹.

Вслед за своими предшественниками, заметный вклад в изучение роли Дагестана в международных отношениях Кавказского региона внесли исследователи постсоветского периода. Тесно соприкасаются с темой монографии работы, посвященные взаимоотношениям Дагестана с Россией, Ираном, Турцией, политике Англии и Франции в отношении кавказского региона, освободительной борьбе дагестанских народов против иноземных завоевателей. Следуя хронологии издания и наличию материала по теме, в этой группе предпочтительно выделить работы Р.Г. Маршаева и Б.Б.Бутаева, В.Бобровникова, М.Р.Гасанова, В.Г.Гаджиева, Р.М.Касумова, Э.Г.Джахиевой, Р.Г.Абдулатипова, Р.М.Магомедова, Б.Г.Алиева и М-С. К.Умаханова, Н.В.Барышниковой, Н.А.Сотавова, Н.А.Магомедова, Е.И.Иноземцевой, Я.З.Ахмадова, Т.Н.Малахова, Х.Н.Сотавова, Ш.Б.Ахмадова, Ш.А.Гапурова, А.И.Омарова, Б.В.Виноградова, В.А.Матвеева, М.М.Гасаналиева, А.Н.Рябикова, Ф.З.Феодаевой, Л.А.Магомедовой, Д.С.Кидирниязова, И.В.Курукина² и других. Осо-

¹ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С.3.

² Маршаев Р.Г., Бутаев Б.Б. История лакцев. Махачкала, 1991; Бобровников В. Дагестан: между Россией и мусульманским Востоком // Вестник Евразии, 1995. №2; Гасанов Р.М. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов н/ Дону, 1995. № 2; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Касумов Р.М. Дагестан и Россия в первой четверти XVIII в. Махачкала, 1997; Его же. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Его же. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004. Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные владения в международных отношениях в конце XVIII – начале XIX вв. (1774-1826 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Абдулатипов Р.Г. Кавказская политика России и российская ориентация//Научная мысль Кавказа. №3. 1999; Его же. Национальная политика России: история и современность. М., 1997; Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999; Алиев Б.Г., Умаханов М-С. К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в.

бого внимания заслуживает новейшее издание истории Дагестана, содержащее конкретные данные по исследуемой теме¹.

Отдельные вопросы темы монографии непосредственно сопрягаются с тремя исследованиями, посвященными внешней политике России и образованию многонационального Российского государства². Первое из них, по эпохе Петра I, охватило вопросы о целях и

Махачкала, ДНЦ РАН, 1999; Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Сотавов Н.А. Крах «Грозы вселенной». Махачкала, 2000; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2000; Его же. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII – первой половине XIX в. (экономические, политические и культурные аспекты). Махачкала, 2004; Его же. Южный Дагестана во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2005; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX вв. (проблемы торгово-экономических взаимоотношений). Махачкала, 2001; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., Т.1. 2001; Малахов Т.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX в. Ростов-на-Дону, 2001; Сотавов Х.Н. Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002; Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик: Эльфа, 2003; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004; Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск – на Кубани, 2005; Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов-на-Дону, 2006; Гасаналиев М.М. Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII – начала XIX в. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2007; Рябиков А.Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 2007; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. М., 2008; Магомедова Л.А. Дагестан в кавказской политике России и Турции в 1802–1813 гг. // Военно-исторический журнал. М., 2010. №11; Кидирниязов Д.С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М., 2011; Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010; Его же. Артемий Волынский. Серия: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2011.

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004.

² Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990; История внешней политики России. XVIII век. М., 1998; Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998.

задачах Каспийского похода императора, его осуществления и последствий, влияния на развитие международных отношений, подготовки и подписания российско-иранского Петербургского и российско-турецкого Константинопольского договоров (1723, 1724). Вторая монография по XVIII в. выделяет главные военно-политические события от Петербургского договора 1723 г. до Ясского мира 1791 г. В ней представлена диалектика развития международных отношений в свете политики отдаленных по расстоянию, но близких по осуществлению антироссийской политики «восточного барьера» западных держав. Наиболее насыщенной из них оказалась третья работа, несущая в себе атмосферу 20-х гг. XVIII – начала XIX в. в виде многочисленных документов дипломатического и военно-политического характера. При внимательном изучении указанных исследований можно почерпнуть необходимые сведения, отсутствующие в других сочинениях.

Труды исследователей постсоветского периода написаны на более насыщенной источниковой и объективной основе, содержат обоснованные критические оценки кавказской политики России, Турции и Ирана, особенно применительно к Дагестану. Отмечена эволюция кавказской политики царизма от политики «ласкания» владельцев и старшин к идеям федерализации до насильственного завоевания и порабощения народов региона, что может послужить надежной базой для дальнейшего изучения этих проблем.

Важные сведения по изучаемой теме оказались в монографических исследованиях, в кандидатских и докторских диссертациях, специальных статьях и материалах докладов на научных конференциях по Северному Кавказу, Прикаспийскому региону и Кавказу в целом. Среди них преобладают в основном материалы по Северному Кавказу¹, в меньшей степени – по Кавказу¹, а также Прикаспийскому реги-

¹ Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва-Ставрополь, 2001; Рахаев Ж.Я. Геополитическое значение Северного Кавказа в системе международных отношений первой половины XVIII в. // Там же; Его же. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. Источники. Архивные и нарративные источники 1699-1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. М., 2012; Панин В.Н. Современная динамика геополитических процессов на Северном Кавказе // Там же; Раджабов О.Р., Скалькова В.П. Геополитическое положение на Северном Кавказе: некоторые аспекты // Там же; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991; Его же. Особенности развития международных отношений на Северном Кавказе в XVIII веке в

ону² и Северо-восточному Кавказу³. Следует отметить, что в указанных исследованиях международные отношения в Кавказском регионе рассматриваются в свете кавказской политики восточных и западных геополитических соперников России в лице Англии, Франции, Ав-

свете влияния восточной политики великих держав // Вестник ДГУ. Гуманитарные науки, 2004. Вып.3; Джахиев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII – первой трети XIX в. (от Георгиевского трактата до Андрианопольского договора: 1783–1829 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Махачкала, 1994; Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Нальчик, 2004; Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005; Стеценко Н.К. Северокавказская политика России в царствование императрицы Екатерины II. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009 и др.

¹ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001; Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях XVIII в. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1998. №2; Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Белостудцев Ф.О., Суворов В.Л. Национальные интересы России сквозь призму событий в Дагестане и Чечне // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. М., 2001; Напсо Д.А. Кавказ в системе геополитических отношений // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва-Ставрополь, 2001; Аникеев А. Кавказ в истории мировых цивилизаций // Там же; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003; Его же. Кавказ между тремя империями // Международная жизнь, 2003. №12; Шишков В.В. Схватка за Кавказ: XVI–XX вв. М., 2005.

² Закруткин В.Е., Бессонов О.А. Каспий и его роль в социально-экономической и политической жизни России // Научная мысль Кавказа. Ростов н/ Дону, 2002. № 2; Жильцов С.С., Зон И.С., Ушаков А.М. Геополитика Прикаспийского региона. М., 2003; Магомедова Р.М. Кавказская проблема в восточной политике России, Англии и Франции в первой половине XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004; Сотавов Н.А. Борьба народов Дагестана и Азербайджана против Надир-шаха: опыт сотрудничества и преемственность традиций // Вестник Института истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) ДНЦ РАН, 2005. №2; Касумов Р.М., Сотавов Н.А. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008.

³ Бутаев А.А. Освободительное движение народов Восточного Кавказа под руководством Хаджи Дауда Мюшкурского: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2003; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. Махачкала, 2004; Гарунова Н.Н. Российские города крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: Проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007; Мусаев С.А., Курбанов А.Д., Каяев И.А. Гази-Кумух. Эпоха Сурхай-хана I. Махачкала, 2011.

стрии, Швеции, Пруссии, Германии, США, Турции и Ирана с особым акцентом на геополитическое положение Дагестана постсоветского периода как южного форпоста Российской Федерации.

Таким образом, отечественная историография XIX – начала XX в., советского и постсоветского периодов представляет определенный материал для выявления места и роли Дагестана в международных отношениях Кавказского региона. Поскольку такая роль Дагестана преимущественно проявляется в контексте глобальной кавказской проблемы, мы коснемся лишь тех вопросов, которые имеют отношение к Дагестану, как к части Кавказа, в намеченных хронологических рамках, но с тем обязательным условием, чтобы критически подойти к отдельным ошибочным положениям фактического и концептуального характера и дать им объективную научную оценку.

В свете сказанного следует начать с ошибочного определения отдельными дореволюционными и советскими историками даты взятия Шемахи, ограбления и убийства 300 русских купцов Сурхайханом Казикумухским и Дауд-беком Мюшкюрским, ускорившим начало похода Петра I, и, следовательно, новой фазы международных отношений в Прикаспийско-Кавказском регионе. Ф.И. Соймонов и П.Г. Бутков относят это событие к 1712 г., И.И. Голиков и В.В. Комаров – к 1713 г.,¹ делая отклонения в отдельных случаях на 8–9 лет (1720, 1721)². Справедливости ради, надо отметить, что среди дореволюционных авторов правильно определяет эту дату С.М. Соловьев, указывая 7 августа 1721 г.³, что подтверждается документами Коллегии иностранных дел⁴.

Из советских историков такие же неточности имели место в работах А.И. Тамая и Р.М. Магомедова⁵, который, кстати, исправил это упущение в последующих исследованиях. Абсолютно точно дату «шемахинского инцидента» определили Н.А. Смирнов и В.Г. Гаджи-

¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого ... Т.6. 2-е изд. С. 37, 38; Комаров В.В. Персидская война 1722–1725 гг. // Русский вестник. Кн.4. Т.68. С.16.

² Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря ... С.31,100; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч.1. С.3,9,17. Бутковым допущена и другая неточность, касающаяся похода хана Каплан-Гирея через Кабарду, Чечню и Дагестан в Закавказье, где он вместо 1735 г. приводит 1733 г. // Там же. С. 121.

³ Соловьев С.М. История России... Кн. 9, Т.18. С. 373.

⁴ АВПРИ. Ф. 77: Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1721. Д.8. Л. 6. об.

⁵ Тамай А.И. Восстания 1711–1712 гг. // Уч. записки ИИЯЛ ДФАН СССР. Махачкала, 1957. Т.3. С.87; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана... С. 318.

ев, отнеся Шемахинское побоище к 7 августа 1721 г.¹ Сказанное подтверждается и тем, что вопрос об ограблении и убийстве русских купцов в русско-иранских торговых переговорах 1718 г. и двусторонних дипломатических документах до Петровского похода 1722 г. вообще не упоминается.

Отдельные неточности хронологического порядка касательно Дагестанского похода Надир-шаха, оказавшего влияние на кавказскую политику России, Турции, Англии и Франции и дальнейшее обострение международных отношений, замечены в работах дореволюционного дагестанского историка Г.-Э. Алкадари и советского историка В.Н.Левиатова, которые вместо 1741 г. относят этот поход соответственно к 1740² и к 1742 г.³ Кроме того, упомянутые авторы искажали политическую позицию Сурхай-хана и уцмья Ахмед-хана, якобы добровольно покорившихся шаху, прельстившись его богатствами подарками⁴, хотя участники и очевидцы событий однозначно утверждают об их упорной борьбе в это время⁵ против иноземных завоевателей.

Не менее существенные ошибки по исследуемым вопросам допущены в отдельных советских академических изданиях, снижающих значимость важнейших политических решений, а также некоторых международных соглашений. Сказанное относится к истории народов Северного Кавказа, где, как представляется, снижена значимость политической акции российского правительства утверждением о том, что свергнутый с престола в 1726 г. дагестанский шамхал Адиль-Гирей был сослан в Астраханскую губернию⁶, тогда как его сослали в г. Коло Архангельской губернии⁷, чтобы держать подальше не только от ближайших родственников, но и от активных политических покровителей – султанской Турции и Крымского ханства. Вызывает необходимость исправление содержащегося в этом же труде ошибочного названия подписанной в июне 1779 г. российско-турецкой Айналы-

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе ... С.66; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана... С.107.

² Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан... С. 67.

³ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана... С.110–111.

⁴ Алкадари Г.-Э. Указ соч. С.67; Левиатов В.Н. Указ. соч. С.111.

⁵ АВПРИ. Ф. 77, 1741. Д. 4. Л.211, 226.

⁶ История народов Северного Кавказа ... С.416.

⁷ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. ...С.73–74.

Кавакской¹ конвенции, подтвердившей условия Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г.

Следует отметить, что наряду с указанными погрешностями хронологического и фактического свойства в работах отечественных историков имеют место субъективные, ошибочные суждения концептуального характера, затушевывающие колониальный характер политики царизма или же односторонне выпячивающие ее захватническую сущность. Однако, учитывая, что такая поляриность суждений проявляется в основном при оценках кавказской проблемы в целом или Кавказской войны, в частности (середины XVI – 60-е гг. XIX в.), нашедших отражение в трудах авторов дореволюционного, советского и постсоветского периодов, материалах региональных, всесоюзных, всероссийских и международных научных конференций², ограничимся рассмотрением субъективных суждений, преднамеренно искажающих цели и задачи кавказской политики противоборствующих сторон, методы и средства их достижения, диалектику формирования и развития международных отношений в исследуемый период.

В свете сказанного становится очевидным, что элементы субъективных концептуальных суждений среди дореволюционных авторов встречаются в работах Д.П.Бутурлина, И.И.Голикова, А.А.Неверовского, Н.И.Березина, Г.В.Мельгунова, С.М.Соловьева, В.А.Потто, Н.Ф.Дубровина и других. Являясь представителями господствующих классов России, они пропагандировали официальную версию о «благих» намерениях, «цивилизаторской» миссии царизма на Кавказе, извращали сущность освободительной борьбы кавказских народов, особенно Дагестана, приписывая ей «агрессивный», «грабительский», «хищнический», «разбойничий»³ характер, затрудняя тем

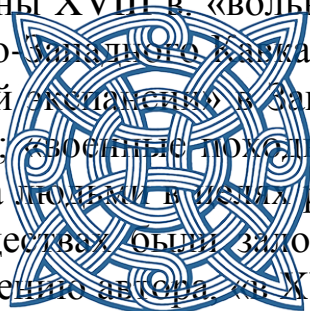
¹ История народов Северного Кавказа ... С.449.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана... С.12; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях... С.20,21,22; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе... С. 264–284; Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004. С. 267–287; История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004. С. 267–287.

³ Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян... Ч.2. Т.3. С.13; Голиков И.И. Деяния Петра Великого... С.37, 38; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан... С.9, 21; Березин Н.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью... С.63,76,159; Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник, 1874. Т.110. С.190, 197; Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы, 1868. Т.2. Кн. 3. С. 165,167; Потто В.А. Кавказская война... Т.1, Вып.1. С.26,79; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе... Т.2. С.13,17.

самым понимание сущности военных и дипломатических мероприятий соперничающих сторон.

Несмотря на абсурдность подобных утверждений, такие же оценки касательно формирования кавказской проблемы, взаимоотношений народов Кавказа с Россией, причин обострения этих отношений, особенно характера и сущности кавказской войны, содержатся в работах отдельных советских историков, в частности, М.М.Блиева, В.Б.Виноградова, С.Ц.Умарова и других. Так, М.М. Блиев, тенденциозно подбирая отдельные источники, пришел к необоснованным выводам о том, что с середины XVIII в. «вольные» общества Нагорного Дагестана, Чечни и Северо-Западного Кавказа стали питательной средой для «системы военной экспансии» в Закавказье и равнинных областях Северного Кавказа: «военные походы горцев» превратились в «организованную охоту за людьми в целях работорговли или получения выкупа»; в этих обществах были заложены «имманентные импульсы к набегам». По мнению автора «в XVIII в... экспансия горцев приобретает новую черту – антирусскую направленность». Кавказская война «выросла» из «системы экспансии, восходившей к концу VII в.»¹.

instituteofhistory.ru

Хотя эти выводы явно противоречат истине, В.Б.Виноградов и С.Ц.Умаров, вполне солидаризируясь с М.М.Блиевым, ставят под сомнение влияние политики царизма на обострение русско-кавказских отношений, отрицают колониальную сущность этой политики, отвергают правомерность понятий «кавказская война», «колониальная политика» и др. «Долгое время, – пишут они, – события эти именовались Кавказской войной, которая представлялась как захватническая война за присоединение Кавказа к России... Привычное употребление понятий «колониальная политика», «колониальный режим», «колониализм» ... вызывают сегодня веские сомнения»².

Однако в свете подлинных фактов, характеризующих политику царизма на Кавказе, подобные утверждения звучат неубедительно. Тем не менее, В.Б. Виноградов упорно отстаивал несостоятельную позицию М.М. Блиева, сопровождая свои суждения «приглушенной» критикой в его адрес, но с одобрением основных выводов, касающихся причин обострения российско-кавказских отношений, истоков и

¹ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР, 1983. № 2. С. 57–59,61,74.

² Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе к великой цели. (О пропаганде некоторых вопросов Чечено-Ингушетии и Северного Кавказа в связи с последствиями добровольного вхождения в состав России). Грозный, 1983. С. 8,10,17.

сущности Кавказской войны. Упрекая для видимости М.М. Блиева в том, что он «приглушил пагубные факторы реализации политики и практики царизма», он утверждает, что «основная идея» его статьи является «интересной», «новаторской», «актуальной», «перспективной»¹. Не случайно эти попытки «новой» интерпретации истории российско-кавказских отношений вызвали острую критику видных ученых, одобрительно встреченную подавляющим большинством историков Кавказа².

Таковы в общих чертах материалы отечественной историографии, но кроме нее, как уже упоминалось, имеется обширная зарубежная историография, заслуживающая не меньшего внимания и оснований быть использованной с некоторыми оговорками по различным вопросам темы диссертации. Сказанное относится, во-первых, к работам азербайджанских, грузинских и армянских историков, отразивших события в Дагестане и сопредельных областях Кавказа; во-вторых, к исследованиям иранских и турецких авторов, акцентирующих внимание на кавказской политике правящих кругов своих стран; в-третьих, английских, французских, американских, австрийских, немецких и других западных исследователей, касающихся стратегических устремлений Лондона, Парижа, Вены, Петербурга, Стамбула, Бахчисарая и Кабула в Прикаспийско-Кавказском регионе.

Исходя из вышеизложенного, из ограниченного круга исследований азербайджанских, армянских и грузинских историков XVIII–XIX вв. необходимо выделить работы Г.М. МоллазадэГанджеви³, Авраама Ереванци⁴, Е.Х.Джалаляна⁵ и А.А. Цагарели¹, в которых

¹ Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976–1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР, 1987. С.95–96.

² Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986. С. 37,38; Алиев Б.Г., Умаханов М-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII – первой половине XVIII в. Махачкала, 1986. С. 55; Ибрагимбейли Х.-М. Некоторые вопросы истории национально - освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия. (20-е – 50-е гг. XIX в.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Региональная научная конференция. Махачкала, 1987. С.9,10,11; Ортобаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. № 4. С.80,87,98.

³ Гаджи шейх Гасан Моллазаде Ганджеви. Зубдат-ал-таварих. Гянджа, 1912.

⁴ Авраам Ереванци. История воин 1721–1736 гг. Ереван, 1939.

⁵ Джалалян Е.Х. Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.). Баку, 1989.

описаны антииранские восстания в Дагестане и Ширване в 1707–1721 гг., походы Надир-шаха 1734–1735 гг., 1741–1745 гг., русско-кавказские и русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в., ставшие составной частью международных отношений того времени.

Хотя эти авторы уделили основное внимание событиям, происходившим на родных для них территориях, в то же время рассматривая их комплексно и логически взаимосвязано, они неизбежно коснулись военно-политических и дипломатических событий, происходивших в Дагестане, прикаспийских областях, Ближнем и Среднем Востоке, в связи с этим возникает необходимость объективного изучения и беспристрастного использования имеющихся в их трудах конкретно исторических сведений.

Сказанное относится и к другим работам Цагарели, представляющим исторические сочинения, составленные на базе переписки грузинских царей и князей с российскими государями, а также грамот и других документов XVIII в., относящихся к Грузии². Уместно отметить, что по насыщенности фактического материала эти сочинения могут рассматриваться в равной степени и в качестве исторических источников. К исследованиям такого же рода из числа армянских авторов можно отнести монографию Г.А. Эзова³.

Следует отметить, что по сравнению с указанными исследованиями закавказских историков XVIII–XIX вв., труды азербайджанских, грузинских и армянских историков XX столетия значительно превалируют над ними как в количественном, так и в качественном выражении. При этом преимущественное положение среди них по насыщенности фактическим материалом и обоснованностью концептуальных суждений занимают труды азербайджанских историков, на родине которых, наряду с Дагестаном, развернулись в основном решающие военно-политические и дипломатические события, оказавшие существенное влияние на международные отношения изучаемого периода.

К таким исследованиям азербайджанских историков относятся труды А.А. Абдурахманова, Г.Б. Абдуллаева, Р.Ф. Бадырбейли, Ф.М. Алиева, Т.Т. Мустафаева (Мустафа-заде), Л.И. Юнусовой, Г.Н. Маме-

¹ Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом XVII–XVIII вв. СПб., 1891. Тифлис 1903.

² Цагарели А.А. Переписка грузинских царей и влиятельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб., 1890; Его же. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т.1.

³ Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

довой, совместная работа по истории Азербайджана¹ и другие, в которых в той или иной степени освещены различные аспекты исследуемой темы. Среди приводимых упомянутыми авторами достоверных сведений привлекают внимание не только оценки роли постоянно действующего «треугольника сил» (Россия, Иран, Турция), но и всей системы кавказской политики с участием западных держав, в которой влияние Дагестана выступает в качестве непреходящего устойчиво функционирующего фактора.

Вместе с тем некоторые материалы, способствующие выявлению роли Дагестана в международных отношениях Кавказского региона, встречаются также в работах грузинских и армянских историков XX в. Касательно грузинских историков, это подтверждается совместной работой Н. Бердзешвили, И. Джанашвили, Ш. Джанашиа по истории Грузии², содержащей конкретные сведения о поощрении Портой набегов дагестанских феодалов на Грузию, особенно во второй половине XVIII в., и о стремлении царей Теймураза и Ираклия II к союзу с Россией.

Однако более приемлемыми для данного исследования оказались материалы, содержащиеся в трудах грузинских историков середины 50-х – 80-х гг. того же столетия: Г.Г. Пайчадзе, В.Г. Чочиева,

¹ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; Бадырбейли Р.Ф. Отношение западно-европейских дипломатов к Персидскому походу Петра I // Изв. АН. Азерб. ССР. Серия ист., филос. и права. Баку 1974, № 4; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975; Его же. Азербайджано-русские отношения XV–XVIII вв.: В.2 ч. Баку, 1985; Мустафаев Т.Т. К вопросу об усилении русской ориентации в Азербайджане (20 – начало 30-х гг. XVIII в.) // Изв. АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права. Баку, 1978, №2; Его же. Азербайджан в русско-турецких переговорах 1723–1724 гг. // Изв. АН Азерб. ССР. Сер. истории, философии и права. Баку, 1989, №3; Его же. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку. 1993; Его же. Mustafazade T.T. Ottoman-Russian Relations in the Caspian Region in 1723-1724 // The Caspian Sea. International Journal of Collected Academic Articles. Elista, 2001; Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988; Ее же. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30–40-х гг. XVIII в. в английской историографии // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989; Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20–60-е гг. XIX в.). Баку, 1989; История Азербайджана. Баку, 1979.

² Бердзешвили Н., Джанашвили И., Джанашиа Ш. История Грузии с древнейших времен до XIX в. Тбилиси, 1950.

Т.Д. Боцвадзе, источникового характера исследование В. Мачарадзе¹ и др., масштабно представляющие главные события XVIII в.: Каспийский поход Петра I, завоевательные нашествия Надир-шаха, русско-иранские, русско-турецкие, ирано-турецкие договоры и войны. В работах этих авторов прослеживаются процессы нарастающей ориентации народов Закавказья и Дагестана на Россию, антироссийские позиции западных держав, определившие особенности, трудности и зигзаги формирования и развития международных отношений.

Что касается сочинений армянских авторов XX в., то в них также встречаются необходимые сведения, касающиеся Каспийского похода Петра I, взаимоотношений России с народами Северного Кавказа и Закавказья, стремление христианского населения региона добиться покровительства России для борьбы против иранских и турецких завоевателей, противодействия этому западных держав путем попыток создания антироссийской осmano-ирано-польско-шведской коалиции.

Подобные сюжеты чаще встречаются в работах А.Р. Иониссяна, П.Т. Арутуняна, Л.Х. Тер-Мкртчяна, А.Г. Абромяна (источникового характера. – Р.К.), В.К. Васкояна и В.А. Дилояна, З.А. Арзуманяна, Г.А.Голояна, Ц.П. Агаяна, С.А. Тер-Авакимовой² и других. Опре-

¹ Пайчадзе Г.Г. Поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1722–1723 гг. и Грузия: Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Его же. Русско-грузинские отношения в 1725–1735 гг. Тбилиси, 1965; Его же. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970; Его же. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; Чочиев В.Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI–XVIII вв. (В свете ирано-турецких мирных договоров): Автореф. докт. ист. наук. Тбилиси, 1972; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1974; Мачарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии. Тбилиси, 1983.

² Иониссян А.Р. Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия. Ереван, 1947; Его же. Французское посольство в Иране в 1796 г. // Советское востоковедение. 1976. №1; Арутунян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII в. за присоединение к России // Учен. записки ИВ АН СССР, 1954. Т.3; Его же. Борьба народов Закавказья против иранской и турецкой агрессии в XVII–XVIII вв. Ереван, 1955; Тер-Мкртчян Л.Х. Армения под властью Надир-шаха. Ереван, 1963; Абромян А.Г. Документы из истории совместной борьбы народов Закавказья против турецких захватчиков в первой четверти XVIII в. // Историко-филологический журнал. Ереван. 1964. № 2. С. 243–248; Васкоян В.К., Дилоян В.А. Политика России в Закавказье в 30-х гг. XVIII в. // Там же. С. 249–255; Арзуманян Г.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье: Дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1975; Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья: очерки политической исто-

деленное место в их трудах нашли проблемы международных отношений на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке, в орбиту которых были втянуты Дагестан с пограничными областями Азербайджана, Армении и Грузии.

instituteofhistory.ru

Завершая обзор сочинений азербайджанских, грузинских и армянских историков, необходимо обратить внимание на то, что при всей важности для нашего исследования имеющихся в них материалов, отдельные из них не лишены неточностей хронологического, фактического и концептуального характера. Для подтверждения сказанного обратимся к наиболее известной работе А.-К.А. Бакиханова, в которой ошибочно датировано начало Дагестанского похода Надиршаха (вместо 1741 г. обозначен 1742 г.), а виднейшие руководители освободительной борьбы уцмий Ахмед-хан Кайтагский и Сурхай-хан Казикумухский представлены в виде капитулянтов, добровольно перешедших на сторону врага¹. К сожалению, полностью доверившись А.-К.А. Бакиханову относительно «капитулянтских» позиций дагестанских владетелей, такого же мнения придерживался М.Ф. Алиев².

Существенная ошибка допущена Ц.П. Агаяном в определении года взятия Шемахи и учинении «шемахинского побоища» (дается 1712 г. вместо 1721 г.³ Сурхай-ханом и Дауд-беком), что обратило на себя внимание Петербурга, Исфахана и Стамбула, тем самым ускорив начало Петровского похода в Прикаспье. Представляются логически незавершенными и недостаточно взаимосвязанными высказанные на двух страницах суждения Г.Г. Пайчадзе касательно восточной (кавказско-черноморской) политики России во второй четверти XVIII в., ибо при их сопоставлении ощущается некоторая несогласованность их между собой⁴.

instituteofhistory.ru

Хотя отмеченные и другие упущения не снижают значимости существенного вклада закавказских ученых в решение данных проблем, представляется целесообразным обратить внимание на указан-

рии и их взаимоотношений с древнейших времен до победы Октябрьской Социалистической революции. М., 1975; Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978; Его же. Народы Закавказья в борьбе за присоединение к России // История СССР, 1979. №3; Тер-Авакимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. Ереван, 1980.

¹ Бакиханов А.-К. А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 146–147.

² Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации... С.155.

³ Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа... С.73.

⁴ Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские отношения в 1725-1735 гг. ... С. 57–58.

ные неточности во избежание ошибок и искаженных представлений о важнейших событиях дагестанской и общекавказской истории.

И, наконец, по рассматриваемой теме самую обширную доминирующую группу зарубежной историографии, как по количеству выявленных авторов, так и по насыщенности их сочинений информационным материалом и четко выраженной формой концептуальных оценок, составляют труды представителей стран - наиболее активных участников дагестанских и общекавказских событий - турецких, иранских, английских, французских, немецких, австрийских и других историков, охвативших в своих исследованиях широкий круг проблем военного, политического, дипломатического, этноконфессионального и иного характера.

Так, турецкая историография XIX – начала XX в. дала ряд многотомных трудов по истории Турции с экстраполяцией событий на Кавказский регион, в том числе и Дагестан: Ахмеда Джевдет паши «История Джевдета», Ахмеда Расима «Османская история в рисунках и картах», австрийского историка Йозефа фон Хаммера «История Османской империи», немецкого историка Иоганна фон Цикайзена «История Османского государства в Европе», румынского историка Николаи Йорги «История Османского государства, составленная на основании источников».

При этом Ахмед Джевдет, акцентируя внимание на антииранских восстаниях и походе Петра I в 1722 г., не скрывает гегемонистских устремлений Турции на Кавказе. Отмечая, что для достижения этих целей османы строили крепости на берегу Черного моря, чтобы доставить оружие в Тбилиси и Шемаху. Он пишет: «В царствование султана Махмуда I (1730–1754) было задумано овладеть Дагестаном. Эту мысль лелеяли до самого времени султана Хамид-хана (Абдулхамид I, 1757–1774), надеясь рано или поздно объединить кавказские племена как силу, противостоящую русским»¹. Вместе с тем, являясь активным проводником этой политики в конце XIX в. в качестве министра иностранных дел, он оправдывал проведение аналогичной политики и в предшествующий период.

Другой историк того же периода Ахмед Расим, полностью солидаризируясь с Ахмедом Джевдетом, придерживается еще более выраженной антироссийской позиции. Игнорируя факт обращения шаха Хусейна за помощью к шамхалу Адиль-Гирею и к России в условиях разгара антииранских восстаний на Кавказе и нашествия афганцев на

¹ Ahmet Cevdet Paşa. Tarih-i Cevdet. Istanbul, 1966. Cilt 1, bol.9. S.367.

Иран, он утверждает: «Петр Великий, захвативший Дагестан, дал понять Порте, что тем самым Россия не намерена допустить османов на побережье Каспия». Отстаивая тезис о «преемственности» агрессивной внешней политики России на протяжении XVIII в., он заключает, что «стремление к выходу на Черное море, на Кубань и на Кавказ оставалось неизменным»¹.

Что касается сочинений Иозефа Хаммера, Иоганна Цинкайзена и Николаи Йорги, то они также сообщают нужные сведения по интересующим нас вопросам. В работе Хаммера оживают многочисленные набеги османских и крымских феодалов через Кабарду и Дагестан в Закавказье и Иран накануне и в периоды русско-турецких войн 1735–1739 и 1768–1774 гг. Характеризуя политику Турции и Крыма на Кавказе, особенно в Дагестане, он обращает внимание на использование ислама как средства приобщения местного населения на свою сторону². Касаясь того же вопроса, И. Цинкайзен указывает на жестокое обращение их с пленными³, что не могло не сказаться на общественном мнении Европы и России.

По сравнению с Хаммером и Цинкайзеном, Йорга больше затронул международные аспекты кавказской проблемы. По словам автора, по Константинопольскому договору 1724 г. «турки получили те области, к которым стремились в течение двух столетий». Он также подтверждает, что освободительная борьба народов Дагестана находила поддержку со стороны России. По его мнению, «когда шах напал на лезгин Дагестана, они успешно защищались и решили обратиться к русской императрице, так что в начале 1743 г. Надир-шах вынужден был оттянуть свои войска из диких кавказских ущелий»⁴.

Вместе с тем, негативные оценки кавказской политики России, русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. нашли отражение в работах иранских историков, написанных под влиянием фашистской пропаганды 30-х – 40-х гг. XX в.: Хусейна Наваея, Мухаммада Хекмата, Реза Сардари, Аббаса Экбаля, Неджефа Моэззи и других. В этом плане характерны работы М.А. Хекмата «Исследование исто-

¹ Rasim Ahmet. Resimli ve haritali Osmanli tarihi. Istanbul, 1333/1335 (1914/1916). S. 355–356, 398.

² Hammer von Joseph. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1830. Bd 4. S. 202–208, 1835. Bd. 7. S. 442–447, 450–453.

³ Zinkeisen I. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1880. Bd. 3. S. 186–187.

⁴ Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen darfstelt. Gotha, 1911. Bd. 4. S. 405, 453.

рии ирано-оттоманских политических отношений с 1722 по 1747 гг.» и Р. Сардари «Ирано-русские отношения с XVI в. до 1917г.», в которых приводятся данные о политике России, Турции и Крыма на Кавказе, военных действиях между ними, дипломатических миссиях и подписанных договорах в 1723, 1724, 1732, 1735, 1774, 1792 годах с интерпретацией их текстов в качестве приложений.

При этом, отталкиваясь от Касре-Ширинского договора 1639г., разделившего Кавказ между Ираном и Турцией, Хекмат пишет, что наступивший с тех пор мир в регионе был нарушен походом Петра I в Прикаспье. «1722 г., – делается отсюда вывод, – является фундаментальной датой для истории Ирана и, может быть, для истории всей передней Азии»¹. Поддерживая этот тезис, Р. Сардари дополняет его утверждением о «преемственности» агрессивной политики России при преемниках Петра I, особенно в правление Екатерины II: «Восточные завоевания Петра были настолько же блестящими, насколько и эфемерными... И только в 1792г. Екатерина Великая с успехом восстановила территориальные амбиции своего предшественника»². С аналогичных позиций освещают политику России на Кавказе упомянутые выше Х. Наваи, Р. Пазуки, А. Экбаль и Н. Моэззи, преднамеренно протаскивая давно отвергнутую нашими историками пресловутую легенду о мнимом «Завещании» Петра Великого, определившем, по их мнению «исконную», «плановую» агрессивность политики России в отношении народов Кавказа, Ближнего и Среднего Востока³.

За послевоенный период иранская, турецкая и западноевропейская историография пополнилась новыми исследованиями по истории Ирана, Турции и России. Конкретные сведения о политике упомянутых стран на Кавказе, особенно завоевательных походах Надир-шаха, отложились в работах иранских историков, которые описали последний период правления Сефевидов и подробную историю войн Надир-шаха Афшара: Али Акбара Бина «Политическая и дипломатическая история Ирана. Т.1: От Гюльнабада до Туркманчая (1722–1829)»,

¹ Hekmat M.A. Essaj sur l'Histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 a 1747. Paris, 1947. P.33.

² Sardari R. Les Traites entre l'Iran et la Russie depuis le XVI e siecle jusqua 1917. Paris. 1941. P.50.

³ См.: Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в XVI – первой половине XVIII века в освещении современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. №3; Павленко П.И. Три так называемых завоевания Петра I // Вопросы истории. 1979. №2; Данилова Е.Н. «Завещание» Петра Великого // Проблемы методологии внешней политики России. М., 1986.

Гулам Хусейна Мухтадара «Крупнейшие сражения Надир-шаха», Мухаммеда Хусейна Годдуси «Книга о Надире», Исмаила Доулетшахи «Поход Петра Великого в Иран», Абутораба Сардадвара «Военно-политическая история Ирана периода Надир-шаха Афшара» и др.¹

Следует отметить, что богатством фактического материала и суждениями концептуального характера среди них отличаются труды двух военных историков – Г.Х. Мухтадара и А.Т. Сардадвара, в которых центральное место занимает идеализированный образ Надир-шаха как «спасителя нации», «непревзойденного полководца», «добротного правителя», «общительного и доступного» простому народу, вынудившему русских уйти из прикаспийских областей и Дагестана. В то же время они признают, что, когда Англия и Франция активно способствовали агрессивным устремлениям иранских захватчиков, освободительная борьба народов Дагестана при поддержке других народов Кавказа, ставшая одной из главных причин крушения военной мощи Ирана, находила поддержку со стороны России, старавшейся воспользоваться этим для решения кавказской проблемы в своих интересах².

Тенденция к более подробному изложению истории Ирана и ее внешней политики касательно второй половины XVIII – начала XIX в. появилась в работах Парвиза Раджаби Тебризи «Иран под властью Керим-хана», Хасана Фазиза «История Персии под властью Каджаров», Ханака Эшги «Военная политика России в Иране: 1790–1815 гг.», Муриеля Аткина «Россия и Иран: 1780–1828 гг.». Первый из них, проанализировав значительный фактический материал, пришел к выводу, что Надир-шах, оставив потомкам «одни лишь развалины», заставлял вносить с каждой провинции от 15 до 100 тыс. туманов (750 тыс. – 5 млн золотых). Кровавые сцены борьбы за власть между Зендами и Каджарами чередуются с описанием ирано-турецких и англо-иранских отношений, крайней экономической разрухи, чем восполь-

¹ Бина А.А. Тарих-е сийаси ба дипломаси-йе Иран. Аз Голнабад та Торкманчай. Техран, 1327/1954; Мухтадар Г.Х. Набардхое бозорг-е Надершах. Техран, 1337/1960, Годдуси М.Х. Надер-наме. Техран, 1338/1961; Доулетшахи И. Лешлеркаши-е Петер-е Кабир ба Иран // Сохан. Техран, 1383/1964. № 8-9; Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ба сийаси-йе доване Надершах-е Афшар. Техран, 1354/1975.

² Мухтадар Г.Х. Набардхое бозорг-е Надершах... С.22,33,34,105,110,137; Сардадвар А.Т. Тарих-е незами... С.346,740,748,760.

зовалась английская Ост-Индская компания, навязавшая Ирану выгодный для себя договор 1763 г.¹

В отличие от П.Р. Тебризи, Фазиз Хасан остановился на анализе русско-иранских и русско-кавказских отношений в конце XVIII в., особенно завоевательных походов Ага Мухаммед-шаха Каджара в Закавказье, в связи с которыми, как показывает автор, усилилась ориентация местных народов на Россию, оказывавшую им свое покровительство, хотя этот важный политический фактор преподносится им как проявление агрессивных намерений России против Ирана².

По существу дальнейшим развитием этой темы явилась работа Эшги Ханака, в которой с тех же позиций рассматривается политика России на Кавказе и одновременно раскрываются гегемонистские замыслы Турции, постоянно вмешивавшейся во «внутренние дела Северного Кавказа и Дагестана». Поступило внушая мысль, что кровавые походы Каджаров в Закавказье были выражением объединительных устремлений Ага Мухаммед-шаха, автор возрождает греческий проект Екатерины II: «Появление этой мысли, – внушает он читателям, – связано с Петром I, с 1722 г., т.е. с тем временем, когда он во времена похода на Иран имел некоторые успехи в этом районе»³. В то же время привлечение автором различных источников, в том числе исследований наших ученых, позволило ему шире показать процесс присоединения народов Кавказа к России.

Несколько шире русско-иранские отношения последней четверти XVIII – начала XIX в. рассмотрел М. Аткин. Подчеркивая, что русская экспансия на Ближний и Средний Восток со времени Петра I принимает систематический характер, он более подробно останавливается на политике Екатерины II, постоянно акцентируя внимание на том, что главным объектом этой политики был Иран. По мнению автора, после Кючук-Кайнарджийского договора «колониализм становится доминирующим фактором во внешней политике Екатерины II». Утверждая, что с тех пор «были сделаны успешные попытки использовать часть Кавказа для борьбы против Османской империи», Аткин

¹Tebrisi P.R.. П.Р. Iran under Karim Han (1752–1779). Gottingen, 1970. S.4-5, 58, 74, 80, 145, 149.

²Fasais H. Historu of Persia under Gajar rule. New York and London, 1972. P. 65–67, 71–72, 78, 80.

³Ханак. Э. Сийасат-е незами-е Руссие дар Иран: 1790–1815. Техран, 1394/1974. С.16, 21–24, 25, 27–29.

пишет, что «начало этой экспансии совпало с объединительной политикой Каджаров»¹.

Среди работ турецких историков военного и послевоенного периодов по истории Турции, Дагестана, Кавказа и кавказской проблемы в целом разнообразием материала и своими оценками отличаются сочинения Кадиржана Кафлы «Северный Кавказ», Энвера Зия Карала «Османская история», Исмаила Хаккы Узунчаршылы «Османская история», Тахсина Унала «Турецкая политическая история с 1700 по 1758 гг.», Исмаила Беркока «Кавказ в истории», Шерефеддина Эрела «Дагестан и дагестанцы», Джамала Гекдже «Кавказ и кавказская политика Османской империи» и др.

Так, К. Кафлы, особо выделяя в российско-кавказских отношениях периоды правления Петра I и Екатерины II, «стремившихся захватить» территории от Стамбула до Индии, утверждает, что русско-иранский Петербургский договор 1723 г., подписанный с учетом интересов обеих сторон, был встречен современниками «с горечью на душе», а русско-турецкий Константинопольский договор 1724г., передавший Турции часть Кавказа и северо-западную часть Ирана, открывал русским путь «на Малую Азию». Выступая с позиции пантюркизма и панисламизма, он оправдывает объявление Портой войны России в 1768г. тем, что оно подняло дух мусульманского населения Кавказа². По-видимому, такие утверждения, навеянные фашистской пропагандой в разгар битвы за Кавказ в 1942г., отражали русофобские настроения прогитлеровских элементов в правящих кругах Турции.

С таких же позиций и претензией на освещение роли Кавказа во всемирной истории выступил И. Беркок. Говоря о намерении Петра I установить господство на Каспийском море, окружить Северный Кавказ с востока и с юга, он умалчивает об агрессивных намерениях Турции, утверждая, что «несмотря на это, османы изъявили желание придти к взаимному соглашению с русскими». Ссылаясь на религиозную общность кавказских суннитов с османами и крымцами, определяющую их взаимное тяготение, он сожалеет, что «на пути этого союза стояли русские, расположенные в Кизляре». Подводя итоги решения кавказской проблемы с начала XVIII в. до присоединения к России Крыма, он заключает: «Это стадия, охватывающая период в 83 г., составляет важнейший период кавказско-русской борьбы. На этой

¹ Atkin M. Russia and Iran: 1780-1828. Minneapolis, 1980. P. 4–6, 7, 162, 164.

² Kafli K. Şimali Kafkasya. İstanbul, 1942. S. 74, 75, 79, 84–90.

стадии русские начали любовые атаки на Кавказ»¹. Руководствуясь субъективными соображениями, И. Беркок выпячивает негативные эпизоды российско-кавказских отношений, не анализируя их причин и диалектики развития.

Тенденция к более критическому осмыслению влияния западных держав на Турцию и ее внешнюю политику проявилась в работах Тахсина Унала, Энвера Зияя Карала и Исмаила Хаккы Узунчаршылы, которые, однако, не преминули выделить и агрессивные замыслы России против Турции и Крыма. Правильно подмечая «корыстную» направленность «интересов» Англии и Франции «против Османской империи», Унал особо подчеркивает, что Россия искала «повод к войне с Турцией, чтобы разделить ее»². Бегло обзревая русско-турецкие отношения, Карал утверждает, что Англия выступала за сохранение Османской империи «не из-за симпатии к Турции», а из-за боязни того, что «Россия будет угрожать ее интересам в Индии»³. Справедливо осуждая Англию и Францию за попытки превратить Турцию «в своего подручного» и утверждая, что причиной похода русских войск в Прикаспье в 1722 г. стало «стремление турок захватить Дербент», Узунчаршылы повторяет ходячий на Западе тезис о намерении Екатерины II надеть на своего внука «венеч крымского короля»⁴.

Хотя в трудах этих авторов содержится значительный фактический материал, но в своих выводах они не избежали субъективизма, идеализации деятельности правящих кругов Турции, стремившихся, по их мнению, «создать своим разумным управлением «гармонию» на завоеванных землях»⁵. Для ясности отметим, что попытки критически оценить политику западных держав в отношении Османской империи в турецкой историографии крайне редки и заглушаются сторонниками продолжения русофобских традиций.

Так, например, высоко оценивая героизм дагестанцев в борьбе против Надир-шаха, Шерефеддин Эрел «сожалеет» о «жестокостях русских», которые «заставили» кабардинцев принять свое подданство. Касаясь отсутствия единства тюркоязычных народов Дагестана и Поволжья, он пишет: «Хорошо знавшая эту обстановку Екатерина

¹ Berkok I. *Tariche Kafkasya*. Istanbul, 1958. S. 353,355,361–363.

² Unal T. 1700-den 1958-e kadar. *Tuřk siyasi tarihi*. Ankara, 1958. S. 24, 35, 101.

³ Karal Э. Z. *Osmanli tarihi*. Ankara, 1954. Cilt 4. S. 15–16.

⁴ Uzunçarşılı I.H. *Osmanli tarihi*. Ankara, 1956. Cilt 4. S. 187, 190, 461, 469.

⁵ См.: Мейер М.С. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи // *Историография стран Востока*. М., 1977. С.283.

II, исполняя завещание Петра, ...подготовила армию и направила ее на Кавказ»¹. Сцены военных действий снова изобилуют описанием «жесточких расправ» русских над местным населением.

Рассматривая кавказскую политику более подробно, но с тех же исходных позиций, Д. Гёкдже не избежал тенденциозности и фактических ошибок в своих суждениях. Например, по мнению Д. Гёкдже, шамхал Адиль-Гирей, находившийся в подданстве России и оказавший серьезные услуги Петру I во время его похода, узнав о высадке русских войск в устье р. Аграхани, почему-то «должен был капитулировать перед силой»; русские войска, якобы остановленные османами и ширванским правителем Дауд-беком перед Баку, заняли подвластные Ирану провинции Гилян, Мазендеран и Астрабад, «сломав сопротивление иранских войск»; после смерти Надир-шаха иранский народ стал «искать убежище» от России «в Османской империи»².

Однако подобные измышления, преподносимые Эрелом и Гёкдже, не выдерживают критики. И, наоборот, документальные источники и исследования российских ученых, сделанные на их основе, подтверждают, что Кабарда приняла российское подданство добровольно в 1557 г.; поход Петра I в Прикаспье проходил исключительно в благоприятной для России обстановке; а Гилян, Мазендеран и Астрабад были уступлены шахом Султан-Хусейном российской стороне в «вечное владенье» на основе Петербургского договора 1723 г.³

Думается, для более конкретного понимания характера и сущности зарубежной историографии к сказанному выше следует добавить наиболее близкие по материалам и оценкам работы западных историков, а так же англоязычные издания отдельных восточных авторов. Среди них по названным критериям выделяются две работы английского историка Локкарта Лоуренса: «Надир-шах. Критическое исследование, целиком основанное на современных источниках» и «Падение Сефевидской династии и афганская оккупация Персии»⁴, в

¹ Erel Ş. *Dagistan ve dagistanlılar*. Istanbul, 1961. S. 101, 107, 114.

² Gokçe C. *Kafkasya ve Osmanlı imperatorlugunun Kafkasya siaseti*. Istanbul, 1979. S. 30–33.

³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. ... Т.2. С. 20–22, 104–107; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. ... С.235–237, 243, 246, 254, 257; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана ... С.104–107.

⁴ Lockhart L. *Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources*. London, 1938–idem: *The Fall of the Safavi Dynasty and Afghan Occupation of Persia*. Cambridge, 1958.

которых на уровне научных достижений своего времени дан анализ русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений в русле противоборства соперничавших держав за решение кавказской проблемы – от Каспийского похода Петра I до краха завоевательной политики Надир-шаха в Дагестане. Примечательно, однако, то, что, отмечая антироссийскую сущность политики западных держав, Локкарт не удержался от тенденциозности в оценке политики России в отношении Ирана, приписывая ей агрессивные намерения¹, вопреки наличию взаимовыгодных договоров 1723, 1732 и 1735 годов, определявших дружественный характер русско-иранских отношений.

Надо отметить, что большинство исследований довоенной и современной западной историографии, касающихся отдельных вопросов темы монографии, проникнуто мыслью о стремлении России поглотить не только Кавказ, но и Турцию, Иран, Индию и другие страны. Написанные с таких позиций работы Шей Люссиль «Оттоманская империя с 1720 до 1734 гг.», Лавендер Касселс «Борьба за Оттоманскую империю: 1717–1740 гг.», Роухоллаха Рамазани «Внешняя политика Ирана. Национальные приоритеты в мировых делах: 1500–1941», Фируза Касемзаде «Русское продвижение на Кавказ», Алена Летина «Россия в XVIII в. От Петра Великого до Екатерины Великой», Роберта Олсона «Осада Мосула и оттомано-персидские отношения 1718–1743 гг.»², исходят из предпосылки, что наступление Турции на Кавказе и политика поддерживавших ее западных держав были вызваны «русской интервенцией», угрозой существованию Османской империи со стороны России. Среди упомянутых авторов более последовательно такие идеи проводятся в работах Л. Касселс, А. Летина, Ф. Касемзаде³.

¹ Lokhart L. The Fall of the Safavi Dunastu... P. 248.

² Lucile Shay . The Ottoman Empire from 1720 to 1734. Hillinois, 1944; Kassels L. The Struggle for the Ottoman Empire 1717–1740. London, 1966; Ramazani R.K. The Foreign Policu of Iran. A. Developing nation in Word Affairs: 1500–1941. Charlottesvile, 1966; Casemzaden F. Russian Penetration of the Caucasus // Russian Imperialism from Iwan the Great to the Revolution. New Jersey, 1974; Letin A. Russian in the Eingteenth // Centuru. From Peter the Great to Catherine the Great. London, 1973; Robert O.W. The Siege Mosul and Ottoman-Persian Relations: 1718–1743. Blocmington, 1966.

³ Cassels L. Op. cit. P. 78, 79,98; Letin A. Op. cit. P.93–98; Kasemzade F. Op.cit. P. 243, 246, 253; См. об этом Сотавов Х.Н. Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. С.24.

Оставаясь на тех же позициях, с попыткой освещения кавказской проблемы в свете русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений и восточного вопроса в целом выступили Ричард Фрай «Персия», Марк Раев «Российская империя: 1682–1825 гг.», Дж.С.Хурвитич «Дипломатия на Ближнем и Среднем Востоке. Документальный отчет 1535–1914», М.С. Андерсон «Великие державы и Ближний Восток (1774–1923)».

При этом, акцентируя внимание на деятельности Петра I и его преемников, как начальной стадии восточной политики России, Фрай пишет, что со вступлением Петра I на трон отношения между Россией и Ираном изменились. «Русское назойливое устремление на Восток, – подчеркивает автор, – активно покровительствовалось Петром, который, возможно, мечтал использовать Каспийское море как путь в центральную Азию и Индию»¹. Как бы завершая эту сюжетную линию, М. Раев заключает, что Екатерина II успешно осуществила старые амбиции Великого Петра, захватила берега Черного моря и Крыма, создав тем самым основы для дальнейшего продвижения на Кавказ².

Не обошлись без субъективизма в оценке русско-ирано-турецких отношений Дж. Хурвитич и М. Андерсон. Объясняя политику России в отношении Ирана стремлением «к наживе», Хурвитич пишет: «Царь Петр I (1682–1725) решил превратить Каспийское море в русское озеро, но оттоманы взяли под свою протекцию суннитский Ширван»³. Обеспокоенные активностью России, считает Андерсон, «современники были убеждены, что русские серьезно угрожали существованию Османской империи».

К сказанному следует добавить, что более прозрачно антирусские настроения проявились в совместной работе английских и турецких историков В.И. Перри, Халила Иналджика, А.Н. Курата и И.С. Бромлея «История Оттоманской империи до 1730 г.», в которой утверждается, что взятием Азова в 1696 г. «царь Петр открыл новую эру в истории русско-турецких отношений так же, как и в русской истории». Оценивая русско-иранский Петербургский договор 1723 г., они приходят к выводу, что «с тех пор турецкая внешняя политика»

¹ Fye R.N. Persia. London, 1968. P. 76,96.

² Raeff M. Imperial Russia: 1682–1825. The Coming of Age of Modern Russia. N.V.1971. P.4, 26.

³ Hurewicz J.C. Diplomacy in the Near and Middle East. Documentarum Record: 1535–1914. New York, 1972. P. 42.

⁴ Anderson M.S. The Great Powers and the Near East: 1774–1923. New York, 1973. P.9.

определялась «революцией в Персии (афганским завоеванием и свержением власти Сефевидов. – К.Р.) и угрозами русских на берегу Каспийского моря». По мнению тех же авторов, Константинопольский русско-турецкий договор 1724 г. был «первым и последним событием, на которое согласились русские и оттоманские правители по поводу деления соседнего мусульманского государства»¹.

С аналогичных антироссийских позиций кавказская политика России преднамеренно трактуется в работе американских историков С.Д.Шоу и Е.К.Шоу «История Османской империи и ее модернизации», в которой они, обвиняя Петра I в том, что он занял Дербент и Баку, в то же время оправдывают турецкие захваты: «Оттоманы, естественно, боялись, что Россия завоеует Иран так же, как и Кавказ». Касаясь причин русско-турецкой войны 1768-1774 гг., вопреки историческим фактам, они утверждают: «Новая война с Россией была прямым результатом агрессивной империалистической политики, которой руководствовалась Екатерина Великая». Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., по их мнению, был «одним из самых роковых документов Оттоманской империи и ее территориальные претензии были лимитированы». После «аннексии» Крыма в 1783г., заключают они, русская опасность становилась более угрожающей, чем когда-либо она была².

В завершение этой части обзора обратимся к двум работам, подтверждающим непреходящий интерес к международным аспектам кавказской проблемы с акцентом на роль Дагестана в международных отношениях. Первая из них – работа французского историка Александра Бенигсена «Петр Великий, Османская империя и Кавказ», в которой предпринята попытка осмысления неразрывной связи кавказской проблемы с черноморской проблемой в восточной политике России³. Вторая – работа Клеменса Сидорко «Борьба с еретиками-кизилбашами. Восстание Хаджи Дауда (1718-1728)»⁴, посвященная свержению иранского владычества в Дагестане и Ширване, что обра-

¹ Parry V.I., Inalcik H., Kurat A. N. and Bromlei I.S. A history of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976. P.176, 217.

² Shaw St. J., Shaw.E.K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1976. P. 223,239,247,250,258.

³ Benigsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire and the Caucasus// Canadian-American Slavic Studies, 1974. P. 13,14,15,16.

⁴ Sidorko K. Kampf den ketzerischen Gizilbaş. Die Revolte des Haggi Daud (1718–1728) //Caucasia between the Ottoman Empire and Iran: 1555–1914. Wiesbaden, 2000. P. 137,139,141,142,143.

тило внимание не только России и Турции, но и западных держав – Англии, Франции и других.

Подводя итоги анализа историографии исследуемой проблемы в целом, можно сделать вывод, что зарубежные исследователи, как и дореволюционные, и отдельные современные отечественные историки, склонны представлять политику правящих кругов своих стран в положительном плане, негативно изображая действия противостоящих им сторон, хотя в последнее время заметны некоторые положительные сдвиги и в этой области. Коренные перемены постсоветского периода, т.е. сближение российского руководства с Западом, сказываются и на оценках отечественных и зарубежных авторов на предшествующие исторические события, в частности, политики России и ее восточных и западных геополитических соперников на кавказскую проблему с ее доминирующим дагестанским аспектом.

Примером тому служат появившиеся на Западе новые работы отечественных и зарубежных исследователей – «Границы в истории России»¹ и «Имперская внешняя политика России»², в которых содержатся аналогичные сюжеты. Однако зарубежная историография в оценке этих вопросов в основном остается субъективной, представляя Россию в качестве постоянной угрозы народам Востока, в частности Кавказа, в том числе и Дагестана, что обуславливает необходимость критического подхода к материалам и суждениям ее представителей.

Таким образом, изучение имеющейся литературы показывает, что историческая наука достигла определенных успехов в исследовании целого ряда проблем, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования. В научный оборот введен значительный фактический материал, сделан ряд ценных обобщений по отдельным аспектам поставленной в монографии проблемы, но многие вопросы продолжают носить дискуссионный характер.

instituteofhistory.ru

¹ The Frontier in Russian History. // Russian History. California, 1992. Fol. 19. № 1–4.

² Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge, N-V. Melbourne, 1993.

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В XVIII – первой половине XIX в. Дагестан не представлял единой политически и экономически целостной территории. Здесь было значительное число самостоятельных и полусамостоятельных политических образований. В начале XIX в. в Дагестане было более 10 феодальных владений и несколько десятков союзов сельских общин (по разным оценкам от 60 до более 90)¹.

Среди феодальных владений Дагестана наиболее крупным по своему политическому влиянию и территории являлось Тарковское шамхальство. Согласно данным начала XIX в. в подчинении шамхала находилось 23 селения с 8379 дымами (хозяйствами), расположенных на пространстве 3500 кв. верст. Верховным правителем в своем владении был шамхал².

Власть шамхала была наследственной. Шамхальское достоинство давалось старшему в роду, а не по прямой линии (от отца к сыну)³. Владетель Бойнакский считался наследником шамхала и носил титул крым-шамхала. В изучаемое время шамхалами были Адиль-Гирей, Хасбулат, Муртузали, Магомед, Баммат, Мехти.

Шамхал выполнял основные функции государственного управления. В руках шамхала также была сосредоточена военная власть⁴. Для решения вопросов, в частности, о войне и мире, заключении союзов, о спорах и т.д., созывались джамааты, на которых рассматривались эти важнейшие государственные дела⁵.

Вторым лицом в Тарковском шамхальстве был визирь. Их было несколько и каждый занимал особое положение. Они ведали делами внутреннего управления, торговлей, финансами, посольскими делами и пр.

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти в Дагестане в XVIII – первой половине XIX в. С. 37.

² Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. Прим. С. 76.

³ Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала. 1998. С. 90.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 191.

⁵ Акбиев А.С. Кумыки... С. 91.

При дворе находился и назир, в ведении которого были финансовые вопросы, поступление ясака в казну, рихтарные сборы. Кроме того, он являлся дворецким шамхала.

В Тарковском шамхальстве имелись кадиаскеры – верховные судьи. Выбирались они из числа знатных религиозных деятелей. В шамхальстве, кроме кадиаскеров, были также кадии, разбиравшие гражданские дела по нормам шариата.

Шамхальство имело правителя города – дарга. Он отвечал за порядок в городе и сбор податей¹.

При дворе шамхала аталыки и молочные братья – эмчеки выполняли различные поручения и вели переговоры от имени владельца.

Постоянной армии у шамхала не было. Но его нукеры составляли вооруженную дружину. Во время военных действий из нукеров собиралось ополчение. Во время войны шамхал мог собрать войско из 25 тыс. человек².

Административное шамхальство Тарковское было разбито на бийликства или бекства (Бойнакское, Бамматулинское, Карабудахкентское). Бийлики имели более примитивное административное устройство, чем шамхальство.

Беки в своих владениях пользовались большой властью, вели свою самостоятельную политику, имели свой двор, нукеров, рабов. Они были вассалами шамхала³.

Сельское управление в бийликствах также было представлено различными административными структурами. Здесь непосредственное руководство находилось в руках картов, которые избирались из наиболее уважаемых членов тухумов. Они занимались разбором всех возникавших в населенных пунктах судебных дел. Кроме того, карты должны были следить за соблюдением порядка, обеспечивать охрану пастбищ, сенокосов и сел, решать вопросы кровной мести, распределять общественные земли и т.д. Помощниками картов были тургаки и чауши⁴.

Мехтулинское ханство занимало небольшую территорию в Среднем Дагестане и включало в себя 18 сел.

Во главе владения стоял наследственный хан. После его смерти власть переходила к его старшему сыну. Управленческий аппарат в

¹ Там же. С. 97.

² Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 217.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 194.

⁴ Там же. С. 195-196.

ханстве был менее сложным, чем в шамхальстве Тарковском. В изучаемое время правителями Мехтулинского ханства были Умма, Ахмед-хан, Гасан-бек. Следует отметить, что А.П. Ермолов за вооруженное выступление правителя ликвидировал в 1818 г. Мехтулинское ханство, передав его в управление шамхалу. Однако в начале 1820 г. командующий Кавказским корпусом восстановил ханство. В конце 20-х гг. XIX в. владения Мехтулинского хана¹ вновь были переданы Тарковскому шамхалу. До передачи удела Султан-хана тарковскому шамхалу, Мехтулинское ханство насчитывало 3450 дворов и 15932 жителя.² В Мехтулинском ханстве были беки, сидевшие в населенных пунктах владения. 9 сел находилось в непосредственном ведении хана, а 4 – в руках бека Али-Султана. Кроме того, в каждом населенном пункте находились представители их владетелей – старшины (бегаулы и карты), судьи³.

Феодальные владения Засулакской Кумыкии Северном Дагестане в исследуемый период представляли три владения: Аксаевское, Эндиреевское и Костековское. Как известно, в начале XVIII в. Эндиреевское владение распалось на три самостоятельных владения.

Ведущим владением являлось Эндиреевское княжество с центром в с. Эндирей. По сведениям Я. Рейнегтса, Эндирей был крупным населенным пунктом, состоящим из 3 тыс. дворов⁴. А по данным А.М. Буцковского, от 1812 г. здесь было 1500 домов⁵. В начале XIX в., по сведениям А.И. Ахвердова, эндиреевцы могли собрать до 3 тыс. вооруженных людей⁶.

По данным середины XVIII в., Эндиреевским княжеством владели 4 представителя княжеских фамилий (Хамзаевы, Чопановы, Казаналиповы и Чопан-Шамхаловы)⁷, а по сведениям начала XIX в., их было 5 (Казаналиповы, Темировы, Алишевы, Айдемировы, Муртазали-Аджиевы)⁸.

Вторым по территории и статусу после Эндиреевского владения являлось Аксаевское княжество. Родоначальником аксаевских бе-

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) С. 112.

² Хашаев Х-М.О. Указ. соч. С. 217.

³ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 221.

⁴ Дагестан в известиях ... С. 253.

⁵ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 241.

⁶ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 213.

⁷ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 159 а. Л. 228.

⁸ Там же. Л. 213.

ков был внук Султан-Мута Алибек, у него было двое сыновей – Ахматхан и Султан-Махмуд. От них пошли 5 фамилий – Алибековы, Каплановы, Эльдаровы, Уцмиевы, Арсланбековы¹. Старшим князем в 20-х гг. XVIII в. в Аксае был Султан-Махмуд, а в начале XIX в. – Хасбулат Арсланбеков².

По данным Я. Рейнеггса, в конце XVIII в. в Аксае было 1200 дворов³, а по сведениям А. Ахвердова (начало XIX в.), здесь было 500 семей⁴. В 1812 г. А.М. Буцковский отмечал, что в Аксае «не более 800 домов»⁵. В начале XIX в. аксаевцы могли выставить до 1500 вооруженных людей⁶.

Третьим по значимости и размерам в Засулакской Кумыкии было Костековское владение. Согласно сведениям А.И. Ахвердова (нач. XIX в.), в нем проживало до 300 семей⁷, по данным А.М. Буцковского (1812 г.). В нем было до 650 дворов⁸. Правителями Костековского владения были Г.Муцалов, Гирей, Алиш, Хамзаев (70-е гг.), Хан-Мурза (80-е годы XVIII в.). В начале XIX в. владельцами Костековского княжества были 7 братьев Алишевых (старший князь Муртузали, Устархан, Адиль, Актула, Бамат-Мурза, Умахан и Хасай)⁹.

В начале XIX в. в случае войны костековцы могли выставить до 600 вооруженных людей¹⁰.

Во главе каждого из трех владений (Эндиреевского, Аксаевского и Костековского) стоял старший князь.

Высшим органом управления в этих княжествах являлись советы биев – Махкаме, куда входили по одному представителю из каждой правящей фамилии, других знатных сословий, картов и кадиев.

Возглавлял совет биев старший князь (уллу-бий). Кроме того, в повседневной жизни он являлся верховным правителем. Старший князь был также главнокомандующим во время войны, регулировал отношения между различными обществами в своем владении¹¹.

¹ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 214.

² Там же. С. 214.

³ Рейнеггс А. Указ. соч. // Дагестан в известиях ... С. 252–253.

⁴ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 214.

⁵ Буцковский А.И. Указ. соч. // Там же. С. 242.

⁶ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 214.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Буцковский А.М. Указ. соч. С. 242.

⁹ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 197–198.

¹⁰ Шихалиев Д.М. Указ. соч. С. 75–76.

¹¹ Там же. С. 75–76.

В каждом из трех владений старший князь управлял своим княжеством совместно со своими родственниками-беками. Если раньше в Эндиреевском владении был один уллу-бий, то после разделения Эндиреевского княжества и образования трех владений стали выбирать двух старших князей – в Эндирее и Аксае. В Эндирее и Костеке был один уллу-бий. В середине XVIIIв. там правил Алиш Хамзаев¹.

Старшие князья выбирались из старших представителей правящей фамилии на общем собрании. В своем владении они имели большие привилегии. Власть уллу-биев была, скорее, номинальной. В связи со слабостью центральной власти урегулирование важнейших вопросов вносилось на махкаме². Старшие князья получали от российских властей различные жалованья. Так, аксаевский старший князь Алибек Султанмахмудов с 1743г. по 1745 г. получал годовое жалование в 700 руб., а А. Хамзаев – 300 руб.³.

Для решения важных вопросов во владении также собирались джамааты⁴.

Тяжбы разбирались по адату и шариату. Разбирательству по шариату подлежали «дела по духовным завещаниям, по разделу движимого имущества, опеке, продаже и покупке всякой вещи и холопов» и т.д.⁵. Убийство, воровство и др. преступления разбирались по адату⁶.

Кадии во всех владениях Засулакской Кумыкии пользовались большим влиянием. Ни одно спорное дело не разбиралось без них. В каждом владении были бегаулы («десятники»)⁷.

В начале XIX в. старшие князья назначались российским правительством не по старшинству, как раньше, а по заслугам. В 1810 г. был учрежден городской суд в Эндирее, в нем заседали кадий и несколько уважаемых старцев (картов) из узденей, председатель-комендант крепости Внезапной⁸. Эндиреевский (Андреевский) городской суд решал «дела всего Кумыкского владения по шариату и по

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 200.

² Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. С. 192.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 90. Л. 21.

⁴ Шихалиев Д.М. Указ. соч. С. 76–77.

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ Там же. С. 79.

адату». На Андреевском городском суде присутствовали представители всех трех владений¹.

Сельское управление было представлено местными административными лицами: а) карты, избираемые из самых уважаемых и почетных жителей села, а также б) бегаулы и чауши, следившие за порядком в населенном пункте².

Как видно, в Засулакской Кумыкии административно-политическая власть была несложной, в ней отсутствовала разветвленная и иерархическая система управления и власти.

Аварское ханство было одним из известных и влиятельных феодалов владений Дагестана. В 40-е годы XVIII в. аварским ханом был Нуцал-хан. При нем и его преемниках, особенно при Умма-хане (1776–1801 гг.), ханство расширилось за счет присоединения к нему соседних владений и некоторых союзов сельских общин.

В Аварском ханстве не было единой системы административного деления. Были военные округа, бекства и т.д. В соответствии с этим определялось и местное управление.

Власть хана (нуцала) была наследственной, она переходила от отца к сыну или старшему представителю ханской фамилии. Все вопросы внешнего и внутреннего управления решал сам хан. Хан в своей деятельности опирался на совет из числа беков. Дивану подчинялся ряд ведомств: по военным делам, внешним связям, финансам, служба связи и т.д.³.

Хан разбирал дела, подлежащие рассмотрению по адату, чинил суд и расправу единолично.

Столицей Аварского ханства было с. Хунзах, здесь же находился дворец правителя. У хана были свои визири, советники, секретари двора, вооруженная дружина и командующий войсками⁴.

Тяжбы по духовным делам, завещаниям и т.д. разбирал по шариату хунзахский кадий. Следует отметить, что при ханском дворе мусульманское духовенство, особенно его верхушка, играло заметную роль. Духовные вопросы на местах, как и в ханстве в целом, решались духовенством (кадии, дибирь, муллы). Наиболее важные вопросы решались на сельских сходах.

¹ Там же. С. 79.

² Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 205.

³ Там же. С. 231.

⁴ Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала. 1994. С. 196.

Полицейские функции выполняли дружинники аварского хана, составлявшие в мирное время вооруженные отряды. Во время войны по призыву правителя собирались в ополчение беки, чанки и уздени со всего ханства¹.

На местах публичную власть осуществляли старшины – чухби, адил-заби – блюстители порядка. Мангуши, чауши и др. выполняли полицейские функции (сбор податей, взимание штрафов и т.п.). Следует отметить, что административно-должностные лица в одних местах назначались правителем, в других избирались. Но во всех случаях они были подотчетны хану.

Казикумухское ханство было расположено в центре Нагорного Дагестана. При правлении Магомед-хана (середина XVIII в.) и его преемнике Сурхай-хане II территория ханства была расширена. В этот период Казикумухское ханство представляло собой уже обширную территорию от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы². В ханстве вместе с присоединенными территориями было более 200 населенных пунктов.

Власть хана была наследственной. Он решал все вопросы внутреннего и внешнего управления. Непосредственными помощниками правителя были визири. Функции дворецкого и казначея выполняли назиры.

Хан также являлся военным предводителем народа (*халклавчи*)³. Последним *халклавчи* был Сурхай-хан I, умерший в 1749 г. После его смерти *халклавчи* не избирали. В военное время казикумухский хан мог собрать до 7 тыс. человек⁴. По сведениям П.Г. Буткова, в конце XVIII в. хан мог выставить войско до 20 тыс. вооруженных людей⁵. А по данным А.И.Ахвердова, в начале XIX в. казикумухский правитель мог собрать войско до 8 тыс. человек⁶.

У лакцев был специальный орган, который направлял деятельность правителя как военачальника и регулировал взаимоотношения между ханом и джамаатом – Духовное управление. В Казикумухском

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 33–34.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 281.

³ Там же. С. 283.

⁴ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 239.

⁵ Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. С. 210.

⁶ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 225.

ханстве его возглавлял главный кадий, находившийся в Кумухе. Кадий решал все духовные вопросы.

На местах для соблюдения порядков землепользования, обычного права и решения различных вопросов выбирались куначу (старшины) из влиятельных и знатных фамилий. Старшины решали все гражданские дела, не входящие в компетенцию кадия. Для исполнения решения куначу избирался надсмотрщик. Он также должен быть представителем влиятельной семьи. Все решения и указы куначу, называемые низамами заносились в мечетскую книгу¹.

Для решения особо важных дел в Казикумухском ханстве созывались джамааты. Выше указывалось, что Казикумухское владение было разделено на магалы или округа. В этих магалах сидели представители ханского дома – беки и вассалы хана².

В рассматриваемое время ханами были Алибек, Сурхай-хан I (Чолак), Магомед-хан, Сурхай-хан II (Кумбутай), Шахмардан.

С усилением власти казикумухского правителя происходило ослабление роли коллективного политического органа – кьата, который со временем стал совещательным органом при хане. В результате здесь сложилась единоличная власть хана.

Кайтагское уцмийство делилось на две части: Верхний Кайтаг и Нижний Кайтаг. В административном отношении уцмийство было разделено на магалы и бекства. Численность населения Кайтагского уцмийства в конце XVIII в. достигала до 75 тыс.³ Уцмий мог выставить в военное время от 5 до 16 тыс. человек⁴.

Власть уцмийа была наследственной и переходила к старшему в уцмиевской правящей фамилии. Однако уцмий должен был утвердиться всенародным собранием в торжественной обстановке в столице владения Башлы⁵. У уцмийа были визири, назирьы, мирзы.

Одновременно с правителем утверждался и его наследник – гаттым. Все вопросы войны и мира, внешней политики решал сам уцмий. При этом он советовался с влиятельными беками. На территории, подвластной бекам, административная и судебная власть принадлежала беку.

В мирное время при уцмийи находилась дружина из 300 всадников, (нукеры), которые также исполняли некоторые полицейские

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 36–37.

² Там же. С. 37.

³ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 324.

⁴ Дагестан в известиях ... С. 184.

⁵ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

функции. Нукеры помогали при сборе податей. У уцмий также были специальные сборщики пошлин¹.

Как выше указывалось, уцмийство было разделено на бекства и магалы, в которых сидели представители правящей фамилии Кайтага. Уцмий не вмешивались в дела беков. Последние во время войны должны были по требованию уцмий идти в поход вместе со своими подвластными². Власть уцмий была ограничена в Уцуми-Дарго. Здесь уцмий не имел права распоряжаться общественными землями, самостоятельно творить суд, нарушать адаты, единолично решать вопросы войны и мира без согласия джамаата³. В рассматриваемое время уцмийами были Ахмед-хан, Амир-Гамза, Рустем-хан, Али-хан, Адиль-хан.

Следует отметить, что административно-политическое устройство Кайтагского уцмийства было неодинаковым в различных его частях. Так, если в раятской части Кайтага власть была неограниченной и деспотической, то в узденской части – при союзах сельских общин даргинцев в горной части Уцуми-Дарго – правитель не имел практически административной власти.

В узденской части было свое местное, союзное и общинное управление, и правитель Кайтагского уцмийства не вмешивался в их внутренние дела⁴.

Территорию к югу от Кайтагского уцмийства до р. Чираг, протяженностью около 50 км и от Дербента на северо-запад (около 70 км.) занимал Табасаран.

В изучаемое время Табасаран был разделен на 2 самостоятельных владения: майсумство и владение кадия. В майсумстве было до 70 сел, с числом населения – до 21 тыс. человек⁵. Резиденцией майсу-ма служило с. Чегрех.

К кадийству Табасарана относились магалы Махмуд-бека, Магомет-бека и Мурза-бека, с центром в с. Ерси. Всего в этом владении было 20 сел⁶. Майсумство и кадийство делились на бекства.

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 248.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 29.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 247.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 29.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 152–53; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 223.

⁶ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 154.

В своих владениях беки были полновластными хозяевами. Они подвергали своих подвластных жестоким наказаниям, разбирали тяжбы между ними, взымали штрафы и т.д.¹, но при этом беки были обязаны подчиняться майсуму и кадию. Во время войны они по зову майсума и кадия выставляли вооруженные отряды².

В мирное время при майсуме и кадии постоянно находился отряд дружинников (*нукеров*), которые выполняли и полицейские функции.

Как и в других владениях Дагестана, в Табасаране не было регулярной армии. Однако в случае войны майсум и кадий собирали ополчение под своим руководством. Так, майсум, имея в своем владении 7 тыс. дворов (21 тыс. чел.), мог собрать при необходимости 3 тыс. войско, а кадий, имея 10666 дворов (31998 чел.) – почти 5,5 тыс. вооруженных людей³.

В 1815 г. в связи с участием в вооруженном выступлении оба табасаранских правителя майсум Сухраб-бек и Рустам-кади были отстранены русскими властями от управления, которое было возложено на дербентского коменданта. После 1823 г. управление было поручено бекам Табасарана⁴.

В это время известными и влиятельными правителями в Табасаране были Рустам-кадий, Муртузали-кадий, майсумы – Магомед, Муртузали, Навруз-бек, Ханум-бике и др.

Таким образом, в Табасаране были два феодальных владения – майсумство и кадийство и горные союзы сельских общин. Институты управления и власти в табасаранских владениях почти не отличались от других владений Дагестана.

Дербентское ханство было незначительным по сравнению с другими феодальными государственными образованиями Дагестана. В начале XVIII в. Дербент и окружающие его территории находились под властью Сефевидов. Во время похода Петра I в Прикаспье Дербент был присоединен к России. В 1735 г., согласно Рештскому мирному договору между Россией и Ираном, Дербент подчинился власти Надир-шаха. После смерти Надир-шаха и изгнания из Южного Кавказа персидских войск образовалось Дербентское ханство. В зависимости от нахождения Дербентского владения – то под властью персов,

¹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.

² Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. С. 202.

³ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 256; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 224.

⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) С. 112.

то в условиях свободы, то в составе России – это владение называли султанством, ханством или провинцией.

Правитель Дербентского владения имел неограниченную власть¹. Согласно Ф.И. Соймонову, дербентский султан был «яко главный повелитель тамошнего места и окольных деревень»², т.е. всего Улусского магала.

Будучи верховным правителем, дербентский султан получал все доходы от своих подвластных земель³. П.Г. Бутков указывал, что «доходы всех сих мест» (Мушкур, Низабат, Шабран, Рустау и Бармак. – авт.) отправляли дербентскому владельцу⁴. Исследователь Н.А. Магомедов также указывает, что «доходы, которые собирали с жителей, целиком присваивались султанами»⁵.

В функции управления султана (хана) входило издание законов, высшая судебная власть и даже духовные дела⁶.

Наиб был вторым лицом в Дербентском владении. В его функции входило руководство ополчением, полицейские и судебные дела в городе. Наibu подчинялись и другие чиновники⁷. В управлении городом Дербентом наibu помогали *юзбаши*.

Ханская власть в Дербентском владении почти ничем не отличалась от власти султана. Его власть была неограниченной. Он сосредоточил в своих руках всю исполнительную и судебную власть, а также издание шариатских законов⁸.

Дербентское ханство в административном отношении делилось на магалы. Город Дербент состоял из 18 магалов и управлялись они наibaми⁹.

¹ Гербер И.Г. Описание стран и народов ... // ИГЭД. С. 85.

² Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний // Ежемесячные сочинения и известия о судебных делах. СПб., 1763. С. 88.

³ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 220.

⁴ Бутков П.Г. Материалы ... Ч. 1. С. 27.

⁵ Магомедов Н.А. Органы управления Дербентского владения в первой половине XVIII в. // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 69.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 83.

⁸ Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е издание Казань, 1850. Ч. 2. С. 45–46.

⁹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе естеств. СПб. 1775. Ч. 3. С. 22.

Беки, составлявшие многочисленное сословие, несли различную административную и военную службу правителю, являясь его социальной опорой¹.

В обязанность беков в магалах входило распределение повинностей, определенных дербентским ханом, между населением, сбор ополчения и командование им во время военных действий, наказание провинившихся и т.д.².

Чиновничий аппарат ханского двора включал в себя также юзбашей, даргов, «начальников». Казной хана управлял казначей (*хазна-атаси*). Действия казначея контролировал сановник (*сандухтар – агаси*).

Управляющим ханским хозяйством был мирза, кладовщиком – *амбар-агаси*³.

Для сношения с прибывшими в Дербент иностранными делегациями имелся особый чиновник (*мехмандар*)⁴.

Немалое место в административной иерархии Дербентского владения занимало войско хана. Автор XVIII в. И. Гербер отмечал, что из населения Дербентского владения набираются «около 600 человек конных и 1000 человек пехоты, между теми одна рота конна, называемая курчи, над которой наиб сам капитаном или юзбаша, и можно курчи почесть яко гвардию Шахову, ибо оные в великой чести и почтении бывали, и, кроме шахской воли, в курчи не мог написан быть»⁵.

Войско Дербентского ханства состояло из дружинников (*маафов*) и из вооруженных отрядов ополчения. Во время военных походов хан использовал и наемные войска⁶.

Дербентским ханством в начале XIX в. управлял Ших Али-хан. С 1806 г. здесь была создана новая администрация: Алпан-бек был назначен русским командованием наибом, который осуществлял управление под наблюдением дербентского коменданта. В 1812 г. в

¹ Левиатов В.И. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 46–48.

² Там же. С. 48.

³ Левиатов В.И. Указ. соч. С. 50.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Гербер И.Г. Описание стран и народов ... // ИГЭД. С. 85–86.

⁶ Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII – начале XIX в. Махачкала, 2000. С. 87.

Дербенте было учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинциями. instituteofhistory.ru

Наиб собирал доходы, творил суд и управлял городом при участии беков и главных ахундов, особые дела передавал на рассмотрение коменданту¹.

Кюринское ханство с XVIII в. до начала XIX в. входило в состав Казикумухского ханства. В состав Кюринского ханства входило более 140 сел². instituteofhistory.ru

В 1812 г. ~~кавказская~~ администрация образовала Кюринское ханство во главе с правителем Аслан-ханом. В 1820 г. Кюринское ханство вновь было объединено с Казикумухским под управлением Аслан-хана³, при котором появились беки. Кюринский хан имел неограниченную власть в своем владении, лично осуществлял управление, суд и расправу над своими подвластными. Местное управление в Кюринском ханстве было представлено кевхами (старшинами), чаушами (исполнителями). В ханстве для решения особо важных дел созывались народные собрания (джамааты). Правители, чтобы ограничить власть старшин на местах, назначали назиров, а позже наибов.

Как отмечал в 70-х гг. XIX в. И. Линевиц: «Елисуйское султанство состояло из двух частей: Цахурского владения, впоследствии «Горный магал», входившего в состав дагестанских земель и заключающего в своих пределах Цахур и окрестные селения, по долине р. Самур, и из собственно Елисуйского султанства, занимавшего пространство к югу от Цахурского владения (от которого отделялось главным хребтом), до Калычая, Алазани, Айри-чая и Кошка-чая. В означенных пределах считалось 21000 кв. верст и 21 тыс. душ мужского пола»⁴. По сведениям 20-х гг. XIX в., собранным М.А.Коцебу, в Илисуйском султанстве было 39 сел⁵.

Султан имел неограниченную власть, но когда он был вассалом Джарского общества, то управление Илисуйским султанством контролировалось и управлялось джамаатом Джара.⁶

¹ Козубский Е.И. Указ. соч. С. 140–141.

² Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен ... С. 201.

³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С.113; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С.242.

⁴ Линевиц И. Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис. 1873. Вып. 7. С. 1.

⁵ Коцебу М.А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 264.

⁶ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV–XIX вв. Л., 1949. С. 40, 76; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 236.

По иерархической лестнице после султана шли беки, их было три типа: 1) беки – члены султанской фамилии, только эта категория беков пользовалась бекскими привилегиями; 2) сыновья от наложниц низшего происхождения, они не получали звания бека; 3) наследственные беки из других фамилий, обязанных службой султану в войске или при дворе. Беки обязаны были при необходимости предоставить султану воинские отряды¹.

В изучаемое время правителями Илисуйского султанства были Али-султан, Ахмед-хан.

В Дагестане на территории аварцев и народов аваро-андо-цезской группы, даргинцев, лезгин, табасаранцев, рутулов и агулов, находились союзы сельских общин, известные в исторической литературе как «вольные» общества. Союзов сельских обществ в Дагестане было, по разным оценкам, от 60 до более 90.

Мы исходим из того, что в исторической литературе еще не выработана однозначная оценка социального содержания таких этнополитических объединений, как вольные общества. Большинство авторов как в прошлом веке, так и сегодня не считают их государственными образованиями. Но еще С.Броневский называл их «федеративными республиками», а М.Ковалевский подчеркивал «республиканское устройство родовых союзов». Но если видеть назначение и смысл государства в обеспечении для большинства населения максимально признаваемых им (населением) условий жизнедеятельности, то тогда в облике и традициях «вольных обществ» признаки государственности очевидны.

Следует отметить, что народы Дагестана имели свои названия союзов сельских общин. Аварцы называли их «*бо*» (войско), даргинцы – «*хлуреба*» (войско, ополчение) или табун (объединение), лезгины – «*пара*» (часть), табасаранцы – «*магьял*» (магал)².

Выше указывалось, что в Дагестане союзов сельских общин было больше у аварцев и народов андо-цезской языковой группы. По разным оценкам, у них было от 40 до 50 союзов сельских общин³. По своему составу и значимости эти союзы занимали различное положение. Одни из них объединяли десятки селений, а другие, наоборот, состояли из нескольких сел и не играли большой роли. Наиболее из-

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 274.

² Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 146.

³ Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен ... С. 212–213.

вестными были Андалальский, Салатавский, Койсубулинский, Гумбетовский, Джаро-Белоканский и др. союзы.

В Среднем Дагестане находились все союзы сельских общин даргинцев: Акушинский, Усишинский, Мекегинский, Мугинский, Цудахарский, Сюргинский, Урахи (Каба-Дарго), Ицаринский, Ганк, Гапш, Муйра, Хамур-Дарго, Шуркант, Каттаган, Ирчамул, Каракай-таг¹.

Первые 5 союзов входили в федерацию Акуша-Дарго. Следует сказать, что эта федерация была полиэтнической структурой. Кроме даргинцев, сюда входили часть аварцев и лакцы².

В Южном Дагестане находилось 11 лезгинских союзов сельских общин: Ахтыпаринский, Алтыпаринский, Докузпаринский, Котуркюринский, Чилейский, Кабирский, Ахмаринский, Курахский, Картасский, Гюнейский, Стал-Чиле и Гюгджейский и были известны как кюринские союзы³.

Союзы сельских общин Табасарана были известны как Горный Табасаран или «Вольная Табасарань». Согласно А.В. Комарову, в Горном Табасаране было 9 магалов, а в Нижнем – 7⁴. По данным М.Р. Гасанова, общее количество населенных пунктов союзов составляло 86 селений и насчитывало 40 тыс. населения к началу XIX в.⁵

В Южном Дагестане было 2 рутульских союза сельских общин – Рутульский и Ихрекский, известные под общим названием Рутул. Рутул состоял из 18 селений, из которых 6 были лезгинские, а 12 – рутульские⁶.

Агулы имели три союза сельских общин: Кошан-дере, Агул-дере и Ричинский магал. По сведениям А.В. Комарова, в Агуле было 19 селений⁷.

В Джаро-Белоканские союзы входили такие общества, как Чарское (Джарское), Белоканское, Тальское, Катехское, Мухарское и Джинихское⁸. Всего 27 вольных обществ¹.

¹ Алиев Б.Г. Традиционные институты ... С. 157.

² Там же. С. 157,159.

³ Там же. С. 165.

⁴ Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып.1. С. 95–102.

⁵ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. С. 167.

⁶ Комаров А.В. Списки... С. 120–121; Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. С. 368–385.

⁷ Комаров А.В. Списки ... С. 105–106.

⁸ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой пол. XIX в. Махачкала, 1993. С. 28.

В изучаемый период каждое сельское общество имело свои местные органы управления.

Как и ранее, джамаат (сельское общество) являлся низовой территориально-политической единицей союза сельских общин, его основной ячейкой.

Каждый населенный пункт имел свою территорию с четкими границами, свои адаты и органы управления. Наличие своей территории, а главное – проживание на ней различных родственных групп говорят о территориальном характере дагестанских сел. Для всех родственных групп территория их проживания была общая, что придавало сельским общинам территориально-географическую стабильность².

Сельские общества делились на части, а последние – на кварталы. Так, в крупном лезгинском селе Курах было 7 кварталов и 48 тухумов³.

К главам тухумов обращались за советом во всех важных случаях жизни: брак, торговые дела, ссоры, примирения и т.д.⁴ Старейшина тухума контролировал поведение членов своего тухума. Высшей мерой наказания считалось изгнание из тухума.

Управление в союзах сельских обществ Аварии осуществляли сельские старшины – *чухби* (бегаул). У даргинцев они назывались «*шила халати*» (Акуша), «*катаны*» (Муги), у табасаранцев – «*кевха*»⁵. В ряде аварских обществ эта должность была наследственной.

Во главе некоторых аварских сельских общин стояли кадии, которые одновременно являлись и военными предводителями, и судьями при разборе межсельских тяжб.

Управление даргинских, лезгинских, рутульских союзов сельских обществ также осуществлялось старшинами. В некоторых обществах эта должность была наследственной, в других они избирались из числа влиятельных лиц. Во всех обществах старшины разбирали тяжбы по адату и решали вопросы внутреннего управления.

Небольшие села управлялись одним старшиной, крупные села имели по нескольку и даже более 10 старшин⁶.

¹ Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 254–255.

² Там же. С. 282.

³ Там же. С. 283.

⁴ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2. С. 153.

⁵ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 25.

⁶ Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.

В помощь кадию и старшинам в сельских обществах избирались чауши. Чауши исполняли все указания старшин и кадиев.

Для решения важнейших вопросов созывались джамааты. Как правило, они созывались в определенном месте, в них участвовали все мужчины общества, кроме лагов. Следует отметить, что право решающего голоса в джамаатах имели старшины, кадии, знать. Решения джамаатов были обязательны для всех.

Были сельские общества, зависимые от соседних феодальных владений. Так, аварские, лакские и другие правители силой подчинили своей власти ряд союзов сельских обществ – Ахвах, Технуцал, Тиндал, Хушти, Хварши, Вуркун-дар, обложив их податью.

Союзы сельских обществ Южного Дагестана, такие как Ахты-пара, Докуз-пара и другие арендовали зимние пастбища в Кубе и в связи с этим находились в определенной зависимости от кубинских ханов. В 1812 г. союзы сельских общин Самурской долины (Ахты-пара, Докуз-пара, Алты-пара и др.) были поставлены под контроль кубинского коменданта¹. Салатавцы зависели от эндиреевских и костековских князей. Однако союзы сельских обществ упорно сопротивлялись феодалам, отстаивали свою независимость с оружием в руках.

В начале XIX в. союз сельских общин Каба-Дарго присоединился к Акуша-Дарго. В 1819 г. А.П. Ермолов назначил главным акушинским кадием Зухум-кади². Высшим органом союза сельских общин номинально считалось собрание.

Социальный строй народов Дагестана на протяжении XVIII в, как и раньше, сохранял неравномерность своего развития. В то время как одни территории достигли более зрелых и юридически оформленных феодальных отношений, в других – феодализм еще не полностью установил свое господство. В Дагестане к господствующему классу относились шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, султаны, бии, беки, чанка-беки, высшее местное мусульманское духовенство. Кроме того, к ним в Засулакской Кумыкии относились сала-уздени (средние дворяне)³.

Все они, в зависимости от сословного происхождения, размеров своих владений и положения, занимали определенные места в феодальной иерархической лестнице. Во главе иерархической лестницы

¹ Там же. С. 114.

² История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) С. 113–114.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 19.

стояли шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, кадии и другие, являвшиеся верховными собственниками земли в своих владениях. Вслед за ними по значимости стояли беки¹. Последние также были крупными земельными собственниками, наследственно владевшими пашнями, покосами, пастбищами. В Дагестане беки делились: 1) на беков, которые вели свое происхождение от шамхалов, ханов и др. владетелей; и 2) так называемых карачи-беков, которые свое происхождение возводили к тем далеким временам, когда в Дагестане не было указанных верховных правителей. Карачи-беки имелись в Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты². Землевание беков росло как за счет захвата общинных земель, так и за счет земель, получаемых от владетелей за услуги.

Беки имели также право на получение пая в местах, где находились общинные земли с переделами. В шамхальстве Тарковском беки получали земельные угодья не только по выбору, но и в огромном размере, от 2 до 8 паев³. Кроме того, беки, являясь социально-экономической опорой и ядром привилегированного сословия, занимали высшие должности во владениях Дагестана. Беки в большинстве были сторонниками феодальной децентрализации и часто выступали против центральной власти.

Вслед за беками и карачи-беками по своему социальному положению шли чанка-беки, то есть беки, рожденные от неравного брака феодальных владетелей (шамхалов, ханов и др.) или беков с женщинами незнатного происхождения. Чанка-беки владели земельными угодьями, полученными по наследству в виде «чанка-пая» еще при жизни отца.

К привилегированному сословию относились также сала-уздени (первостепенные уздени, или средние дворяне). В их владениях находились большие земельные угодья. В основном сала-уздени являлись опорой владетелей, за что последние жаловали им земельные угодья в наследственное или в пожизненное пользование.

К феодальному классу Дагестана относилось и высшее местное духовенство. Верхушка мусульманского духовенства, используя свое влияние среди верующих, обогатилась и стала присваивать себе феодальные права⁴.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 317–318.

² Там же. Т.1. С. 318.

³ Хашаев Х-М.О. Указ. соч. С. 209.

⁴ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 318.

Наиболее многочисленную часть крестьянства составляли свободные общинники-уздени. В предгорном и нагорном Дагестане узденство распадалось на две категории. Сельская знать, выделившаяся из основной массы узденей, владела большими земельными участками, размеры которых иногда доходили до размеров земель владельцев. Уздени, занимая различные административные должности во владениях, часто, путем ущемления прав и интересов основной массы бедных крестьян, расширяли свои владения, использовали труд крестьян-односельчан и владели рабами.

Неравномерность социального развития наблюдалась не только между отдельными народами, но и среди соплеменников. Аварцы, даргинцы, лезгины входили частью в состав феодальных владений, частью составляли «вольное общество».

Наиболее крупные земельные угодья, так называемые ханские земли, принадлежали феодальным владельцам (тарковским шамхалам, аварским и казикумухским ханам, биям Засулакской Кумыкии, кайтагским уцмиям, табасаранским майсумам и др.)¹.

Другим видом землевладения в Дагестане были мюльки. Этот вид не был связан с несением службы владельцу. Последний распоряжался им по своему усмотрению: мог продать, передавать по наследству, дарить и т.д. Этим видом землевладения на правах частной собственности владели не только господствующие слои общества, но и лично свободные крестьяне во всех районах края, в том числе и в вольных обществах². Мюльки находящиеся в руках крестьян, по своим размерам были различны. Одни приближались к феодальным земельным владениям, земля других владельцев едва обеспечивала их жалкое существование.

В ряде владений равнинного Дагестана и в Дербентском ханстве были земельные угодья, данные правителем тем или иным лицам в условную собственность за отбывание службы владельцу. В Дагестане временные и пожалованные земельные угодья делились на несколько видов: а) земли, пожалованные на определенный срок; б) земли, данные в пожизненное пользование; в) в некоторых случаях с правом передачи по наследству. Следует отметить, что в XVIII – в нач. XIX в. временная и пожалованная формы землевладения постепенно переходили в мюльк.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С. 316–317.

² Там же. Т.1. С. 317.

Во всех феодальных владениях и «вольных» обществах Дагестана немалые земельные угодья (вакуф) принадлежали мечетям.

В некоторых частях Дагестана наряду с частным землевладением существовало общинное землевладение. Земельные угодья подразделялись на несколько групп: а) общинные земли, в основном пастбища, находящиеся в коллективной собственности целого ряда сел; б) земли, принадлежащие сельской общине; в) земельные участки, находившиеся в коллективной собственности отдельных фамилий. Кроме того, пахотные угодья, принадлежащие сельскому джамаату, подвергались переделу через определенное время. При этом, как правило, лучшие земли всегда получали феодалы и феодализирующаяся верхушка.

Собственность феодалов на землю, ее развитие и укрепление вели к частной собственности на оросительные сооружения, каналы, колодцы. Воды внутренних рек (Яман-су, Ярык-су, Акташ и Яхсай-су) разбирались по каналам. Чтобы прорыть новую канаву, требовалось специальное разрешение владельца.

В свою очередь, феодально-эксплуатируемые крестьяне были разделены на несколько групп. Наиболее многочисленной группой выделялось юридически свободное, но фактически феодально-зависимое крестьянство – уздени. Если в Нагорном Дагестане узденство не делилось на категории, то в Засулакской Кумыкии имелись уздени трех ступеней: а) простые, или второстепенные уздени; 2) догерек-уздени (круглые уздени) и 3) азат-уздени, или вольноотпущенники.

В сфере внеэкономического принуждения находились чагары. Наделенные землей, они не имели никакого права на движимое имущество и орудия производства, но как крепостные, чагары не могли быть проданы. На положении крепостных находились раяты владений предгорной и горной части Дагестана.

Различные категории крепостных крестьян выполняли барщинные повинности и платили продуктовую ренту, а иногда и денежный оброк¹.

Во всех феодальных владениях и «вольных обществах» Дагестана имелись также рабы (*лаг, кул*) в основном из пленных. В XVIII – начале XIX в. в Дагестане сохранялась работоторговля. В Засулакской Кумыкии Эндирей считалось одним из центров торговли рабами и

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 390.

пленными. Цена их доходила до 200 руб. и выше. Однако с присоединением Дагестана к России работорговля в крае прекратилась¹.

В союзах сельских общин Дагестана классовая структура была несколько другой. Так, в ряде «вольных обществ» жили потомки шамхалов и ханов, имелись беки и чанки-беки. Кроме того, были общества, где не было ни беков, ни чанка-беков и все население юридически считалось лично свободными узденями².

Но и здесь узденство не было однородным. Верхушка этой категории крестьянства имела большие угодья земли, значительное количество рогатого скота, использовала в своем хозяйстве труд обедневших сельчан-узденей и рабов. Большая же часть узденей-общинников, будучи юридически лично свободной, фактически находилась в той или иной мере зависимости от верхушки.

Таким образом, во всех регионах Дагестана зависимые крестьяне отбывали в пользу своих владетелей различные подати и повинности, из которых, несмотря на многообразие, основной формой феодальной ренты была продуктовая, базирующаяся на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от своих владетелей.

На наш взгляд, невозможно ограничиться, хотя и весьма подробной, но описательной характеристикой чеченского социума и дагестанского (с известной долей условности) и его развития в XVIII – первой четверти XIX в. Необходимо обратиться к освещению этих процессов в исторических исследованиях.

Так, известно, что до 70-х гг. XX в. социальный строй горцев описывался, как правило, в терминах европейского феодализма, а в горской общине историки пытались найти некое подобие русской, определяя при этом лишь особенности феодализма на Северном Кавказе. Такая позиция вызвала к жизни различные модели феодализма: восточного, горского, кочевого и т.д.

Нам представляется весьма плодотворной концепция горского феодализма, сформулированная Г. Меликишвили в 70-е г. XX в., рождение которой знаменует собой отказ от европоцентристского подхода к исследованиям.

В данной трактовке горскому феодализму присущи такие черты, как: сохранение личной свободы основной массой крестьянства и их права на землю и иные средства производства; управленческий характер власти господствующего сословия; отсутствие, как правило,

¹ История Дагестана. М. 1968. Т. 2. С. 60.

² Там же. С. 390.

наследственной собственности на средства производства и на личность производителя.

Обращает на себя внимание идея Г. Меликошвили о переплетении элементов «восточного» и «горского» феодализма в социуме горцев Северного Кавказа. Это утверждение перекликается с оценками М.Ковалевского, который трактовал феодальные отношения у народов плоскостного Дагестана как результат взаимодействия самостоятельного развития и социальных институтов, принесенных завоевателями из Передней Азии.

Без сомнения, нет нужды еще раз напоминать о многообразных формах и степенях воздействия на социум Северного Кавказа, его экономическую, политическую и духовную историю огромного количества факторов, главное, увидеть ту доминантную форму социальной интеграции горского общества, которая на протяжении многих веков организовывала жизнь горских народов. Это, конечно, территориальная община. Она оказалась наиболее устойчивым социальным институтом, т.к. обеспечивала условия для жизни и деятельности всех лиц, ее составляющих; противодействовала различным и многообразным тенденциям распада взаимосвязей в обществе; выработала и сохранила эффективный механизм урегулирования социальных конфликтов.

Именно община вплоть до середины XIX в. оставалась первоосновой жизни и быта кавказских народов и в рамках союзов общин («вольных обществ», джамаатов), и в монархических государствах, продолжая осуществлять указанные нами функции.

Таким образом, горское общество этого периода (XVIII – 20-е гг. XIX вв.) являлось обществом традиционным. Согласно современной традициологии, традиция в таком обществе определяет пределы возможных изменений, равно как и критерии социальной активности масс.

Горская община на протяжении многих веков демонстрировала способность воплощать в традиционные, привычные народному сознанию формы, новые экономические, социальные и политические явления, сочетала старые обычаи и новации без кардинальных, резких, травматических изменений привычного образа жизни.

Поскольку темпы этих перемен были весьма различны в горах и на плоскости, дагестанский исследователь А.Р. Магомедов определил четыре ее разновидности применительно к XV–XVIII вв.: независимая, зависимая привилегированная, зависимая податная и непосредственно контролируемая феодальным владельцем. В нашем опи-

сании социальных отношений в Чечне и Дагестане нашли отражение все указанные типы общинного устройства.

Чеченские общества в XVIII в. имели различные формы управления. Чеченцы, по Гюльденштедту, подчинялись своим князьям. Георги уточняет: чеченцы имели князей, но «умертвили» их в 1773 г.¹ Ингуши, по Гюльденштедту, не имели князей, но подчинялись старейшинам из знатнейших родов – Мацеки, Боза, Чев и Пшанув. Эти старейшины одновременно являлись судьями и представителями общины в сношениях с другими общинами². Карабулаки, по Штедеру, имели «демократическую конституцию» и общественные дела решали голосованием на общих собраниях, но в частных делах у них «господствовал «фаустрехт» (Faustrecht)³. Рейнеггс дополняет, что некоторые фамилии среди чеченцев, ингушей и карабулаков стремились сделать принадлежащие им должности старейшин наследственными⁴.

Вместе с тем И. Гербер называл союзы сельских общин так же, как и феодальные владения Дагестана, больше в значении «страна», «край»⁵. И.А.Гюльденштедт обозначал их как «distriet»⁶, т.е. как административно-территориальную единицу, не делая различия между политическими образованиями, управляемыми феодалами и советами сельских старейшин.

И.А. Гюльденштедт дал не только географию политических образований, но достаточно четко описал образ правления в них. Собственно чеченцев он, например, определял следующим образом: «Некоторые немногие имеют независимых владетельных князей, как, например, чеченцы; другие не имеют у себя дворянство, но выбирают между собою богатейших, а особливо имеющих большое родство старшин, коим, однако же, столько повинуются, сколько им угодно»⁷. Факты княжеского правления отмечены и П.Г. Бутковым, который пишет, что одним из князей являлся владелец селения Большие Чечни и Большие Атаги – Айдемир Бардыханов⁸.

¹ Güldenstädt I.-A. Beschreibung ... P. 474, 481; Георгий И.Г. Указ. соч. С. 59.

² Güldenstädt I.-A. Beschreibung ... P. 480; Pallas P.S. Op.cit. P. 415; Георгий И.Г. Указ. соч. С. 60.

³ Stander L.L. Op.cit. P. 18.

⁴ Reineggs J. A general ... P. 40.

⁵ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера ... С. 262.

⁶ Güldenstädt I.-A. Reisen durch Rußland ... Th. I. P.486, 493.

⁷ Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 77.

⁸ Бутков П.Г. Материалы ... Ч.1. С. 70.

Таким образом, И. Гербер, в начале XVIII в., а вслед за ним и И.Гюльденштедт в конце XVIII в., различали две разновидности или формы сельской общины и у чеченцев, первую из которых современные исследователи называют урбанизированной, а вторую – дислоцированной¹.

Первая форма представлена крупным населенным пунктом со многими правителями, иногда это политический центр союза обществ, но необязательно, потому что в союз (джамаат) могли входить крупные общества с коллегиальным правлением, но без политического лидерства одного из них. Чтобы избежать последнего («политического лидерства одного из них»), у плоскостных чеченцев действовал, так называемый институт «приглашения» князей.

Вторая форма представлена в виде малых поселений, в каждом из них по старшине; старшины собираются в одном из селений для разбора дел, т.е. статус низовой политической единицы имеет лишь группа сел, а не каждое отдельное поселение, что имеется в виду во фразе: «которые управляют именем целого народа».

Таким образом, так называемые «вольные общества» существовали у горных вайнахов как управляемые выборными представителями, и как имеющие самостоятельный статус политической единицы.

Сельские общины управлялись народными собраниями – *кхел* (совет), старшинами или князьями². В общине каждый тайп имел своих выборных, составляющих аульский совет. В наших источниках, а также в документах XVIII века они и называются старшинами.

Управление общиной осуществлялось сельским советом старейшин, который назывался «пхье» и собирался в определенном месте. Обсуждение дел здесь было гласным и с 15-летнего возраста юноши могли присутствовать на собраниях как полноправные члены общества и даже высказывать свое собственное мнение. При этом,

¹ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XXв.... С. 9.

² Об этом подробно см.: Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в.... С. 48; Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях чеченцев и ингушей в XVIII–XIX вв.... С. 49–66; Ахмадов Я.З., Айтберов Т.М. К вопросу о феодальной фамилии Турлоевых в Чечне (XVI–XVII вв.) // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1988. С. 218–221.

однако, требовалось логично и убедительно излагать свои мысли, разбирать все вопросы по-деловому.

Хозяйственные, общественные, судебные дела общины решались на общем сходе, где собирались представители от всех дворов. «Кхел» регулировал пользование общинным лесом, устанавливал порядок выпаса скота, сроки пахоты и сенокосения, производил примирение кровников, решал вопрос обустройства дорог, мостов, каналов и пр.

Верховным органом управления у вайнахов был «*Мехк кхел*» – Совет страны, который собирался, как правило, два раза в год для обсуждения общенародных вопросов и разбора спорных дел. До проникновения ислама в нем господствовали старейшины из числа местной знати.

В заключение, на наш взгляд, необходимо еще раз указать на сложность вопроса о характере и этапах развития феодализма в Чечне и месте общины в процессе социального развития вайнахов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что разнотипность политических образований, вовлеченных в глобальные исторические события в XVIII – 20-е гг. XIX вв., отражается и в разнотипности их границ – от международно-согласованных имперских границ до подвижных кочевых пределов или весьма устойчивых, ландшафтных ареалов горских вольных обществ. Крупные феодальные владения, в том числе с устойчивой исторической традицией государственности, охватывают территории с более сложным составом населения. Их политические границы в меньшей степени «этнически укоренены». Однако и здесь присутствуют культурно-определенные властные элиты, в реальной или номинальной зависимости от которых находятся компактно расселенные инокультурные группы по периферии этих государств.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

2.1 Падение власти Ирана над народами Северо-восточного Кавказа в начале XVIII в.

Северо-восточный Кавказ, где сталкивались интересы Персии и Османской империи, оказался и в сфере влияния политики России с выходом ее на побережье Каспия и принятием в подданство Кабарды (1556–1557 гг.).

В начале XVIII в. борьба за Северо-восточный Кавказ возобновилась с новой силой между соседними державами – Иран, Турция и Россия. Первостепенное стратегическое значение для них особенно имел Приморский Дагестан. По ирано-турецкому договору 1639 г. часть Приморского Дагестана оказалась в сфере влияния Ирана. От имени иранского шаха эту власть осуществлял Дербентский султан. Опираясь на иранские гарнизоны, наместники шаха в Дербенте пытались подчинить себе лезгин Самурской долины. Некоторые исследователи преувеличивают зависимость Дагестана от Ирана.

Зависимость дагестанских владетелей от Ирана была номинальной, выражаясь в формальном признании шахского суверенитета. Горские владетели проводили самостоятельную политику. Зависимость от Ирана в большой степени проявлялась в Приморском Дагестане. Имея в виду ирано-турецкий договор 1639 г., А.А. Неверовский писал, что «получившая в удел восточную часть Закавказья Персия никогда не могла обуздать Дагестан» Посылаемые в Дагестан персидские войска испытывали одни лишь поражения, и в Персии существовала пословица: «Если шах глуп, то пусть пойдет войной на лезгин».

Для укрепления своего влияния в Дагестане иранские шахи выдавали местным правителям фирманы на утверждение их во владельческих правах. Кроме того, шахи выплачивали денежные средства из своей казны. Они посылали различные подарки, поддерживали эксплуатацию местного населения. В свою очередь, некоторые дагестанские владельцы признавали верховную власть иранского шаха.

Особое внимание иранские правители уделяли Тарковскому шамхалу. Он, помимо денежного содержания в 40 тыс. рублей, получал доходы с жителей пяти деревень в Мушкуре. Значительными привилегиями пользовались и другие дагестанские владельцы. Так, например, фирманом шаха Хусейна (1695 г.) цахурский владелец Али

Султан получил жалованную грамоту и кафтан. Фирманом того же шаха (1711 г.) уцмию Кайтага Ахмед-хану было определено ежегодное денежное содержание 2000 рублей. Казикумухский Сурхай получал от шаха ежегодно пенсию 2000 рублей. Владельцы Табасарана майсум и кадий пользовались особыми знаками милости и внимания.

Положение народных масс было исключительно тяжелым. Иранское влияние на некоторой части угрожало национальной независимости Дагестана. Оно способствовало усилению социального гнета. Следует иметь в виду и религиозный фактор. Дагестанские народы, будучи суннитами по вероисповеданию, подвергались религиозному гонению со стороны иранцев-шиитов. Это вызывало недовольство мусульманского духовенства и широких масс трудящихся.

В начале XVIII в. зависимость части феодалов Дагестана от иранских шахов носила в основном номинальный характер. Они стали проводить самостоятельную внешнюю политику. Владетели Костековские, Аксаевские и Эндиреевские больше тяготели к России. Аварское ханство оставалось независимым от Персии. Иранские шахи не могли добиться покорности и жителей Приморского Дагестана.

Гнет шахов Ирана в Дербентском ханстве и других районах Южного Дагестана стал невыносим на рубеже XVII–XVIII вв. Иранские власти резко повысили старые и ввели новые налоги.

Антииранские восстания начали жители Джаро-Белоканских обществ. В 1707 г. восстали Джарское и Цахурское общества. Восставшие, захватив Шемаху, убили правителя Ширвана Гасан-Алихана. Иранский лагерь был разграблен. События в Дагестане вызвали серьезную тревогу в Иране. В 1711–1713 гг. восстанием были охвачены джарцы, цахуры, табасараны и лезгины. Иранские шахи оказались не в состоянии подавить совместное выступление народов Дагестана. Восстание получило все более широкий размах. В него включилась часть феодалов и местного мусульманского духовенства. Они сумели придать восстанию исключительно антииранский характер. Движение приобрело религиозную оболочку и развивалось в дальнейшем под лозунгом борьбы суннитов против шиитов. Особая роль в этом принадлежала Хаджи-Дауду. Встав во главе отряда повстанцев, он присвоил звание бека и стал называться Хаджи-Даудбеком. К нему прикнул уцмий Кайтага. Последний отправил к нему отряд под предводительством Муртузали. В 1711 г. повстанцы, во главе которых находились Хаджи-Дауд и Муртузали, выступили против Шабрана. После упорной схватки они взяли его. Затем восставшие двинулись в Кубинское ханство, осадили и заняли Худат. В это же время повстанцы

Джара, Тала, Цахура разбили шахские войска в Нухинском уезде. Вскоре в Кубинское ханство прибыл уцмий Кайтага со своим войском, акушинцами, а также правитель Казикумуха Сурхай с многочисленным ополчением. Число объединенного отряда достигло 30 тыс. человек. Осенью 1711 г. Хаджи-Дауд, Сурхай-хан и Ахмед-хан осадили торгово-ремесленный центр Восточного Кавказа Шемаху. Однако, встретив сильное сопротивление, сняли осаду.

Весной 1712 г. объединенные отряды горцев, возглавляемые Хаджи-Даудом, Сурхай-ханом, внезапно напали на Шемаху, штурмом овладели городом, разграбили и разорили его. В Шемахе Хаджи-Дауд и Сурхай-хан оставались недолго. Отряды повстанцев чинили местному населению грабежи и разорение. Это было одной из причин отхода народных масс от движения. Потеряв поддержку народных масс, Сурхай-хан ушел в горы. Он значительно расширил границы своих владений за счет покорения лакских, кюринских, самурских и кубинских джамаатов. Сурхай-хан стал играть видную роль в политической жизни Восточного Кавказа. instituteofhistory.ru

Некоторые правители Дагестана после 1712 г. стали отходить от активной политической борьбы.

Пользуясь отходом народных масс и уходом в горы отряда, возглавляемого Сурхай-ханом, в 1719 г. иранские войска усилили натиск на повстанцев. Иранским завоевателям удалось схватить Хаджи-Дауда и заключить его в дербентскую крепость. Но Хаджи-Дауду удалось бежать из тюрьмы и развернуть в Дагестане антииранскую деятельность. Хаджи-Дауд рассылал письма в разные общества и владения уговаривал владетелей Дагестана выступить против Ирана. Собрав значительные силы повстанцев Хаджи-Дауд и Сурхай-хан 21 июля 1721г. осадили Шемаху. Город подвергся разорению и грабежу. Были разграблены и товары русских купцов. Затем повстанцы вблизи Шемахи разбили войска ганджинского и эриванского ханов, осадили Баку, Ардабил, Дербент и другие населенные пункты. Многие ставленники шаха, в том числе и беглербег Дербента, бежали в Иран. В этой обстановке руководители повстанцев проводили политику лавирования между Турцией и Россией, обращаясь к ним за помощью, а также принять их под покровительство. Протурецкая ориентация Хаджи-Дауда и Сурхая была обусловлена классовыми и национально-религиозными интересами феодалов-суннитов. Каждый из них старался стать правителем Ширвана. instituteofhistory.ru

Руководителям движения больше импонировала Турция, чем Россия, о чем были осведомлены русские власти. Россия не хотела

усиления влияния Турции в регионе, так как она беспрестанно вела подрывную деятельность на Кавказе.

Особо важное место в политике Османской империи уделялось Северо-восточному Кавказу, где она активно искала опору среди влиятельных кумыкских владетелей, пытаясь настроить их против России и отлучить их от Сефевидов. С этой целью осенью 1712 г. к тарковскому шамхалу Адиль-Гирею и аксаевскому владельцу Султан Махмуду прибыли посланцы крымского хана, чтобы «ония владельцы и других тамошних владельцев пригласили б и были б единомышленны воли крымского хана, что ни повелит хан делать, быть неослушны»¹. В такой обстановке оградить Северный Кавказ от притязаний османов и крымцев тогда не удалось. «По указу от Порты Оттоманской, – сообщал в мае 1714 г. А.Б. Черкасский, – посланы от хана крымского посланцы к вольным князьям, имеющим владение близ гор между Черным морем и Каспийским, дабы оныя князья со владениями своими склонились под власть султана турецкого и послушны были бы хану крымскому, за что будут многую милость получать и повсягодным жалованьем определены будут»².

Учитывая создавшуюся обстановку, А.Б. Черкасский предлагал опередить султанскую Турцию, перейти к более решительным действиям вплоть до введения русских войск в Северо-восточные территории Кавказа и строительства крепости на побережье Каспия. Получив это донесение, Петр I обратился к Сенату продумать вопрос («учинить совет») «о горских народах, каким образом их к нашей стороне склонить ... дабы их лучше при нашей стороне удержать»³.

По мере нарастания антишахских восстаний в Дагестане и приближения конца владычества Сефевидов на Кавказе центр кавказской политики России переместился из Кабарды в Дагестан, имевший исключительное значение для решения каспийской проблемы.

С сопроводительными письмами от А.П. Волынского и шемахинского беглербеги Кей-Хосров-хана в адрес дербентского султана, тарковского шамхала Адиль-Гирея, казанищенского владельца Умалата и кайтагского уцмия Ахмед-хана команда А.И. Лопухина прибыла в Дербент 20 марта, но не смогла выехать из крепости до 19 апреля из-за исключительно острой внутривосточной обстановки, натянутых отношений между местными владетелями, их различной внеш-

¹ КРО. Т. 2. С. 3.

² Там же. С. 223.

³ Там же. С. 223.

неполитической ориентации, крайнего ослабления влияния Персии и спонтанно возникавших антишахских выступлений.

По-видимому, учитывая склонность тарковского шамхала к России, иранское правительство искало опору в лице двух его соперников – казанищенского Умалата и буйнакского Муртузали – старшего представителя шамхальского рода, низложенного Адиль-Гиреем в 1700 г., овладевшего шамхальским тронem и добившегося признания своей власти иранским шахом Султан Хусейном¹. Однако признание Адиль-Гирея шамхалом со стороны Сефевидов в сложившейся ситуации не могло иметь особого значения. Правильно оценив соотношение сил между Россией и Персией, шамхал Адиль-Гирей стал добиваться принятия в российское подданство. Обращаясь в адрес российского царя в 1717 г., шамхал писал: «Я от него, шаха отложился, и к вам, российскому государю, подался ... того ради просим всех желаний исполнителя от высокой вашей Порты, дабы ... велели своим указом астраханскому и терским правителям нам в нуждах наших как воинских, так и других случаях помогать и удовольствие показывать»². Накануне приезда А.И. Лопухина в Дербент шамхал Адиль-Гирей был принят в российское подданство, о чем был извещен лично царем специальной грамотой³.

Однако не все местные владетели сумели трезво оценить сложившуюся ситуацию и выработать реалистический внешнеполитический курс. Не случайно на первой же встрече с А.И. Лопухиным 22 марта дербентский султан выразил сомнение в том, что казанищенский Умалат сможет сопроводить команду Лопухина в Терки, так как у него «здесь власти и силы никакой нет, и никто его в дела не ставит», а что касается шамхала Адиль-Гирея и уцмиев Ахмед-хана, то «кроме их двоих в Дагестане силы никто такой не имеет»⁴.

Для дальнейшего следования из Дербента в уцмиево владение требовалось официальное разрешение уцмиев и письменное заверение, что он доставит А.И. Лопухина с командой до шамхальских границ⁵.

Материалы «Журнала» А.И. Лопухина и других письменных источников проливают свет на политическую роль и внешнеполитическую ориентацию отдельных владетелей Северо-восточного Кавка-

¹ Там же. С. 73.

² РДО. 1958. С. 226.

³ Там же. С. 227.

⁴ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 10.

⁵ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII. С. 51.

за. Как свидетельствуют эти материалы, наиболее влиятельным из них, последовательно ориентирующимся на Россию, выступал тарковский шамхал Адиль-Гирей. Такую же позицию во внешнеполитических делах занимал следовавший в фарватере политики шамхала Адиль-Гирея аксаевский Султан Махмуд. Эндиреевские владельцы, втянутые в распри с кабардинскими князьями, оказались в натянутых отношениях с российским правительством, оказывавшим покровительство кабардинским князьям. Буйнакский владелец Муртузали, получавший ранее жалованье от российской казны на правах старшего представителя шамхальского рода, соперничая с Адиль-Гиреем, склонился на сторону казанищенского Умалата, находившегося в подданстве Персии. Лишенный достаточной материальной и военной базы для проведения собственной внешней политики, казанищенский Умалат не представлял особого интереса для Петра I, хотя персидский шах выставлял его в качестве противовеса усилившемуся влиянию шамхала Адиль-Гирея. Находившийся в зависимости от кайтагского уцмья утемышский султан-Махмуд не раз становился жертвой неустойчивой внешнеполитической ориентации уцмья Ахмед-хана. Подговорив утемышского владельца султана-Махмуда напасть на команду А.И. Лопухина, кайтагский уцмий сам остался в стороне и даже добился подтверждения шамхала Адиль-Гирея перед А.И.Лопухиным о том, что «он (уцмий. – Авт.) в сем деле не виноват, и люди ево, которые с вами, они их (нападающих. – Авт.) унимали»¹.

Однако наибольших успехов в это время добился Сурхай-хан Казикумухский, ставший равным по влиянию в Дагестане наряду с шамхалом Адиль-Гиреем. В то время как цахурский владетель Али Султан после 1712 г. отошел от активной политической борьбы, а Хаджи-Дауд Мюшкюрский оставался в дербентской тюрьме, их временный союзник в антишахской борьбе Сурхай-хан, наоборот, воспользовавшись ослаблением Персии, значительно усилил свою власть в Нагорном и Юго-Восточном Дагестане, расширив границы своих владений от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы². Не вмешиваясь в бурные события того времени, такую же политику в Нагорном Дагестане проводил аварский правитель Умма-хан, подчиняя своей власти близлежащие «вольные» общества. Отмечая возвышение власти хунзахского хана над аварскими владельцами и «вольными» обществами,

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 40.

² Комаров А.К. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1889. Вып.2. С. 10.

И.Г. Гербер писал, что «они подвластные различным князьям ... Знатнейший из них Усмей Авар называется, а особливо имя ево Умахан»¹.

Ослабленные в борьбе с шахскими завоевателями табасаранские владетели майсум и кадий продолжали от них зависеть. И.Г. Гербер писал о табасаранцах, что «они имеют собственного своего князя, который называется Махсум. Тогдашний назывался Мугамед, а Кади Рустан Бек. Оба они находились прежде в подданстве у Персии и зависели от султана Дербентского»².

Расположенный далеко в горах, оторванный от других феодальных владений Дагестана, Рутульский магал находился под властью шаха. Но по мере усиления антисефевидской борьбы предводители рутульских обществ, добиваясь независимости от Персии, пошли на сближение с Сурхай-ханом. Касаясь возвышения роли рутульских беков во внешнеполитических делах, Х.Х. Рамазанов отмечает: «Рутульские беки предводительствовали войсками и были вообще часто, если не всегда, представителями рутульского общества при внешних сношениях с правителями Турции и Персии»³.

Этих же позиций дагестанские владетели придерживались и в начале 20-х гг. XVIII в., когда пламя антишахской борьбы разгорелось с новой силой, уничтожило владычество Сефевидов на Кавказе и ускорило вмешательство соперников Персии – Порты и Российской империи в кавказские дела. Следует отметить, что к завоеванию Кавказа османов подстрекали европейские страны, прежде всего Франция и Англия. Как пишет азербайджанский историк А.А. Абдурахманов: «Франция, игравшая роль «посредника» между Турцией и Россией, фактически разжигала противоречия между этими государствами»⁴.

В свою очередь, Англия и Франция всячески старались не допустить усиление влияния России в Дагестане, а также в соседних регионах.

Английский министр Джон Картер полагал, что связи России с Ираном и Индией угрожают «руинами» Левантийской и Ост-Индийской компаниям, от которых зависят богатство английской нации и прочность ее парламентского устройства. Успехи России отрицательно сказались бы и на политической жизни Великобритании.

¹ Гербер И.Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 165.

² Там же. С. 114.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 165.

⁴ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой пол. XVIII в. Баку, 1964. С. 70.

Таким образом, вышеописанные события препятствовали продвижению России в Азию¹.

В феврале 1722 г. резидент И.И. Неплюев писал, что Стэнъян представил султанскому правительству мемориал на турецком языке, в котором предупреждал его о завоевательных замыслах России в отношении Турции и убеждал в легкости борьбы с ней, так как якобы все европейские государи – «злодеи» русскому государю. Между тем помыслы России сводились лишь к ограничению завоевательных планов Турции².

«Предлагай шаху старому или новому, или кого сыщешь по силе кредитов, что мы идем к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые нам победу сделали... Турки не оставят всей Персией завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но себе ею владеть... только по морю лежащие земли отберем, ибо турок тут допустить не можем», – говорилось в инструкции Петра I русскому консулу в Иране Аврамову от 25 июня 1722 г. Избегая неприязненных отношений с Ираном, Петр предписывал Аврамову добиваться добровольной уступки побережья за помощь, которую может оказать шаху Россия в утверждении его престола.

Анализ ситуации в Дагестане показывает, что накануне Каспийского (Восточного) похода Петра I здесь сохранялась напряженная обстановка. Она определялась не только внутренними причинами, но и политикой Ирана, Турции и России, стремившихся овладеть этим важнейшим стратегическим плацдармом на стыке Европы и Азии. Дагестан оставался объектом острой дипломатической борьбы между правителями Ирана, Турции и России.

2.2 Противостояние иностранных держав планам Петра I на Кавказе

Кавказский вектор восточной политики Петра I формировалось с учетом не только геополитического положения региона, но и возросшей активности набегов османских и крымских войск в кавказском направлении с углублением в южнороссийские пределы. Воен-

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения. М., 1966. С.19.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XV–XIX вв. М., 1958. С. 65.

но-политическая активность Турции и Крыма особенно возросла после потери Россией Азова и выхода к Азовскому морю по Прутскому договору 1711 г., развеявшему надежды царя на одновременное решение балтийской и черноморской проблем¹.

Воспользовавшись упадком Сефевидского государства, Турция планировала овладеть персидскими владениями в прикаспийских областях. Она рассчитывала при этом использовать в своих интересах антироссийски настроенных дагестанских владетелей – Сурхай-хана и Дауд-бека, чей переход на сторону Турции заметно повышал ее шансы на усиление своего влияния в Дагестане и Прикаспии, что в корне противоречило основным целям восточной политики Петра I. Выход к южным морям и обеспечение безопасности южных границ не могли быть обеспечены без овладения Дагестаном, прикаспийскими областями и создания союзного христианского армяно-грузинского альянса в Закавказье. С целью решения этих важных для России задач был предпринят Каспийский поход Петра I.

Однако намеченным планам петровского правительства противостояли силы со стороны Турции и активно поддерживавших их западных держав. Последние всячески стремились подтолкнуть Турцию на войну с Россией. Не случайно в меморандуме французского правительства, врученном Порте в марте 1706 г., говорилось, что после окончания войны со Швецией Петр I в союзе с Австрией начнет войну против Турции, поднимет восстание славян на Балканах, овладеет Крымом для захвата Стамбула, ввиду чего необходимо «опередить царя и напасть на него, пока он не может справиться со Швецией»². Англия, со своей стороны, устами своего посла в Стокгольме У. Стаффорда заверила шведского короля Карла XII, что она «никогда не допустит, чтобы шведская корона обессилела и рухнула»³. Вдохновленные поддержкой Парижа и Лондона, составлявшие вместе с Турцией основу антироссийского «восточного барьера», Карл XII и крымский хан Каплан-Гирей обратились к султану Ахмеду III (1703–1730) с просьбой выделить 80-тысячный турецкий корпус, обещая нанести России такой удар, «от которого она и в 50 лет не оправит-

¹ Benigsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire and the Caucasus // Canadian-American Slavic Studies. 1974. S. 55–58.

² Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 145.

³ Там же. С. 123.

ся»¹, ибо объединенные силы турок, татар и шведов способны «снова внести оружие в сердце Москвы»².

Весть о подготовке и начале Каспийского похода вызвала резонанс в правительственных кругах Англии и Франции, добившихся подписания выгодных для своих Ост-Индских кампаний торговых договоров с шахом Персии, предусматривающим представление английским и французским купцам прав экстерриториальности и консульской юрисдикции – Англия в 1699 г. и Франция в 1708 и 1715 гг.³

К 20-м гг. XVIII в. коммерческие компании европейских держав практически монополизировали торговлю шелком с Индией, Китаем и ближневосточными странами. Их торговые агенты скупали шелк на рынках Персии, затем переправляли его в Европу через турецкие порты Смирну и Алеппо или порты Персидского залива. Лишь незначительная часть этого «шелкового потока» поступала в Россию через Дербент и Астрахань. Следовательно, перед правительством Петра I стояла задача убедить иранского шаха перенести торговлю шелком из Турции в Россию, чтобы перехватить колоссальные доходы у Османской империи и западноевропейских торговых компаний.

Особую напряженность приобретали русско-турецкие отношения из-за споров по кавказским проблемам. Поэтому русское правительство предпринимало все меры для поддержания не только мирных, но и дружественных отношений с Персией, рассматривая ее в качестве потенциального союзника в борьбе с геополитическими интересами Порты.

Во взаимоотношениях с Персией учитывалось то, что выход османов к берегам Каспия означал бы появление нового фронта, что создавало бы для России дополнительные трудности в организации обороны. В случае военного конфликта под угрозой турецкой агрессии оказался бы юг страны. Кроме того, Турция, несомненно, упрочила бы свои позиции на Северном Кавказе и наглухо закрыла бы все пути русской торговли со странами Востока.

Уже на стадии подготовки похода, по мере передвижения транспортных и людских сил из Казани в Астрахань, западные державы, проявили небывалый интерес к действиям российского прави-

¹ Смирнов Н.А. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII–XVIII вв. // Воссоединение Украины с Россией: 1654–1954. М., 1954. С. 377.

² Бобылев В.С. Указ. соч. С. 72.

³ Benigsen A. Peter the Great, the Ottoman Empire and the Caucasus // Canadian-American Slavic Studies. 1974. P. 32–35.

тельства, о чем свидетельствует донесение французского посла в Петербурге де ля Кампредона министру иностранных дел кардиналу Дюбуа от 20 марта 1722 г. о том, что «он (Петр Великий. – Авт.) хочет иметь для безопасности своей торговли порт и крепость по ту сторону Каспийского моря и желает, чтобы шелка, которые посылались обыкновенно в Европу чрез Смирну, шли ныне на Астрахань и Петербург. Здесь даже льстят себя надеждой, что шах, испугавшись войны, согласится уступить это русским за обещание их помочь ему в подавлении восстания»¹.

Предстоящий Каспийский поход вызвал недовольство и других западных держав. В ключе разжигания российско-турецкого конфликта для воспрепятствования походу и ослабления позиций России в Европе в рамках политики антироссийского «восточного барьера» выступали Англия и Австрия. «Оба двора, – считал де ля Кампредон, – т.е. английский и австрийский, сильно хлопочут об этом»². С особым усердием при этом действовала английская дипломатия, опасаясь того, что занятие русскими войсками Прикаспийских областей станет серьезной преградой для торговой монополии Англии на Ближнем Востоке.

В этих условиях попытки И.И. Неплюева опровергнуть утверждения западных дипломатов и турецких министров о готовности Петра I двинуть 100-тысячную армию через Кавказ на Персию не имели успеха. Однако антироссийские интриги Порты и ее покровителей также не достигли своей цели. Правительство Петра I действовало взвешенно, твердо отстаивая статьи Константинопольского договора 1720 г. с Турцией «о вечном мире». Благодаря этому Неплюеву удалось заверить турецких министров в том, что Россия готова разрешить спорные вопросы по кавказским делам мирным путем.

Ход российской дипломатии оказался весьма эффективным. Обескураженный таким ходом событий французский посол в Стамбуле де Бонак в письме своему коллеге в Петербурге де ля Кампредону выразил личное недоумение следующим образом: «Однако же кажется мне, что Порта зело довольная обнадеживаниями, которые царь велел ей учинить о желании, дабы упредить всякие ссоры на границе... Министры султановы обретаются в той же диспозиции»³.

¹ Сборник русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 49. С. 97.

² Там же. С. 244.

³ АВПРИ. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1722. Д. 16. Л. 98–100.

Однако по ряду обстоятельств, в первую очередь, чтобы избежать преждевременной войны с Турцией¹, Петр решил уйти с Кавказа. Опасения Петра I касались не только позиции Турции, но и западных держав, особенно активизировавших свою антироссийскую политику в условиях успешного начала задуманного похода на юг. Не случайно явившийся по рекомендации западных держав и личному указанию султана Ахмеда III в русский лагерь на р. Милюкент турецкий посланник Нишли Мехмед-ага прямо заявил Петру I, что дальнейшее продвижение русской армии на Кавказе будет рассматриваться Портой как причина для объявления войны России².

Петр I, приняв такое решение, обеспечил необходимые условия для сохранения российского влияния в Дагестане. Были основаны русские гарнизоны по прикаспийскому Дагестану. Пребывание Петра I в Дагестане оказалось непродолжительным, но существенным как с точки зрения внутривосточного состояния, так и внешнеполитического положения горного края. Как зафиксировали этот факт архивные материалы более чем 100 лет спустя, «оно (пребывание Петра I. – Авт.) положило твердое основание тому влиянию, которое Россия возымела на дела Кавказа в конце прошедшего и начале нынешнего столетия, и хотя в последующие времена Дагестан неоднократно переходил под власть, или, лучше сказать, под покровительство персидских шахов и турецких султанов, но владычество их над этой страной было кратковременно и непрочным»³.

С тех пор Дагестан стал более активно втягиваться в сферу международных отношений, оказывая нарастающее влияние на развитие этих отношений в Прикаспийско-Кавказском регионе. Этому же способствовала политика Порты и западных держав, недовольных усилением влияния России на Кавказе, стремившимся воспрепятствовать успеху ее восточной политики. Искусно подогреваемая дипломатами Англии и Франции, Порта готовилась к захвату Дагестана, Прикаспийских областей и северных провинций Персии. Для реализации своих планов они предусматривали привлечь на свою сторону дагестанских владетелей и завоевателя Персии Мир-Махмуда, обещая ему поддержку султана Ахмеда III⁴.

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения XVIII в. М., 1966. С. 27.

² Gokce C. Kafkasya ve Osmanli Imperatorlugunun Kafkasya siaseti Istanbul, 1974. S. 30–31.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6246. Ч. 1 (1838). Л. 3–4.

⁴ Unat F.R. Osmanli seferleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968. S. 62.

Активизация кавказской политики Порты подогревалась и тем, что падение власти Сефевидов в 1722 г. «создало благоприятную ситуацию для удовлетворения агрессивных замыслов той части правящей османской верхушки, которая ратовала за продолжение завоевательных походов»¹. В отношении Дагестана это выразилось в том, что 3 сентября 1722 г. шамхалу Адиль-Гирею было прислано от имени турецкого султана, одобренное фетвой шейх-уль ислама специальное письмо, в котором рекомендовалось объявить России «джихад» (священную войну), «выслать всех магометанцев какого бы роду ни были из домов своих, и велеть им, под предлогом, магометанской ради веры, против возмутителей (русских. – Авт.) весьма жестоко биться... всем сердцем ради веры и земель магометанских старайся, чтобы от гявура не были разорены»². Но это письмо не воздействовало на шамхала, ввиду чего намечавшееся антирусское выступление отдельных дагестанских феодалов не состоялось.

Однако Порта продолжала вести подрывные действия, засылая новых агентов, используя лесть, подкупы и другие методы. Первым на обращение Порты откликнулся Али Султан Цахурский, принявший ее подданство в сентябре 1722 г. В знак признательности султан Ахмед III присвоил Али-Султану звание эмира Дагестана, хотя он являлся самым слабым и невлиятельным владельцем Дагестана. Тем не менее, султанский фирман, присланный по этому случаю, гласил, что Элисуйское (Цахурское. – Авт.) владение признается за «опытным, храбрым и благочестивым эмиром Дагестана Али-Султаном»³.

Переход Али Султана на сторону Турции вдохновил Порту на новые антирусские акции. Она стала готовиться к войне, придавая особое значение овладению Дагестаном. «Турецкие дела и слова непостоянны, – доносил Неплюев Петру I, – поэтому соизвольте на границах остерегаться и приготавливаться к войне. Порта принимает в свое подданство Дауд-хана (Дауд-бека. – Авт.) и хочет сначала овладеть персидскою Грузиею, а потом вытеснить русские войска из Дагестана»⁴.

¹ Мейер М.С. Османская империя в XVIII в.: черты структурного кризиса. М., 1991. С. 188.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 262.

³ Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1887. Вып. VII. С. 8.

⁴ Соловьев С.М. История России. Кн. 9. Т.18. С. 394.

Приведенные факты подтверждают, что роль Дагестана в кавказской политике России и Турции, а, следовательно, в международных отношениях в регионе продолжало нарастать. В середине октября 1722 г. турецкий командующий в Эрзеруме получил приказ подчинить сначала Вахтанга VI, а затем «иттить в Дагестанскую землю, дабы российским войскам воспретить в прогрессах»¹. В конце ноября Порты потребовала, чтобы Россия вывела все войска из Дагестана, под тем предлогом, что нахождение там русских войск «внушает сильное подозрение всем окрестным государям, и турецкий народ покоен быть не может»². Одновременно Порты продолжала привлекать на свою сторону местных владетелей новыми заманчивыми предложениями.

Успешные действия российских войск в период похода Петра I в Прикаспий вызвали острое недовольство в Стамбуле. Еще до ухода основных русских сил верховный визирь Ибрагим-паша на заседании дивана угрожал объявить России джихад – «священную войну». С одобрения султана крымский хан Сеадет-Гирей III 3 сентября 1722 г. отправил посла к тарковскому шамхалу, вручившему Адиль-Гирею грамоту, в которой, в частности, говорилось: «Ведомо вам да будет, что веры нашей неприятель неверный москаль мирный договор с... императором (Ахмедом III. – Авт.) заключил как о том вам известно. Ныне же по имеющим тайным возмутительным мыслям войска свои с Терека отправил со многими иными войсками, около Астрахани находится, а с каким к нам намерением того мы не ведаем, только в народе обносится, что в некоторых местах фортеции строить, кумыков и весь Дагестан победил... говорят также, что он (Петр I. – Авт.) подданство привести как меньших, так и больших народов магометанского людей вознамерен, и вы старайтесь тое недопустить»³. Для этого, по словам хана, надлежало «выслать всех магометанцев какого бы ни были роду из домов своих, и велеть им, подняв полы, магометанской ради веры, против возмутителей весьма жестоко биться»⁴. В заключение, крымский хан Сеадет-Гирей III предлагал: «Ежели вам от нас потребно вспоможение войск... колико числом войск пожелаете, то и вам отправлено будет»⁵. Однако, намечавшаяся под эгидой

¹ АВПРИ. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1722. Д. 16. Л. 37.

² Мельгунов Г.В. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник. М., 1874. Т.110. С. 193.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1722 г. Д.17. Л.72–73 об.

⁴ Там же. Д.17. Л.72–73 об.

⁵ Там же.

Порты антироссийская коалиция в Дагестане не состоялась: против нее выступил Адиль-Гирей; Сурхай-хан под его влиянием остался в стороне; Хаджи-Дауд, Ахмед-хан и Али Султан, перессорившись между собой, прервали переговоры с Крымом¹.

Экспансионистские замыслы султанской Турции и Крыма активно поддерживались западными странами (Англией и Австрией), стремившимися спровоцировать новый российско-османский конфликт. Их представители в Стамбуле внушали султанским министрам, что поход Петра I положил начало завоеванию Кавказа Россией. Отступление российской армии предоставило Порте реальную возможность активизировать кавказскую политику. Посланный в Исфахан с разведывательными целями, турецкий резидент доносил в Стамбул, что Персия находится в крайне тяжелом состоянии и в короткое время может быть завоевана. Стремясь привлечь на свою сторону Мир-Махмуда, султан Ахмед III известил его, что «не будет препятствовать ему овладеть Персией, если он признает зависимость от Порты»².

На протяжении всей второй половины 1722 года в Стамбуле распространялись самые разные, порой фантастические слухи: о поражении и поспешном «отступлении» российской армии, тайном визите Петра I в Грузию и переговорах с грузинским митрополитом об оккупации этой страны российскими войсками и т.п. Османами в ход были пущены все средства: дезинформация, интриги, подкуп, натравливание иранцев на русских и жителей Кавказа на персов. Нагнетая обстановку, султан и его министры не скрывали своих намерений захватить шахские владения на Кавказе. Под предлогом «защиты» Грузии сераскери Ибрагим-паше направили дополнительные войска, чтобы «сохранить покорность грузинского хана (Вахтанга VI. – Авт.), если даже он поставит себя под протекцию царя». Султан и крымский хан засылали все новых агентов, чтобы подкупом или угрозами привлечь на свою сторону местных правителей.

Первым на предложения османов откликнулся цахурский владетель Али-Султан, принявший подданство Порты в сентябре 1722 г. В фирмане султана Ахмеда III, присланном по этому случаю, подчеркивалось, что Элисуйское владение утверждается «за опытным, храбрым и благочестивым эмиром Дагестана Али-Султаном». Этот дипломатический акт должен был продемонстрировать России, что сул-

¹ Там же. Д.24. Л. 67 об–68, 73–74.

² ПСЗ. СПб., 1830. Собр. I. Т. VII. № 4298.

танское правительство намерено присоединить сефевидские владения на Кавказе к Порте, о чем И.И. Неплюев поспешил уведомить императора Петра I: «Порта принимает в свое подданство Дауд-хана и хочет сначала овладеть персидскою Грузиею, а потом вытеснить русские войска из Дагестана». Спустя месяц он извещал, что Ибрагим-паша получил приказ вступить в Картлию с 50 тыс. войском и добиться подчинения Вахтанга VI, а затем «оному Эрзерумскому паше с войском, которого будет до 20 тыс., велено иттить в Дагестанскую землю, дабы российским войскам запретить в прогрессах»¹. В конце ноября правительство Порты потребовало вывода оставшихся на Кавказе российских войск под тем предлогом, что их пребывание там «внушает сильное подозрение всем окрестным государям и турецкий народ покоен быть не может»².

В самом конце 1722 г. на сторону османов склонился Хаджи-Дауд Мюшкюрский, принявший подданство Порты в качестве верховного правителя Дагестана и Ширвана. В фирмане, посланном Хаджи-Дауду, султан Ахмед III поставил перед ним широкую программу захвата новых территорий на Кавказе и вытеснения России из Прикаспийских областей. Сообщая об этом, И.И. Неплюев подчеркивал: «Дауд шейху писано особливое письмо, дабы он старался и прочие принадлежащие к Ширвану ближние персидские провинции, елико будет возможно, приобщил оружием в свое владение, и что приобщит, на все на то ему обещает Порта дать инвестуру... чтоб он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон из Дербента и всяких тамошних краев»³.

Переход Хаджи-Дауда под протекторат Османской империи привел к активизации экспансионистских планов Порты в отношении всего Кавказа. Правительство султана Ахмеда III заявило российскому резиденту, что оставшийся в живых сын шаха Хосейна Тахмасп и новый правитель Сефевидов Мир-Махмуд приняли протекцию Порты. «Понеже Персия ныне в руках магометанских и те все народы у Порты в подданстве, – гласило решение дивана от 12 февраля 1723 г., – дабы российский монарх все свои войска вывел из персицких стран и во всем бы отнял руку от Персии»⁴. 15 февраля 1723 г. И.И. Неплю-

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89.1722 г. Д.16; 1723 г. Д.5.Ч.1; Д. 5. Ч. 2. Д.16. Л.36 об.

² ПСЗ. СПб., 1830. Собр. I. Т. VII. № 4298. С. 193.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89.1722 г. Д.16; 1723 г. Д. 5. Ч. 2. Л.241.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 2-2 об.

ев сообщал царю Петру I, что Порта требует, «дабы Ваше Величество претензию свою от Дагестанов оставили... и войско свое вывел», угрожая в противном случае, что «и Порта нынешней весною все свои меры войною употребит в защищение тех стран». Резидент подчеркивал, что турки пошли на эту рискованную дипломатическую акцию в расчете на то, что в случае «ежели б Мир-вейс (Мир Махмуд. – Авт.) всю Персию овладел и с ними соединился», то уже вполне вероятно «преклонились бы хивинцы, бухарцы и Могол (правитель Могольской империи в Индии. – Авт.), понеже все те страны махометанского закону»¹.

Султанское правительство намеревалось дать жесткий отпор российскому продвижению в Северо-восточном Кавказе, чему в немалой степени способствовали интриги английского посла А. Станьяна. В специальном мемориале, направленном султану, Станьян заверял его, что Россия готовится к захвату всего Кавказа вплоть до Черного моря, но не имеет союзников в Европе и легко может быть разбита². В апреле 1723 г. великий визирь Ибрагим-паша предложил российскому правительству план раздела сфер влияния на Кавказе. Согласно этому плану, османы сохраняли за собой владения Сефевидов в Южном Кавказе и часть Северного Кавказа, включая Дербент. Влияние России распространялось бы на засулакские земли до Терека. Одновременно с переговорами османы продолжали военные приготовления. Командиры османских частей в Крыму, Бессарабии и Молдавии получили указ быть готовыми к походу на Северный Кавказ. Командующие войсками, направляемыми в Южный Кавказ, должны были собраться в Эрзеруме и ждать сигнала о выступлении³.

Предложения султана, предполагавшие поглощение Кавказа и Прикаспийских областей, встретили решительное противодействие России. Для отражения предполагаемого вторжения османов российское правительство срочно предприняло ответные меры⁴. Командующий Украинской армией М.М. Голицын отозвал полки с тыловых работ и привел их в боевую готовность. По приказу царя Петра I были усилены гарнизоны, дислоцированные на Северном Кавказе. Обезопасив пограничную линию на Кавказе на случай возникновения во-

¹ Там же. Л. 241 об.

² Там же. Д.5. Ч.1. Л.104 об.

³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89.1722 г. Д.16; 1723 г. Д.5.Ч.1; Д. 5. Ч. 2. Л. 241 об.

⁴ Бассевич Г.-Ф. фон. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С.413–414.

оруженного конфликта, император предписал И.И. Неплюеву известить Порту о готовности России защищать свои интересы на побережье Каспия всеми доступными средствами. «Если Порты безо всякой со стороны нашей причины хочет нарушить вечный мир, – гласил ответ царя Петра I, – то мы, к обороне своей с помощью божиею потребные способы найдем»¹.

instituteofhistory.ru

Российско-турецкие переговоры, проходившие в мае-августе 1723 г. в Стамбуле, при посредничестве французского посла де Бонака, не дали положительных результатов². Настаивая на праве владеть Арменией, Грузией, Азербайджаном и Северным Кавказом, Порты перешла к прямым военным захватам. Как признает турецкий историк Джевдет-паша, под видом защиты интересов Порты «высокое правительство во дни султана Ахмеда поспешило завладеть столицей Гюрджистана Тифлисом, посадило от себя правителя в Шемаху... построило город Фаш (крепость Поти. – Авт.) на берегах Черного моря... открыло оттуда путь в Тифлис и облегчило тем доставление в Тифлис и Дагестан оружия, подвозимого флотом в Фаш»³.

В июне 1723 г. османы заняли Тифлис. В донесении в Лондон Станьян писал, что дополнительные части в Грузию были посланы по его инициативе⁴. Одновременно российские войска, дабы не допустить османов на побережье Каспия, сначала заняли Энзели и Решт, а затем Баку. Вслед за этим Россия стала добиваться от Тахмаспа добровольной уступки Прикаспийских областей, обещая ему взамен необходимую помощь для борьбы с османскими и афганскими захватчиками⁵.

instituteofhistory.ru

17 августа 1723 г. М.А. Матюшкин от армянского священника А.Аракелова узнал о том, что «сего... году июня в последних числах приехали в Шемаху Даудбек и Усмеев сын и Шамхалов сын вместе, а турок приехало ж с капычи пашею от ирзрумскаго паши 200 человек к Даудбеку с письмами и с подарками... И по прибытии в Шемаху жили дней з двадцать и поехали из Шемахи з Даудбеком на Куру. А после себя оставил оной капычи паша одного турченина для проведе-

¹ Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007. С. 394.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 9. Т. 18. С. 345.

³ Ахмед Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 по 1202 г.х. (1778–1788 р.х.) // Русский архив. М., 1889. Кн.1. С. 312.

⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. 4. СПб., 1867. С. 28.

⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1722 г. Д. 17. Л.10.

вания всяких ведомостей... И хотел итти с ними он, Даудбек по другой стороне Куры для взятъя Генжи и армянское войско до Генжи онаго Даудбека не допустили и ныне он стоит на Куре с войском своим з двумя тысячи человеки. И хотел он, Даудбек, от Куры послать в Тифлиз с ведомостью, чтоб к нему приехали турки для споможения»¹.

Угроза османских завоеваний вынудила шахский двор направить в Петербург своего представителя Исмаил-бека, который подписал с императором Петром I 12 сентября 1723 г. Петербургский договор, предоставлявший России «в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним прилегающими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, також де и провинции Гилянъ, Мизондран и Астрабат»². Взамен Россия обязалась помочь Персии в борьбе против его врагов. Договор, закрепивший переход к России Северо-восточного Кавказа и Прикаспийских областей, явился важной дипломатической победой императора Петра I: не нарушая мира с Ираном, он смог получить эти территории на основе взаимных обязательств.

Таким образом, Каспийский поход Петра I, по сравнению с предшествующими походами российских войск на юг, был намного масштабнее и результативнее и фактически знаменовал собой начало широкого наступления России на Кавказ. С точки зрения отношений России с восточными деспотиями – султанской Турцией и шахским Ираном, отмеченный поход, подобно предшествующим, по своему характеру был оборонительным, с той лишь разницей, что император Петр I собирался более активно защищать то, что представляло для него наибольшую важность как для упрочения завоеванного, так и для обеспечения успеха последующей экспансии. Геополитические последствия похода как для России, так и для Кавказа очевидны и бесспорны: он обеспечил безопасность юго-восточных границ России, содействовал оживлению национально-освободительного движения народов Кавказа, прочно оградил Дагестан от агрессии Порты³. В этой связи вполне уместно вспомнить высказывание известного кавказоведа В.Г.Гаджиева о том, что основная цель похода в Прикаспие состояла ни в чем другом, как в присоединении к России прикаспийских провинций, весьма важных для нее в экономическом и политическом отношениях⁴.

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. 1723г. Кн. 63. Л.748–748 об.

² Мельгунов Г.В. Поход Петра Первого в Персию // Русский вестник. СПб., 1874. Т. 110. С. 110–112.

³ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1951. С. 243.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 223.

2.3 Обострение российско-турецких противоречий на Кавказе

Многолетняя борьба за овладение Кавказом шла с переменным успехом с XVI в. Продолжавшиеся более века осmano-персидские войны завершились договором 1639 года, разделившим Кавказ на сферы влияния между Персией и Турцией, сохранившимися за ними до 1722 г. Кавказский аспект восточной политики России постоянно углублялся с середины XVI в., но как важный геополитический вектор территориальной экспансии начал складываться с Азовских походов Петра I и окончательно оформился в ходе Каспийского похода. Компромиссный Стамбульский контракт 1724 г. усилил геополитические позиции в регионе как России, так и Турции.

Вхождение в Кавказскую геополитику петровской России изменило биполярный характер противостояния держав (Турция–Персия) на менее устойчивый «треугольник сил» (Россия–Турция–Персия). Отражением новой расстановки сил стало создание различных коалиций, один из вариантов которых был реализован в 1724 г., когда два наиболее сильных на тот момент государства – Россия и Турция, договорились о разделе Кавказских владений третьего соперника – Персии, имперские структуры которого в кавказских провинциях полностью дискредитировали себя перед местным населением и вызвали многочисленные антииранские восстания¹.

Стамбульский мир 1724 г. имел большое международное значение для народов Северо-восточного Кавказа в сложившейся на тот момент политической ситуации со сложным переплетением русско-персидских и русско-турецких отношений.

Создавшаяся обстановка благоприятствовала экспансионистским замыслам Стамбула, пытавшегося воспользоваться бедственным положением Персии. Способствовало этому и положение, в котором оказалась послепетровская Россия, когда проблемы восточной политики Петербурга сводились к решению элементарной задачи: найти выход, как «с некоторой честью и безопасностью из ... персидских дел выйти»². Гегемонистские устремления Порты на Кавказе подпитывались Англией, Францией и другими европейскими державами.

¹ Рахаев Ж.Я. Геополитическое значение Северного Кавказа в системе международных отношений первой половины XVIII в. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура: Мат. Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11–14 сентября 2001 г.). Москва-Ставрополь, 2001. С. 25.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 79.

Каждая из них преследовала свои собственные цели. Франция пыталась отвлечь Россию от вмешательства в европейские дела, обострив отношения России с Турцией и Персией. Австрия пыталась использовать спор из-за Кавказа для ослабления турецкого давления на свои границы. Собственные интересы отстаивали также Швеция и Пруссия, подогревая амбиции соперничавших за господство на Кавказе держав. Особые интересы преследовала Англия, геополитическое положение которой, как самой могущественной «державы моря», требовало от нее категорического недопущения геополитической экспансии России в Переднеазиатский регион и Средиземноморье путем примирения Турции и Персии в противовес России.

Россия пошла на мир с целью не допустить выход турок на Каспийское море и закрепить свои новые границы на Кавказе. Тем самым ликвидировалась угроза войны с Портой, выиграть которую в тех исторических условиях для России было проблематично.

Османская верхушка, расценивавшая Персию как государство без государя, а кавказский регион как наследственное владение султана (временно уступленное сефевидским шахам)¹, заключением договора с Россией развязывала себе руки для захвата не только Южного Кавказа, но и всей Персии. Традиционная экспансионистская политика Османской империи третьего десятилетия XVIII в. была нацелена на полное подчинение Южного Кавказа и Среднего Востока². Не дожидаясь разграничения по договору сфер влияния, османы торопились захватить больше территорий в нарушение подписанных ими условий. По Константинопольскому договору 1724 г. к Российской империи отходила прикаспийская зона в Дагестане и в Азербайджане.

Однако народы Кавказа не были довольны условиями Константинопольского договора и не хотели подчиниться власти Османской империи. Назначенный в комиссию по разграничению территорий А.В.Румянцев доносил в правительство, что «ханы, салтаны, старшины, ... и весь здешний народ желает В.И.В. протекции с великою охотою...»³. Приняв повторные присяги от владетелей Дагестана, Долгорукий доносил в Петербург: «Теперь один Сурхай остался в противности и оттого великого опасения не чаю, однако ж пакости чинить может, и буду трудиться каким случаем и его склонить, понеже доро-

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. С. 29.

² Осмаев А.Д. Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. Л.150.

³ Соловьев С.М. История России. Кн.10. Т.19–20. 1725–1740. С. 17.

га ближе к склонению Сурхая по присяге Усмеевой, а без Усмея Сурхай слаб стал»¹.

Однако разграничение между Стамбулом и Петербургом кавказских территорий, отягощенное сложнейшими перипетиями, чрезвычайно затянулось. Османские комиссары специально затягивали этот процесс с целью выиграть время и переселить к себе жителей тех территорий, которые отходили по трактату к России. Не желая попасть под османское владение, жители приморской полосы Дагестана уходили в горы. Вместе с азербайджанцами, армянами и грузинами дагестанцы неоднократно выступали против турок, обращаясь за помощью к русским гарнизонам, расквартированным в Дагестане и Ширване.

Политика покровительства российских властей способствовала усилению их влияния среди местных народов, активизировала политическую ориентацию на Россию. Особенно интенсивно этот процесс протекал в Прикаспийских областях, где в 20-х – начале 30-х гг. присягу на верность России приняло подавляющее большинство правящей элиты и народных масс².

Усиление внешнеполитической ориентации народов Кавказа на Россию ставило под угрозу реальность выполнения замыслов Порты, а именно овладение данным регионом как важнейшим плацдармом на западном побережье Каспийского моря. Старания турецких властей присоединить к владениям Порты, отходившие к ней на Кавказе территории, встретили сопротивление местного населения. Как доносили комиссары Порты, в Стамбул в конце декабря 1727 г., «действуя силою и иными способами, они укротили шемахинских обывателей, но дальше наступила дагестанская земля, которую мерить невозможно, яко они мерить не дают, противятца оружием»³.

Тем временем военно-политическая обстановка на Северовосточном Кавказе все накалялась. Интересы трех противоборствовавших держав продолжали фокусироваться в этом регионе. Создававшаяся в регионе ситуация на тот момент будто бы и благоприятствовала наступательным амбициям Стамбула: Персия находилась в бедственном положении под афганской оккупацией, кавказская политика послепетровской России была сведена на нет бесконечными дворцо-

¹ АВПРИ. Ф.77. Сношения России с Персией Оп.1. 1728. Д.18. Л. 17

² Мустафаев М.М. К вопросу об усилении русской ориентации в Азербайджане (20-е – начало 30-х годов XVIII в.) // Изв. АН АзССР. Сер. истории, филос. и права. Баку, 1972. №2. С. 136–137.

³ АВПРИ. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп.1. 1727. Д.6. Л. 604.

выми переворотами. Однако к этому времени положение в Персии стало коренным образом меняться.

Тяжелые последствия афганской и османской оккупации послужили причиной освободительной борьбы, развернувшейся в Персии, которую возглавил сын незнатного кочевника из племени афшаров Надир, проявивший себя в последующем как талантливый, но крайне жестокий полководец и политик. Поступив на службу к шаху Тахмаспу II в качестве главнокомандующего вооруженными силами, он вскоре стал наместником Хоросана, подчинив влиянию своего безвольного патрона. Вскоре иранская армия под началом Надира освободила Мешхед, нанесла крупное поражение афганцам. Изгнание афганцев из Персии подорвало позиции Стамбула не только здесь, но и вообще на Кавказе.

Встревоженный султан, рассматривая использовать территорию Дагестана в качестве плацдарма для войны с Персией, обратился за поддержкой к Сурхай-хану Казикумухскому. Профессор Н.А. Сотавов по этому поводу замечает, что привлекая Сурхая заманчивыми предложениями, в Стамбуле однако вынашивали коварный план, пытаясь избавиться от него в (случае если бы он не оправдал их надежд, что и подтверждается секретным донесением И. Неплюева о том, что «весьма Порты желает ево (Сурхая. – Авт.) из Шемахи удалить вглубь Персии определить табы свободнее было ево поймать, ежели в него в тех краях сжидаем по злоде не будет»¹

Сурхай-хан Казикумухский, будучи достаточно проницательным, помня о судьбе его сотоварища и соперника Дауд-бека, вероятнее всего догадывался о тайных намерениях турецкого двора, вел себя очень осторожно и, лавируя между соперничавшими державами, не порывал с Портой, с одной стороны, и не вступал в конфликт с Россией и Персией – с другой.

В связи с изменением соотношения сил на Востоке в пользу Персии, положение в Дагестане еще более усугубилось. Став фактически правителем Персии, Надир стал готовиться к войне с Турцией за возвращение отторгнутых иранских провинций. Это обстоятельство, естественно, вызвало нервозность в турецкой столице. Узнав о намерениях Надира, султан отправил указ крымскому хану готовиться к войне. Это обращение нашло свой отклик: хан Каплан-Гирей, жаждавший случая напасть на Северный Кавказ, с готовностью отве-

¹ АВПРИ. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп.1. 1727. Д.6. Л. 604.

тил, что «он нашел дорогу к посылке татар в Персию через Кавказские горы, близ Дагестана»¹.

Северо-восточный Кавказ вновь занял передовое место во внешнеполитических планах России и Турции, став предметом «яблоком раздора» между ними. Независимо от ее целей, отстаивая свои интересы на Кавказе, Россия брала под защиту кабардинцев, дагестанцев и другие народы этого региона. Порта, наоборот, пользуясь поддержкой Англии и Франции, активно поощряла реваншистские устремления османских и крымских феодалов, которые должны были пробиться через Северный Кавказ для соединения с турецкими войсками на Южном Кавказе»².

Крымский хан развил активную деятельность. Предвидя нелегкую борьбу с Россией, он решил заблаговременно заручиться поддержкой северо-кавказских владетелей, обратившись к ним с воззваниями с целью склонить их на свою сторону, дабы они оказали содействие походу крымского войска через Северный Кавказ. Эти воззвания попали в руки ген. Левашова, который оригиналы отправил в Петербург, а копии – резиденту в Стамбул как обличительные документы. Россия заявила решительный протест Порте. Пока выполнялся, так сказать, дипломатический этикет, крымские войска, форсировав Кубань, двинулись на Терек.

Российские войска атаковали крымцев на территории Чечни и на время приостановили их продвижение. Затем, воспользовавшись бездарным командованием русскими войсками принца Гессен-Гамбургского, крымцы, опрокинув небольшой отряд русских войск, достигли Тарков. Далее крымцы проследовали к Дербенту. Ряд дагестанских владетелей, изменив России, перешли на сторону крымско-турецких войск.

Российское правительство, естественно, предприняло ряд мер по установлению «спокойствия» в регионе. Против изменников был послан отряд. Главное командование российскими войсками вновь было доверено опытному в кавказских делах ген. Левашову, который, действуя дипломатией и силой оружия, восстановил спокойствие среди местного населения и привел в покорность мятежных владельцев³.

¹ Там же. Оп.1. 1733. Д.5. Л. 158.

² Сотапов Н.А. Указ. соч. С. 95.

³ Лерх. И.Я. Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 гг. из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 43. С. 13.

Недовольные такими суровыми мерами русских властей, отдельные дагестанские владетели стали искать покровительства Турции. Но Порты на тот момент от открытой протекции над дагестанскими владетелями воздержалась. Тем не менее отправила тайные указы крымскому хану и Сурхаю Казикумухскому «войско собирать», взаимодействовать «с дагестанскими князьями, согласиться и к действиям в готовности быть»¹.

Однако реализовать эти планы Порте не пришлось. В ноябре 1733 г. Надир нанес сокрушительное поражение туркам под Багдадом, что остудило притязания последних в отношении Дагестана.

Порты, потерпевшая поражение под Багдадом, заключила с Надиром договор, предусматривающий возвращение Персии территорий, захваченных османами на Кавказе. Того же Надир стал требовать и от России. Внешнеполитическая обстановка в Дагестане резко обострилась: Надир обратился к кавказским владетелям «немедленно очистить территории, находящиеся под их управлением»². С этого времени, как подчеркивает профессор Н.А. Сотавов, Надир придавал огромное значение созданию кавказского плацдарма, обеспечивающего верховенство в регионе. Военно-стратегическое положение Дагестана как опорной базы на побережье Каспия и должно было способствовать решению этой задачи³.

Пользуясь тем, что в столь решительный момент среди дагестанских феодалов не было единства, Надир старался их подтолкнуть на выступления против России⁴. Однако Надиру не удалось добиться поставленной цели: дагестанские владельцы не выступили против России, хотя и не были едины в своих решениях.

Тем временем на Кавказе произошли весьма важные для его народов события внешнеполитического характера. Дело в том, что после подписания между Персией и Россией Рештского договора (1732 г.) о постепенном выводе из Гиляна царских войск Османская империя решила, что настала благоприятная ситуация для того, чтобы прибрать Северо-восточный Кавказ к своим рукам. Турция, как доно-

¹ АВПРИ. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп.1. 1733. Д.5. Л. 160

² Бакиханов А.А. О походах шах-Надира в Дагестане // Кавказ. 1845. №17. С.68.

³ Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 103.

⁴ Магарамов Ш.А. Борьба с Надир-шахом как фактор укрепления пророссийской ориентации дагестанской правящей элиты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 10 (36). Ч. II. С. 110.

сил посланник Неплюев, решила «дагестанцов, всех без изъятия, в протекции своей объявить и туда хана крымского со 80-ю тысячами татар послать», на что канцлер Остерман со всей решительностью ответил Стамбульскому двору, что «Порта вступаться за дагестанские народы ни малейшего права не имеет»¹. В тоже время в правящих кругах России, решив не допускать прохода крымских татар в Дагестан, самым тщательным образом обсуждался вопрос о «возможности сохранения» своего влияния на Дагестан. Вернувшийся из Персии барон Шафиров даже предлагал царскому правительству «перехватить инициативу и самим утвердиться в Дагестане», а для этого «дагестанских владельцев и впредь милостивым награждением» привлечь на сторону России². Турции было решительно заявлено, что дагестанские владетели являются подданными Российского государства, в качестве гарантии дают ей аманатов (заложников. – Авт.) и поэтому Россия не может допустить господства турок над Дагестаном и пропустить крымские войска через его территорию.

Все эти события красноречиво свидетельствует о том, что Россия не намерена была оставить Северо-восточный Кавказ и готова была отстаивать его от притязаний со стороны Османской империи³.

В сложившейся обстановке России нежелательно было осложнять свои отношения с правителем Персии, тем более что в это время русско-турецкие отношения осложнились настолько, что все это становилось слишком опасно. Учитывая эти обстоятельства, Россия согласилась заключить с Персией мирный договор, который и был подписан 10 марта 1735 г.

Согласно условиям Гянджинского договора, Россия обязывалась вывести войска и передать город Баку в течение двух недель, а Дербент и его округу в течение двух месяцев. Персия обещала «вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе и крепко содержать российских приятелей за приятелей, а неприятелей российских за неприятелей иметь и кто против их двух высоких дворов войну начнет: то оба высокие дворы против того неприятеля войну начать и во всех случаях помогать должны ... Иранскому государству всякие прилагать старания, и начатую против неприятеля (Турции. – Авт.) войну с крайним тщанием и ревностью продолжая, должное отмще-

¹ АВПРИ. Ф. Азиатские дела. 1724–1735. Д.3. Л. 7–8.

² АВПРИ. Ф.89. Сношения России с Турцией. Оп.1. 1735. Д.6. Л. 39.

³ Там же. Л. 16–18.

ние получить»¹. Как видно, договор, подписанный в Гяндже, всецело был направлен против Османской империи.

В Стамбуле решили снова прибегнуть к испытанному и действенному способу – выступить под флагом защиты «единоверных мусульман» – суннитов Кавказа от уничтожения «еретиками» – шиитами. Султан незамедлительно отправляет в Бахчисарай указ, крупную сумму денег и многочисленные подарки для раздачи крымскому войску. В указе предписывалось немедленно выступить в поход с 60-тыс. войском «... в Дагистанские народы и протчим тамошним князьям...», набрать в Дагестане еще 60 тыс. путем подкупа местных владетелей². Таким образом, весной 1735г. Дагестан занял исключительное положение во внешнеполитических планах Персии и Османской империи.

Не оставалась безучастной к дагестанским делам и Россия, прибегая к различным дипломатическим уловкам, чтобы как-то помешать замыслам Порты и Крыма. Дипломатические демарши России в адрес Стамбула свидетельствовали о стремлении Петербурга не допустить османов на Каспий путем сохранения российско-персидского союзного альянса.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т.V. С. 568; Юзефович Т.Д. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 2020–207.

² Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 110.

ГЛАВА III. ПОПЫТКИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ УТВЕРДИТЬСЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

3.1 Изменение международной обстановки на Кавказе и уход России из Дагестана

Российско-иранские переговоры о возвращении Ирану прикаспийских областей и приморской части Дагестана шли к концу. Оказавшись перед враждебной коалицией европейских держав на западе и угрозой заключения антироссийского ирано-турецкого союза на востоке, правительство Анны Ивановны решило вывести свои войска из этих областей, чтобы избежать войны на два фронта и превратить Иран из потенциального противника в своего союзника. По этим соображениям, 10 марта 1735 г. оно подписало Гянджинский трактат о возвращении Ирану прикаспийских областей с отводом своих войск за реку Сулак, но с тем обязательным условием, чтобы эти территории не были уступлены Турции¹.

Гянджинский договор 1735 г., предусматривающий возвращение Ирану Гиляна, Мазандерана, Астрабада, части Ширвана и Дагестана, имел тяжелые последствия для дагестанских народов. Согласно условиям договора, Россия обязалась вывести войска и передать Ирану Баку с уездом в две недели, а город Дербент «с уездом и к нему принадлежащему местами», до старой его границы – в два месяца. Со своей стороны, шах обязался «вечно с Российской империей пребывать в союзной дружбе»². Однако за этой благозвучной фразой скрывались далеко идущие намерения Надира не только против народов Дагестана, но и самой России. Условия Гянджинского договора предусматривали, что прикаспийские области и Дагестан, входившие в состав России со времени Каспийского похода Петра I, отходили от нее и снова подпадали под власть Ирана. Как верно заметил академик Бартольд, появившийся в Иране такой сильной личности, как Надир, «удалось на короткое время восстановить политическое могущество Персии и ее прежние границы в прикаспийских областях»³.

Однако этот процесс происходил в ожесточенной борьбе Надира с народами Кавказа, с одной стороны, и в острых столкновениях с

¹ Договоры России с Востоком... С.200–207.

² История Дагестана: В 4 т. М., 1957. Т.1. С.357.

³ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1963. Т.2. Ч.1. С.762.

Османской империей – с другой, стремившейся занять место уходящей из региона послепетровской России. Повторился по существу сценарий послерештского периода, но с гораздо более масштабными и далеко идущими последствиями, определившими характер международных отношений до конца 30-х гг. Ввиду указанных причин выполнение условий Гянджинского договора резко ухудшило внутривнутриполитическое состояние и внешнеполитическое положение Дагестана¹.

«Выполнение условий Гянджинского договора, – отмечает Маркова, – не прошло без осложнений. Если возвращение Ирану Гиляна, его исконной территории, было закономерно, то передача ему закавказских территорий, им некогда насильственно захваченных, представляло акт жестокой несправедливости в отношении народов, населявших эти территории»².

Сказанное, прежде всего, относится к Дагестану, жители которого традиционно подвергались иранскими правителями не только социально-экономическому и политическому гнету, но, как сунниты, и религиозному террору. Массы беженцев христиан и мусульман спасались, как могли: одни уходили с русскими войсками, другие бежали в горы, как это сделали дербентцы двух магалов.

Но Надир-шах решительно требовал возвращения всех, кто уехал из Ирана с 1722 г., поручив своим чиновникам составить тщательно выверенные списки беженцев. Попытки В.Я. Левашова отказать от выдачи беженцев вызвали угрозу расторжения Гянджинского договора. Князь В.Д. Голицын, с трудом добившийся его заключения, настаивал на выдаче эмигрантов. Соглашаясь с его мнением, Левашов указывал, что выселяемые жители все равно уйдут к горцам, но к персам не пойдут из-за их «безмерного грабительства и тиранства»³.

Но выдача беженцев российскими властями, чего настойчиво добивался Надир, наносила ущерб престижу России, выступавшей в роли покровительницы народов Кавказа, особенно христиан Закавказья. В одном из донесений 1735 г. самой императрице Левашов прямо указывал, что когда он отдавал шахским властям армян и грузин из крепости Святого Креста, то ему «многую жалость и нареkanie ви-

¹ Ашурбекова С.Р. Прикаспийские области в международных отношениях 20-х – 40-х гг. XVIII в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2006. С.114.

² Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIIIв. М., 1966. С.123.

³ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1735. Д.12. Л.215об.–219, 270–273об.

деть приключилося, что их издавна обещанная протекция не защитила»¹.

По мере перемещения русских войск за Сулак и на Терек соперничество между Ираном и Турцией за обладание указанными территориями продолжало усиливаться. Согласно Гянджинскому трактату, в конце марта 1735 г. русские войска оставили прикаспийские области и направились на Сулак. 25 мая Д.Ф. Еропкин сдал Дербент только что назначенному Надиром персидскому султану Ферудину, а сам с четырьмя полками переместился в крепость Святой Крест, куда стягивались войска из Баку, Низабада, Рубаса, Бойнака и других укреплений.

Однако и кер. «Святой Крест» на Сулаке ждала такая же участь. И.Я. Лерх, находившийся здесь в конце мая 1735 года, нарисовал такую картину: «Здесь я нашел все в великом движении... Из Дербента и Буйнака соединились с нами генерал-майор Еропкин с 4-мя пехотными полками и многими казаками. Генерал-квартирмейстер де Бриньи заложил крепость Сулак (Святой Крест. – Авт.) в 1723 году, он же должен был сравнять оную с землею»². Уничтожив крепость на Сулаке, русские войска направились в Кизляр, ставший новым центром российского влияния на Кавказе³.

Оставление русскими войсками прикаспийских областей в корне изменило военно-политическую обстановку на Востоке в пользу Ирана. Гянджинский трактат 1735 г., ослабивший позиции России на Кавказе, развязал руки иранским и турецким завоевателям. Надир добился нейтрализации России для покорения горцев силой оружия, но в связи с выводом русских войск Турция выступила с претензиями на Дагестан под видом защиты единоверных мусульман-суннитов. Сближение Ирана с Россией и угроза нашествия иранских завоевателей усилили протурецкую ориентацию местных владетелей, возродив реваншистские устремления османской верхушки на овладение Кавказом.

В начале мая 1735 года в константинопольских кругах усиленно раздувались слухи об обращении дагестанских владетелей к султа-

¹ Там же. Л.445.

² Лерх И.Я. Выписка из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч.45. С.79.

³ Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX века. Махачкала, 2004. С.256, 257, 258.

ну Махмуду I о покровительстве и помощи. На самом же деле Порты, как и в 1733 году, готовилась отправить значительные силы крымского хана через Северный Кавказ в Закавказье против Надира под тем предлогом, что муфтий Дагестана Курбан Эфенди обратился к ней за помощью, так как Россия решила отдать единоверных туркам дагестанцев «Тахмас Кулы-хану (Надиру. – Авт.) в наижесточайшее мучение»¹.

Однако анализ ситуации на основе донесений российских дипломатов показывает, что «мучение» испытывали не только дагестанцы, но и сами турки, несущие крупные поражения в сражениях с иранцами. Так, согласно источникам, в одном лишь сражении 8 июня недалеко от Эчмиадзина 40-тысячная турецкая армия потеряла двух сераскеров (Абдулла-пашу и Сары-Мустафу-пашу. – Авт.), 15 тысяч убитыми, несколько сот пленными, богатую казну из 160 мешков денег, 32 орудия, обоз и множество раненых². После ряда новых неудач турецкие войска покинули Тбилиси, Гянджу и Ереван.

Что касается появления в Стамбуле дагестанского муфтия Курбана Эфенди, то оно произошло следующим образом. Кайтагский уцмий Ахмед-хан, подтвердивший российское подданство в январе 1735 г., но часто менявший внешнеполитическую ориентацию, воспользовавшись охлаждением взаимоотношений Сурхай-хана с Портой, склонился на сторону Турции. 8 мая помощнику российского резидента в Стамбуле А.А. Вешнякову удалось узнать, что в турецкую столицу от имени уцмий Ахмет-хана прибыл муфтий с письмами и просьбой о помощи против Надира. Однако, раздувая значение этого факта, турецкий переводчик уверял Вешнякова, что уцмий Ахмед-хан, Сурхай и Хасбулат решили обратиться сначала в Крым, но крымский хан Каплан-Гирей сам прислал письмо, предлагая объединиться с дагестанскими войсками и выступить против Надира. «Все сии письма дагистанския и ханския в совете читано, и в оном многое против и в пользу советовано и, наконец, положено, – сообщал Вешняков, – чтоб самого хана с семьдесят тысячами (конницы. – Авт.) послать»³.

Спустя неделю самому резиденту А.И. Неплюеву удалось достать копию этого письма, в котором говорилось, что «недели за две пред сим прислал к Порте крымский хан дагистанского муфтия Кур-

¹ АВПРИ. Ф.89. Оп. 89/1, 1735. Д.6. Л.104–105об.

² Там же. Ф.77. Оп. 77/1. 1735. Д.6. Л.345 об., 355; Ismail Hakki Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. Ankara, 1956. Cilt 4. S.229.

³ АВПРИ. Ф.89. Оп. 89/1. 1735. Д.6. Л.54 об.

бан Эфендия, который от Усмея хана, шамхала и всех дагистанских народов привез к салтану Магмуту челобитную следующего содержания... колми паче ныне вознамерився Россия отдать остальные завоеванные провинции ему Тахмасп Кулы хану и достаются вкупе со оными в наижесточайшее мучение и сами они дагистанские народы, того ради прилежно просят чтоб его салтанское величество по единоверию соизволил за них прислать к ним довольное число войск»¹.

Однако эти слухи оказались преувеличенными. Надежды турецких министров не сбылись. Шамхал Хасбулат не примкнул к турецко-крымской коалиции. Сурхай же не принял участия в переговорах с Портой, чем вызвал недовольство турецкого двора. Единственным сторонником протурецкой ориентации выступил уцмий Ахмедхан, на которого и решили опереться в Стамбуле и Бахчисарае.

Чтобы поставить Иран и Россию перед свершившимся фактом, в Стамбуле была развернута активная деятельность для реализации намеченного плана, в которой принял участие и английский посол Абраам Стеньян, уговаривая Вешнякова содействовать проходу крымских войск через Северный Кавказ. Убеждая Вешнякова согласиться с этим, он внушал ему, что «Россия могла бы пропустить татар, находясь в нейтралитете». Пораженный цинизмом английского посла, Вешняков не смог скрыть своих эмоций: «Не знаем уже, как с сим министром быть, ибо так явно и бесстыдно злодействует»².

Протурецкие действия Стеньяна активно поддерживались и корректировались из Лондона. Получив известия о поражениях турецких войск в Закавказье, английское правительство предписало своему послу в Петербурге Клаудио Рондо приложить все усилия, чтобы не допустить разрыва отношений между Россией и Турцией, дабы не поставить Порту под двойной удар. Выполняя это указание, в специальном письме к Стеньяну Рондо предупреждал: «Здесь министры (русские. – Авт.) ... обещают по возможности избежать разрыва, но, кажется, есть основания опасаться, что раз хан двинется, русские будут противодействовать ему всеми силами: они прямо заявляют, что не допустят ни поражения Тахмаса, ни тем более водворения на Каспийском море турок»³. Но в Стамбуле не посчитались с настроениями в Петербурге. 12 мая 1735 г. с султанским указом, крупной суммой денег и многочисленными подарками в Крым отпра-

¹ Там же. Л.104–105 об.

² Цит. по: Соловьев С.М. История России... Кн.10. Т.20. С.392.

³ Цит. по: Сб. РИО. СПб., 1891. Т.76. С.426–428.

вился Кади Халил-ага для вручения их хану «на раздачу его войску»¹. С тем же курьером уцмию Ахмед-хану были отправлены алмазная печать, множество собольих шуб, жалованные грамоты и другие подарки в надежде на подкуп дагестанских владетелей.

В султанском фирмане на имя крымского хана Каплан-Гирея указывалось:

1) «дабы он немедленно по получении онаго указу ехал в Персию с татарским войском с шестью десять тысячами;

2) егда приблизится к местам принадлежащим России следовать чрез оныя в Дагистанския народы к Усмею хану и протчим тамошним князьям...;

3) прибыв в Дагестан немедленно объявить Шемахинским ханом на место Сурхаева Усмея хана, который имеет быть и над протчими дагистанскими князьями, а Сурхая объявить за бездельника и преступника многих салтанских указов;

4) по раздаче салтанских подарков и грамот Усмею хану и протчим дагистанским князьям объявить им салтанским указом, чтоб собрали войска шездесят тысяч и совокупилися с ним, ханом крымским;

5) по учинении всей вышеписанной диспозиции послать ему, хану крымскому, от себя сераскеру Абдуллах паше, где он будет обретаться и условяся с ним итти против Тахмас Кулыхана, то есть сераскеру, с одной стороны, а ему, хану крымскому, с своим, Усмиевым и протчих тамошних князей войсками, которых будет сто двадцать тысяч, наступать на него ж, Тахмас Кулыхана, с другой стороны»².

В случае противодействия походу крымских войск через Дагестан со стороны российских частей хану предлагалось «поступать с ними как с неприятелями и стараться пройти насильно»³. Для поддержания сил крымского хана султан обещал пополнить его войска 20-тысячным корпусом.

С весны 1735 г. Дагестан занял исключительное место во внешнеполитических планах Османской империи, стремившейся перехватить инициативу у Ирана. Российский резидент в Стамбуле И.И.Неплюев прямо указывал, что Порта решила «дагестанов всех без изъятия в протекции своей объявить и туда хана крымского... со осьмьюдесять тысячами (войска. – Авт.) послать... понеже за дально-

¹ АВПРИ. Ф.89. Оп. 89/1. 1735. Д.6. Л.106.

² Там же. Ф. 103: Азиатские дела. Оп. 103, 1724–1735. Д.3. Л.9об.

³ Там же. Л.10.

стию всеми силами своими кроме дагестанского пути их покорить не могут»¹.

Известив об этом свое правительство, российские дипломаты предприняли активные шаги, чтобы сорвать агрессивные намерения Турции и Крыма против народов Северного Кавказа, особенно Дагестана. Добившись аудиенции у великого визиря Али-паши Хекимоглу, Неплюев заявил, «чтобы Порты на берега Каспийского моря не поставила ноги... двор его никогда татарам прохода чрез свои области не позволит, а меньше еще согласится на принятие Портою в подданство дагестанцев»². Но русский резидент не добился успеха, за что получил выговор от вице-канцлера А.И. Остермана

Упрекая Неплюева за то, что он письменно подтвердил содержание Гянджинского трактата, Остерман предлагал ему разъяснить турецким министрам, что Россия уступила Ирану не весь Дагестан, а ширванское побережье Каспия. «Но когда то учинено, – подчеркивал он далее, – то потребно ныне, чтоб вы сей артикул ясно толковали и Порте доказали, что сие уступление до одних городов (Баку и Дербент. – Авт.), а не до дагестанских народов касается»³.

Несмотря на повторные протесты российских дипломатов, Порты продолжала отстаивать свои притязания на Дагестан. Прикрывая агрессивные замыслы Турции в отношении Дагестана, великий визирь в письме к Остерману от 25 мая 1735 г. утверждал, что под угрозой иранского нашествия дагестанцы обратились за помощью к султану Махмуду, ввиду чего он решил направить на спасение единоверных мусульман крымского хана против персов, жаждущих захватить «турецкие владения дагестанские, Шемаху и Ширвань, губя и разоряя тамошних мусульман»⁴.

Однако туманные рассуждения великого визиря Али-паши Хекимаоглу не ввели в заблуждение российское правительство. Опровергая необоснованность турецких притязаний на Дагестан, Остерман аргументированно отвечал: «Не единоверие и происшедшие случаи, в давних временах и веках, но трактаты разделяют границы, а заключенный между Российской империею и Портою трактат (Константинопольский 1724 г. – Авт.) явственно доказывает, что гра-

¹ Там же. Ф.89. Оп.89/1. 1735. Д. 6. Л.3,10.

² Там же. Ф.103. Оп.103. 1724–1735. Д.3. Л. 7об.,8.

³ Там же. Ф.89. Оп.89/1. 1735. Д.6. Л.39.

⁴ Там же. Ф.103. Оп.103. 1724–1735. Д.3. Л.14об.

ницы Порты в Персии распространяются не далее Ширвана, и Порты вступаться в дагестанские народы ни малейшего права не имеет»¹.

Остерман также предупредил, что турецкие притязания на Дагестан будут отражены силой: Россия не отказалась от протекции над дагестанскими народами, а уступила Ирану лишь приморскую область и то с условием, чтобы «онные места и города никогда и в вечные времена ни в какие другие руки, кроме персидских, доставаться во владение не могли..., потому что безопасность и существенные интересы Российской империи не допускают отнюдь, чтобы на берегах Каспийского моря, могла б какая-нибудь другая держава, кроме персидской, утвердиться»².

Русское правительство стремилось предотвратить вторжение крымцев в Дагестан путем дипломатического нажима на Стамбул, сохраняя союзные отношения с Ираном. Касаясь позиции российских дипломатов в переговорах с Портой по этому вопросу, Клаудио Рондо доносил в Лондон: «Они прямо заявляют, что не потерпят ни поражения Тамаза (Надира. – Авт.), ни тем более водворения на Каспийском море турок, которые очевидно стремятся достигнуть этой цели путем подчинения дагестанских татар своему правительству»³.

Для достижения этой цели петербургский двор намеревался решить проблему более масштабно, путем сохранения российского влияния на Кавказе. Вернувшийся из Персии после подписания Гянджинского трактата барон П.П. Шафиров предлагал перехватить инициативу у Турции и Ирана и самим утвердиться в Дагестане путем опоры на местных владетелей. Он считал целесообразным сформировать войска из азербайджанцев и дагестанцев, назначив командирами муганского правителя Али-Кули-хана и кергерского наиба Зарталибека, наградив их жалованьем и чинами.

Особое внимание при этом он предлагал уделить дагестанским владетелям. «Також запотребно разсуждается, – подчеркивал Шафиров в докладной императрице, – да б и дагестанских князей Усмея и шамхальского большого сына и других владельцев удовольствовать и впредь милостивым награждением и да б в то же время туркам и в Грузии учинить диверсию»⁴.

Однако наиболее важным Шафиров считал привлечение на сторону России Хасбулата, ставшего по воле Надира шамхалом, наде-

¹ Там же. Л.13 об.–15.

² Там же. Л.16–18.

³ Цит. по: Сб. РИО. СПб., 1891. Т.76. С.426.

⁴ АВПРИ. Ф.77. Оп.77/1. 1735. Д.7. Л.9–9об.

ясь через него сохранить влияние Петербурга над Шемахой. «Надлежит новоиспеченного шафкала весьма к стороне В.И.В. склонить и обязать подшиться, – внушал он императрице, – ... понеже через него шафкала возможно и до явственного разрыву с турками миру и без неприятельского со стороны В.И.В. объявления изнеизвестно Шемаху взять, ибо как он, так и Усмей (о котором слышу, что он противной партии учинился) при моей бытности в Гиляни неоднократно просили от командующего генерала токмо позволения, дабы Шемаху взять»¹.

Однако эти запоздалые шаги не внесли существенного изменения в создавшуюся обстановку. Пользуясь нерешительностью русского двора и неизменной поддержкой Англии и Франции, в середине мая 1735 г. султан Махмуд принял решение направить 80-тысячную крымскую конницу под командованием хана Каплан-Гирея через Северный Кавказ (Кабарда, Чечня, Дагестан) в Закавказье на помощь турецким войскам, терпящим поражения от Надира. Это решение турецкого монарха было встречено по-разному в дипломатических кругах Европы. «И все здешние чужестранные министры кроме неприятеля французского и предателя английского посла, – доносил в Петербург 15 мая Неплюев, – настоящее турецкое послание нам и другим министрам торжественное объявление за манифест; а ханской действительной поход за разрыв мира почитают»². Оно резко обострило русско-турецкие отношения и привело к войне, продолжавшейся пять лет (1735–1739)³.

Поход хана Каплан-Гирея стал лишь поводом для начала войны, в то время как причины (кавказская проблема и черноморский вопрос) лежали гораздо глубже и назревали постепенно по мере столкновения стратегических интересов сторон в их восточной политике. Вместе с тем важной причиной этой войны стала и агрессивная политика Турции и Крыма, постепенно возбуждавшая реваншистские устремления османских и крымских феодалов. Об этом свидетельствуют оценки как отечественных, так и зарубежных исследователей, хотя отдельные турецкие историки склонны свалить вину за начало войны на крымскую сторону

«Знатокам истории известно, – пишет об этом известный турецкий историк XIX в. Ахмед Расим, – что татары именно и бывали

¹ Там же. Л.29 об.

² Там же. Ф. 89. Оп.89/1, 1735. Д.6. Л.11 об.

³ Михнева Р.А. Россия и Османская империя в середине XVIII в. (1739–1756). М., 1985. С.28; Шульман Е.Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. Т.3. С.25.

причиною разрыва нашего мира с Москвою и враждебных ее предприятий против Порты»¹. Несколько иначе этот вопрос с учетом объективной реальности трактует иранский историк XX в. Аббас Эқбаль. «Так как османцы начали наускивать крымского хана на Дагестан, – пишет автор, – а для этого надо было пройти через русские земли, – на этой почве началась война между русским и турками»².

Донесение Неплюева поступило в Петербург 15 июня и на следующий же день правительство приняло решение о вооруженном отражении осmano-крымской агрессии. Графу Б.-Х. Миниху, находившемуся в Польше с 80-тысячным корпусом, был направлен указ – начать движение в сторону Крыма, чтобы задержать поход крымского хана. Одновременно генералу В.Я. Левашову, находившемуся в Кизляре, было дано предписание преградить путь Каплан-Гирею на Кабарду и Дагестан. Однако эти указания из центра не были подкреплены должным образом и не дали положительных результатов. В конце июля 1735 г. Каплан-Гирей выступил в поход из-под Копыла, надеясь пробиться через Северный Кавказ на помощь турецким войскам в Закавказье.

Военные действия начали части крымской конницы, следуя султанскому указу «со всеми войсками въехав в Персию, поступать по военному обычаю, пленя людей, зажигая и пустоша и в разорение приводя все места, до которых дойти щастие послужит»³. Но татары не стали дожидаться пределов Персии, а поступили указанным образом, перебравшись через Кубань на черкесскую сторону.

Наступательные действия Турции и Крыма в сторону Кавказа вновь заинтересовали иностранных дипломатов. «Если движение русских войск не изменит его планов (крымского хана. – Авт.), – доносил 20 августа из Петербурга в Лондон Клаудио Рондо, – то намерен ... оттуда двинуться в Кабарду и далее, через Дагестан, в Персию»⁴. Предсказания Рондо вскоре подтвердились. Двигаясь в основном по этому маршруту, игнорируя предупреждения российской стороны, усмиряя непокорных жестокими мерами, к исходу августа Каплан-Гирей оккупировал всю Кабарду. Продвигаясь далее ускоренным маршем, к концу августа крымские войска подошли к границам Чеч-

¹ Записки Ресми Ахмеда Эфенди, турецкого министра иностранных дел. М., 1926. С. 241.

² Аббас Эқбаль. Тарих-е мофессол-е Иран аз эстила-йе могул та энгераз-е Каджари-йе. Техран, 1360/1941. С.312.

³ АВПРИ. Ф. 89. Оп.89/1. 1735. Д.3. Л.66 об.

⁴ Цит. по: Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 76. С. 431.

ни, откуда Каплан-Гирей обратился с воззваниями к чеченским мурзам и к «чеченскому народу», требуя перехода на сторону Крыма и беспрекословного признания своей власти. Особые надежды он возлагал на старшего чеченского князя Айдемира Бартыханова, оказавшего содействие Фетхи-Гирею в 1733 г.

Однако на этот раз османские и крымские политики и военачальники серьезно просчитались. Попытка Каплан-Гирея беспрепятственно пройти по ущелью, расположенному между аулами Алды и Чечен, полностью провалилась, сохранив для потомков примечательное название «Нап Вогаси» (ханская глотка. – Авт.), поглотившая, по некоторым данным, до 10000 крымцев¹. В память об этой победе чеченцы возвели в ущелье каменную башню «Хан Кале» (ханская крепость. – Авт.), от чего и само ущелье получило название «Ханкальское»².

Однако при поддержке эндиреевских владельцев Айдемира и Алиша Хамзиных и кайтагского уцмия Ахмед-хана двум корпусам крымского войска удалось обойти это ущелье и подойти к границам Дагестана, где обстановка благоприятствовала крымскому нашествию. Находившийся на Сулаке 27 августа И.Я. Лерх записал, что «отсюда мы торопились убираться, поскольку ежедневно получали известия, что крымский хан сам выступил в поход к нашим границам с 80000 крымских и кубанских татар»³.

Обстановка в Дагестане еще более осложнилась после того, как 13 сентября 1735 г. русские войска оставили Сулакскую линию и перешли на Терек, где была основана новая крепость Кизляр. 28 сентября в станицу Старогладковскую прибыл ханский курьер, который был принят генералом Левашовым. От имени Каплан-Гирея он потребовал свободного пропуска крымской конницы, предупредив, что в противном случае они пробьются силой. «Я при этом был и слышал от генерала ему в ответ сказанное, – пишет Лерх, – что он имеет повеление от двора, дабы хан через наши границы не пропускать, в противном же случае он должен ему сопротивляться»⁴.

Но Левашов не имел достаточных сил для сопротивления. Основная русская армия отправилась с Кавказа в Крым для войны против Турции. Под командой Левашова оставалось 8000 человек против

¹ Ismail Berkok. Tarihte Kafkasiya. Istanbul, 1958. S.356.

² Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 326.

³ Лерх. И.Я. Указ. соч. С.83.

⁴ Лерх. И.Я. Указ. соч. Ч. 45. С. 85.

80000 войска крымских татар. Поэтому он был вынужден пропустить крымцев без сопротивления, которые двинулись к Дербенту выше гребенских городков, Аксая и Эндирея.

13 октября 1735 г. Левашов отплыл в Астрахань, предписав своему преемнику на Кавказе полковнику И.М. Красногородцеву горских жителей «от всего охранять, а самому их ни в чем не отягачать, принимать и обходиться с ними ласково, но умеренно»¹. Кизлярские коменданты старались выполнить эти предписания, благодаря чему крепость становилась важной военно-политической опорой России на Кавказе, сохраняя приверженность местного населения. «Многие татарские князья, – отмечал Лерх, – особливо кабардинские, остались под российским покровительством»².

Однако продвижение татарского корпуса и угроза нашествия со стороны Надир-шаха обострили внутривосточную обстановку, вызывая различную внешнеполитическую ориентацию местных владетелей и старшин. Пользуясь этим, стараясь заручиться их поддержкой, Каплан-Гирей дважды обращался к ним с воззваниями, предлагая им стать под свое знамя. «По договору все дагестанские народы уступлены Порте от российского двора, – заверял он местное население, – а вместо оных... отданы России с турецкой стороны некоторые завоеванные турецкие земли»³. С особым усердием хан добивался привлечения на свою сторону известного духовного деятеля в Дагестане Ибрагима Урадинского⁴.

Однако эта попытка не увенчалась успехом. Хотя для встречи крымцев на Сулак прибыли сыновья Сурхая и уцмья Ахмед-хана, которым были присвоены пашинские чины и вручены ценные подарки, но местное население не оказало им той поддержки, на которую рассчитывали в Стамбуле и в Крыму. Ссылаясь на признания турецких министров, сменивший Неплюева на посту резидента А.А. Вешняков писал, что в Стамбуле «о хане крымском полагают, что он бездействует около Андреевской деревни, ведая, что дагестанцы к нему не пристали»⁵. На подступах к Дербенту произошло сражение крымского войска с Хасбулатом и Надиром, оставленным в 1734 г. для его поддержки иранскими частями, в котором Хасбулат был разбит и бе-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1540. Л. 166–167 об.; Бутков П.Г. Материалы... Ч.1. С. 162.

² Лерх. И.Я. Указ. соч. С. 88.

³ АВПРИ. Ф. 103. Оп. 103. 1724–1735. Д. 3. Л. 24.

⁴ Сами, Шакир, Субхи ве Иззи тарихи. Istanbul, 1198/ 1783. С. 76–78.

⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1725. Д. 3. Л. 21.

жал в горы, но хан вынужден был остановиться ввиду изменения соотношения сил между Россией, Турцией и Ираном¹.

В середине июля 1735 г. иранские войска разгромили турок под Карсом и Ереваном, заставили капитулировать их гарнизоны в Тбилиси, Ереване, Гяндже и Тебризе. В начале октября в Крым был направлен 40-тысячный корпус под командованием генерала А.И. Леонтьева. Осенью русские войска перешли крымские границы, разбили ногайцев и расположились в станицах запорожских казаков. Узнав об этих событиях, султан Махмуд направил указ Каплан-Гирею, «дабы он в Персию не ходил и от того походу удержался»².

Но прежде чем отступить из Дагестана, Каплан-Гирей предпринял спешные меры для сохранения в Дагестане влияния Турции и Крыма. Загнав в горы сторонника Ирана шамхала Хасбулата, он обласкал других дагестанских владетелей и старшин, продолжая карательные меры против тех, кто принял участие в сражении с крымцами. Обложив их тяжелыми поборами, хан чинил насилие над непокорными, многие из которых бежали в горы.

Выделив для подкупа зажиточной сельской верхушки 2500 туманов и множество подарков, он назначил шамхалом настроенного против Хасбулата Эльдара, Сурхая оставил правителем Ширвана, а уцмия Ахмед-хана назначил вали (губернатором) Дербента³.

Однако эти меры имели больше символическое, чем реальное значение. Попытки хана «расположиться в Кабарде» на обратном пути не увенчались успехом. Убедившись в решимости российского правительства продолжать войну до тех пор, пока не будут отозваны крымские войска с Кавказа, хан вынужден был поспешить, чтобы уйти «оттуда на Кубань»⁴.

Отступление крымских войск с Кавказа не принесло успокоения этому краю. Наоборот, вторжение крымцев в Кабарду, Чечню и Дагестан ускорило нашествие иранских завоевателей. Разгромив турок в Закавказье летом 1735 г., Надир снова двинул свои войска на Ширван и Дагестан. С этого началась вторая «Шемахинская» экспедиция Надира, направленная на ликвидацию последствий нашествия Каплан-Гирея на Дагестан и демонстрацию своей военной мощи России и Турции. Выступив из-под Гянджи 11 октября 1735 г., опусто-

¹ РГВИА. Ф.410: Материалы по истории народов СССР. Коллекции. Оп.1. Ед. хр. 7. Л.80.

² АВПРИ. Ф.89. Оп. 89/1. 1735. Д. 3. Л.66.

³ Laurence Lockhart. Nadir Shah. London, 1938. P. 98.

⁴ АВПРИ. Ф. 103. Оп. 103. 1724–1735. Д.3. Л. 26 об.

шив джарские джамааты, Шеки и Ширван, лезгинские и табасаранские магалы, понеся большие потери, 21 ноября иранские войска подошли к Дербенту. По определению академика Дорна, остатки крымских войск поспешно покинули Кавказ, «оставив после себя огонь возмущения»¹.

Появление полчищ Надира у Дербента вызвало переполох среди сторонников Турции и Крыма. Оправившись от неожиданности, утвержденный крымцами шамхал Эльдар и обласканные ими Сурхай и уцмий Ахмед-хан решили напасть на сторонника Ирана Хасбулата в Казанище. Не теряя времени даром, Надир двинулся на помощь Хасбулату, попутно захватил Маджалис, откуда сын уцмий Магомед-хан бежал к своему отцу в Кала-Корейш. Встреча Хасбулата с Надиром состоялась в Губдене с выражением верноподданнических чувств². Объединенные силы Надира и Хасбулата представляли грозную опасность, перед которой не смогли устоять Сурхай, Ахмед-хан и Эльдар. Создавшееся положение, как доносил в Лондон Клаудио Рондо, облегчило Надиру задачу «принудить всех князей дагестанских покориться ему»³.

Как и год назад, он решил расправиться сначала со своим главным противником и наиболее влиятельным правителем Дагестана Сурхай-ханом⁴. С этой целью 17 декабря 1735 г. иранские войска вместе с Хасбулатом развернули наступление на Казикумух, на третьи сутки взяли его, заставив Сурхая снова отступить в Аварию. Понеся значительные потери в боях с горцами⁵, дальше иранцы не пошли, решив вернуться обратно до наступления зимы. Стремясь укрепиться в Южном Дагестане, Надир подчинил себе часть лезгинских старшин, владельцев Табасарана, акушинского кадия Гаджи Аюба и уцмий Ахмед-хана. Временно покорив Кумух, Акушу, Губден и Башлы, оставив значительные силы в Дербенте, в марте 1736 г. он вернулся в Мугань, где был коронован шахом Ирана. Назначив своего брата Ибрагим-хана правителем Азербайджана и Дагестана, Надир направился в Мешхед, чтобы подготовиться к Индийскому походу.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что вторая «шемахинская экспедиция» Надира ускорила отступление Каплан-Гирея, покинувшего пределы Дагестана при приближении иранских

¹ Dorn W.A. Shirwan unter Lewde Herschwer und Khan. Spt, 1848. S.96.

² L. Lockhart. Nadir Shah. S. P.94.

³ Сб. РИО. СПб., 1891. Т.76. С.485.

⁴ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной»... Махачкала, 2000. С.120.

⁵ Мухаммад-Казим. Наме-йи Аламара-йи Надири. М., 1963. Т.2. С.283.

войск к Дербенту. Однако решающее влияние на это и дальнейшее поведение хана оказали подготовка и ход военных действий между Россией и Турцией, которые развернулись одновременно в Крыму, Приазовье и на Кубани.

Разумеется, что участие кабардинцев и других народов Северного Кавказа в этой войне на стороне России способствовали успеху русских войск. 20 (31) мая 1736 г. армия Б.-Х. Миниха овладела Перекопом в Крыму, а затем столицей Крымского ханства Бахчисараем, но не смогла ее удержать из-за начавшейся эпидемии, недостатка продовольствия и фуража и отошла на Украину. Армия Ласси 12 (30) июня заняла Азов, а 12 (23) июля его войска нанесли поражение новому крымскому хану Фетхи-Гирею в Салгирском сражении и обратили его в бегство.

17 (28) августа 1739 г. русские войска под командованием Миниха наголову разбили объединенные силы сераскера Вели-паши, крымского хана Ислам-Гирея, турецких генералов Калчак-паши и Генж Али-паши в крупном сражении у села Ставучаны. В результате этого разгрома 19 (30) августа русская армия взяла крепость Хотин, а затем большую часть Молдавии¹.

Порта фактически проиграла войну, но продолжала упорствовать, как отмечал Соловьев, надеясь на то, что «Франция, Англия, Голландия и Швеция, кто дипломатическим заступничеством, кто интригами и действительною помощью до окончательного разрушения Турцию не допустят, ибо интерес их требует не допускать Турцию до разрушения, а Россию до великих завоеваний»². Как остроумно заметил один из исследователей, упомянутые страны опасались «не столько падения этой (Османской. – Авт.) империи, сколько усиления тех, кто поделит ее обломки»³.

Действительно, события на фронтах русско-турецкой войны вызвали резонанс в европейских столицах, дипломатические представители которых внимательно следили за ходом военных действий. Французская дипломатия при этом, не скупясь на посулы, подстрекала Османскую империю и Швецию против России. Появились и явные симптомы турецко-шведского сближения.

¹ Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999. С.461,462.

² Соловьев С.М. История России...Кн. 10. Т. 20. С. 417.

³ Цит. по: Ульяницкий В.А. Белградский трактат 1739 г. // Сборник Московского архива Министерства иностранных дел (СМАМИД). М., 1881. Вып.2. С.38.

18 (29) сентября 1739 г. был подписан не принесший успехов российской стороне Белградский договор, ибо Россия не получила выхода в Черное море, оставшееся для нее закрытым. Более того, согласно этому договору, заметно ущемлялись ее интересы на Северном Кавказе: Кабарда, официально находившаяся издавна под ее покровительством и воевавшая три года на ее стороне, была отторгнута от нее по 6-му пункту этого договора. «О обеих Кабардах, – подчеркивается в этом пункте, – то есть Большой и Малой – и кабардинским народе с обеих сторон достигнута согласительность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под властью ни одного, ни другого империя, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют, и что и от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оныя не вступаться и оных не беспокоивать, также и от Всероссийской Империи оныя в покое оставлены будут. Но что, однако ж, по древнему обыкновению браны будут во Всероссийскую империю для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте также позволяется для такой же причины брать от них таких же аманатов. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, каждай по зову ее послать».

В оценке характера этого договора и его влияния на ситуацию в регионе среди отечественных исследователей имеются различные мнения, хотя большинство из них аргументированно отмечают его негативный характер в отношении интересов России на Северном Кавказе. Так, касаясь перспектив влияния этого договора на ситуацию в регионе, известный кавказовед Н.А. Смирнов пишет, что «ни Турция, ни крымский хан не намеревались оставить в покое Кабарду; они по-прежнему продолжали засылать своих агентов, стремясь привлечь кабардинцев на свою сторону. Россия не могла оставаться нейтральной и не оказывать Кабарде дружеской помощи»².

С отрицательной оценкой этого договора согласны и другие авторы. Например, по аргументированному мнению Т.Х. Кумыкова, «объявленная этим договором самостоятельность Кабарды являлась фикцией»³. Аналогичным образом оценивают этот договор Е.И. Дружинина и О.П. Маркова. «Белградский договор, – отмечает Дружинина, – не разрешил черноморской проблемы», хотя обладани-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) с 1647 года. СПб., 1830. Т.10. С. 900–901.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе... С.78.

³ Кумыков Т.Х. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С.37.

ем Россией кабардинскими землями до его подписания «затруднялась деятельность турецкой агентуры на Северном Кавказе, что способствовало упрочению южно-русских границ»¹. Вполне соглашаясь с этим мнением, О.П. Маркова акцентирует внимание на том, что в «кавказской политике России этот договор сыграл определенную отрицательную роль, не сгладил, а лишь обострил русско-турецкие отношения по крымским и кабардинским делам»².

Пожалуй, самую резкую, но верную оценку этому договору дал известный дореволюционный русский историк В.О. Ключевский. «Россия не раз заключала тяжелые мирные договоры, – подчеркивает этот автор, – но такого постыдного договора как Белградский 1739 года, ей заключать не доводилось и авось не доведется»³. Своеобразная оценка этого договора дается и в зарубежной историографии. Так, американский историк Колас, акцентируя внимание на деятельности французского посла Луи де Вильнева и принявшего ислам под именем Ахмед-паши профранцузского ренегата Бонваля, пишет: «Несколько месяцев спустя этот дипломат (Луи де Вильнев. – Авт.) добился от Порты уступок, крайне выгодных для французской торговли. Прежние капитуляции были возобновлены, распространены, но уже не в форме милостей, дарованных с высоты оттоманского трона, а в форме настоящего торгового договора... 5-процентная пошлина, платимая товарами, идущими из Франции, или предназначенными во Францию, понижена до 3 процентов, если только товары не предназначаются к вывозу в Россию, или в другие государства... Никогда Франция не достигала подобного влияния в Константинополе, и все это благодаря Бонневалю»⁴.

Но в отечественной историографии имеют место и другие видения этой проблемы с попыткой смягчить отрицательную сущность Белградского договора. Так, И.И. Якубова, ссылаясь на вышеназванных авторов, в частности на оценки Смирнова и Марковой, пишет: «На наш взгляд, это не совсем точная оценка Белградского договора и его места в «в кавказской проблеме». Действительно, и после 1739 года политическая обстановка в регионе продолжала оставаться достаточно сложной, но заключением этого договора Россия впервые

¹ Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский договор (его подготовка и заключение). М., 1955. С.31, 286.

² Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIIIв. М., 1966. С. 50.

³ Ключевский О.В. Курс русской истории. М., 1989. Ч.4. С.277.

⁴ Колас. История Турции. Киев- Москва, 2003. С.39–40.

получила право отклонять претензии Крыма к Кабарде, тогда как по Прутскому договору 1711 года Турцией запрещалось России считать кабардинцев своими подданными и, соответственно, вмешиваться во взаимоотношения Кабарды и Крыма. Можно сказать, что Белградский мир, по которому Россия и Турция объявлялись гарантами независимости Кабарды (а это впервые давало международное право голоса в кавказских делах), представляет собой определенный шаг вперед по сравнению с Прутским договором»¹.

Однако, как, кстати, заметил Н.А. Сотавов, «такое утверждение вряд ли можно принять, поскольку право голоса в кавказских делах царское правительство получило не в 1739 году, а почти на 200 лет раньше (в 1557 г.) – со времени перехода в российское подданство Кабарды, закрепленное браком царя Ивана Грозного с дочерью старшего кабардинского князя Темрюка Идаривича-Куденей. Прутский договор касался не столько Кабарды, сколько Азова, передача которого султанской Турции действительно ухудшила внешнеполитическое положение Кабарды»².

Но Россия не всегда считалась с запретными статьями Прутского договора, о чем свидетельствует Сулакское соглашение Петра I от 23 сентября 1721 г. с Арслан-беком Кайтукиным об оказании военной помощи кабардинцам в случае угрозы со стороны Крыма. К тому же 6-м пунктом Белградского трактата договаривающиеся стороны сохранили за собою «право» вмешиваться в кабардинские дела. Время показало, что наиболее активно такой возможностью пользовалась османо-крымская сторона. Таким образом, Белградский трактат 1739 г. не только не укрепил позиции Петербурга в Кабарде, но и стал препятствием на пути к расширению его влияния на Северном Кавказе.

Остается добавить, что Белградский договор, узаконив принцип «нейтрализации» Кабарды, давно вынашиваемый Османской империей, заметно ослабил позиции России в этой части Кавказа, что не могло не сказаться и на положении в Дагестане. Кроме того, как указывают авторы совместного труда, «Белградский трактат 1739 года был опасен для Петербурга и тем, что осложнял наладившиеся экономические и политические связи с Северным Кавказом и Закавказь-

¹ Якубова И.И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-е–70-е гг. XVIII в. Нальчик, 1993. С.11.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991. С.19.

ем»¹, усложнил ситуацию в регионе накануне новых нашествий Надир-шаха.

3.2 Завоевательная политика Надир-шаха на Северо-восточном Кавказе. Поддержка европейскими державами Надир-шаха

Во второй половине 30-х годов XVIII в. в Дагестане и Закавказье происходили важные события, которые более конкретно освещают ситуацию в регионе, дают возможность понять взаимосвязь событий в покоряемых Надир-шахом странах Востока с местными и выявить причины ускоренного начала Дагестанской кампании.

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. совпала по времени с подготовкой и осуществлением похода Надир-шаха в Индию, Афганистан и Среднюю Азию. Трудности, испытываемые Османской империей, обостренные длительными войнами, были использованы европейскими державами, чтобы добиться ее сближения с Ираном. Несмотря на противодействие российских дипломатов в Стамбуле, в сентябре 1736 г. между Ираном и Турцией был заключен Эрзерумский мирный договор 1736 г., который, по верному определению Клаудио Рондо, не мог не быть «крайне неприятным русскому двору»². Как аргументированно отметил и академик Бутков, этот договор «Надира с Портою», подписанный вопреки Гянджинскому трактату с Россией, «обманул ожидания»³ Петербурга. Действительно, возвращая шаху по Эрзерумскому договору прежние иранские владения в Грузии, Армении и Азербайджане, Порта добивалась нейтрализации условий Гянджинского трактата 1735 г., предусматривающего ирано-русское взаимодействие в борьбе против османской экспансии на Кавказе.

По замыслам Надира, Эрзерумский мир 1736 г. должен был помочь не только стабилизации положения в самом Иране, но и укрепить его позиции на Кавказе. Но этого не случилось: как только основные силы иранцев в 1736 г. отошли за Аракс, в Дагестане и Азербайджане начались массовые антииранские восстания. Осенью 1736 г. анцухский старшина Галега вместе с джарцами выбил иранский гарнизон из Шильды и добился подписания почетного мира с братом

¹ Документальная история образования многонационального государства Российской империи. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998. С. 36.

² Сб. РИО. СПб., 1892. Т.80. С. 80.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. С.135.

Надира Ибрагим-ханом. В следующем году горцы, возглавляемые сыном Сурхая Муртузали, заняли Арешскую крепость, осадили Нуху и держали в блокаде иранские гарнизоны, «начиная от Тифлиса до Карабаха и кончая Шеки и Ширваном»¹.

Крупное восстание произошло в Дербенте, правитель которого Мехди-Кули-хан был убит, а его преемник Мурад-Али-Устаджлу, не сумевший подавить это восстание, вызван в Исфахан и казнен². В связи с этим в шахском указе на имя уцмья Ахмед-хана от 24 мая 1736г. подчеркивалось, что Мехди-хан и жители Дербента привели в «нервозность» Надира, в связи с чем ему следовало «наказать это племя». В фирмане от 14 сентября ему опять предписывалось вместе с вновь назначенным дербентским ханом Мухамед-Мурадом обеспечить в тех краях «мир и спокойствие». В других указах, изданных осенью того же года, уцмию, как «хранителю печати» Дагестана, вменялось в обязанность выделить охрану для сопровождения русских послов в Иран, принять меры против «внутренних раздоров», проявлять больше «исполнительности и рвения»³.

Обезопасив накануне Индийского похода свои западные границы, шах пытался этими мерами оставить в тылу усмиренный Кавказ. Задача покорения Кавказа была возложена на его брата Ибрагим-хана и кахетинского царя Теймураза, которому он вернул трон накануне похода, чтобы они «вместе ходили для наказания чарцов (джарцев. – Авт.) и дагестанцев»⁴. Ценой больших потерь к концу 1737 г. Ибрагим-хан вытеснил «лезгин» из Кахетии, но главной цели не добился. Весной следующего года восстали шесть джаро-белоканских «вольных» обществ под руководством старшин Ибрагима Адалава и Талануса Халила. К восставшим присоединились сын Сурхая Муртузали и сын цахурского владетеля Мухаммед-бек. К ним же на помощь дагестанцы прислали 20-тысячное войско. Попытка Ибрагим-хана расколоть восставших подкупом их предводителей не имела успеха⁵.

¹ Хроника войн Джара в XVIII столетии / Пер. А. Жузе. Предисл. Хулуфу. Баку, 1931. С.28.

² Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-хан-Шура, 1906. С. 90.

³ Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1974. Вып. 4. Док.5. С. 17–18. Док. 21. С.23.

⁴ Институт рукописных документов (ИРД) АН Груз. ССР. Ros. 181: Жизнь царя Ираклия или политическое состояние Грузии в XVIII столетии, вкратце очерпнутое из персидских, турецких и грузинских источников. Д. 5. Л.5; См. также: Сотавов Н.А. Северный Кавказ... С. 97, 194.

⁵ Сотавов Н.А. Северный Кавказ... С.97.

По-видимому, получив об этом сведения в августе 1738 г., шах послал грозное послание уцмию. В нем подчеркивалось, что народы Дагестана, обязанные повиноваться ему по Гянджинскому трактату 1735г., стали отходить от него и попали под влияние Сурхая, за что достойны сурового наказания. С возвращением в Дагестан, предупреждал шах уцмию, он будет их преследовать «до пределов аваров и черкесов, чтобы об этом сохранить память до конца света в горах Эльбруса». В двух других посланиях – от 14 сентября и 28 ноября 1738 г., отправленных во время штурма Герата и Кандагара, он повелевал уцмию вместе с Хасбулатом наказать Сурхая, арестовать его сына Муртузали и направить в Исфахан, а потом «подготовиться и подумать о наказании казикумухцев»¹. Чтобы сломить волю горцев к сопротивлению, их запугивали слухами о том, что «шах пойдет к туркам близ кумык и остановится в Кабарде и будет... с турками договору иметь, чтоб ему, шаху, идти к Астрахани, а когда де Астрахань возьмет, то и далее в Россию пойдет».

Между тем Ибрагим-хан, убедившись в готовности горцев сражаться до конца, решил силой покорить джарцев и их дагестанских союзников. С этой целью в 1738 г. во главе 32-тысячного войска он вступил на территории Джары и Галы, где в решающих сражениях с джарцами и пришедшими к ним на помощь дагестанцами отборные иранские войска были разгромлены, их остатки пустились в паническое бегство, пали на поле боя сам Ибрагим-хан, а также виднейшие иранские военачальники – Угурлу-хан, Беркусай-хан³ и другие. По свидетельству очевидца, кроме нескольких тысяч рядовых воинов, погибло «множество ханов и султанов»⁴.

В боях с противником отличились многие джарцы, особенно их предводители – Ибрагим Диване и Магомед Халил. После тяжелых потерь бежали в панике коменданты Каха, Шеки и Ширвана. За склонность к сговору с завоевателями горцы изгнали Али-Султана из Цахура, а его сына Магомед-бека, как последовательного борца против иранского владычества, признали правителем Шеки и Кахской области.

¹ Персидские исторические документы... Док.6. С.29–30; Док.7. С. 32–33.

² ЦГАРД. Ф. 379. Оп.1. Д.17. Л.120 об., 129 об.

³ История Дагестана. М., 1967. Т.1. С.362; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. С.134,135.

⁴ Хроника войн Джара... С.29.

После этих побед борьба против иранского владычества охватила многие районы Дагестана, Азербайджана и Грузии. Особенно упорно она была в районах Дербента, Табасарана и Кубы.

Зимой 1738 г. сын Сурхая Муртузали захватил Кубу, где утвердился дядя Сурхая Карат-бек. По-видимому, получив об этом известие, осаждавший Газни Надир-шах в начале марта 1739 г. направил повторные указы шамхалу Хасбулату и уцмию Ахмет-хану с требованием арестовать и направить к нему Сурхая и его сына Муртузали¹.

В плане выполнения этой задачи иранские войска под командованием тифлисского сардара Сефи-хана направились на захват Кубинской провинции, но шамхал и уцмий не выступили в их поддержку. При приближении завоевателей Карат-бек отступил в Дагестан и обратился за помощью к джарцам и грузинам. Отзываясь на этот призыв, объединенные силы джарцев, дагестанцев и грузин под командованием грузинского эристави Шенша и унцукульского старшины Малачи нанесли поражение иранцам, вынудили их отступить с большими потерями².

В то время как народы Кавказа громили завоевателей, Надир-шах одерживал блистательные победы на Востоке. Покорив Афганистан, Индию и Среднюю Азию в течение 1737–1739 гг., он награбил колоссальные богатства, набрал крупные контингенты войск для новых завоеваний. Узнав о гибели брата Ибрагим-хана и поражении в Джаро-Белоканах, он ускорил обратный поход в Иран, решив жестокими мерами усмирить народы Кавказа, особенно непокорный Дагестан.

Весть о разгроме иранских полчищ и гибели Ибрагим-хана застала Надира в Пешеваре, где он завершал «успешную завоевательную кампанию в Индии»³. Надир-шах сознавал, что такие поражения, вызывающие усиление освободительной борьбы угнетенных народов и активизацию кавказской политики России и Турции, чреватые не только крушением его мечтаний о мировом господстве, но и сохранением своей власти в самом Иране. Видимо, поэтому по мере завоева-

¹ Персидские исторические документы... Док. 8. С.48–49; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Ед.хр.17. Л.142.

² Хроника войн Джара... С.31; ЦГА РД. Ф. 379. Оп.1. Ед. хр. 17. Л.37 об., 145 об. 146.

³ Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1968. С.72.

ния Индии и других стран Востока планы Надира обретали новые черты. Все большее место в стратегических замыслах шаха к исходу Индийского похода стал занимать дагестанский вопрос. Не случайно на приеме высшей военно-феодалной знати, посвященной итогам Индийского похода, он заявил: «Я взял под свою власть Хиндустан, земли Турана и Ирана, а сейчас я так пожелал: с огромным бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо на этой стране. От такого клейма огонь пойдет по всему миру»¹. По словам Мухаммада-Казима, после этой встречи «войско пришло в движение и, делая переход за переходом, двинулось в сторону Дагестана»².

«Сказанное относится к июлю-августу 1739 года, – уточняет Н.А.Сотавов, – когда следовавший в свите шаха на обратном пути из Индии, Афганистана и Средней Азии И.И. Калушкин составил о нем ряд ярких характеристик. Это было время блистательных побед на Востоке, когда Надир-шах находился в зените своей славы. По внушению придворных льстецов его стали называть «непобедимым полководцем», «Грозой Вселенной», а сам он возомнил себя властелином мира, став высокомерным, грубым, жестоким и недоступным»³. Для подтверждения сказанного из многочисленных примеров представляет интерес такой эпизод, приводимый С.М. Соловьевым: «Шах, – писал резидент, – одержим постоянно неутолимым гневом, едва не каждый день казнит и ослепляет по нескольку знатных управителей»⁴. Затем, сделав примечательный вывод, что «он обезумел от своих успехов», Соловьев словами Калушкина передает следующую тираду шаха: «Стоило мне лягнуть одною ногою, и вся Индия рушилась с престолом Великого Могола, следовательно, если обеими ногами лягну, то весь свет в пепел обращу»⁵.

На решение шаха ускорить обратный поход в Иран повлияли не только блистательные победы на Востоке, но и тревожные известия, продолжавшие поступать из Дагестана и Азербайджана, где в конце 30-х – начале 40-х гг. поднялась новая волна народных возмущений. Как доносил из Решта 20 апреля 1739 г. консул С. Аврамов,

¹ Мухаммад-Казим. Поход Надир-шаха в Индию. (Извлечение из «Тарих-и Аламара-йи Надири») / Пер., предисл. и примеч. Петрова П.И.). М., 1961. С.29 об.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С.128.

³ Там же.

⁴ Соловьев С.М. История России... Кн.11. Т.21. С.87.

⁵ Там же. С.87.

«...горский владелец Сурхай и другие многочисленными силами людей согласясь поднялись на Персию и вышли из-под гор и находятся около Шемахи, Мускура, Шабрана и Баки с которыми имевшие под державою Шахова величества куринцы, куралинцы, отложась, согласились же и несколько шемахинской провинции деревень взяли»¹. Опасаясь нападения повстанцев на Баку, Шемаху, Шабран и Дербент, что вызвало бы новую эскалацию иранских нашествий, Аврамов предлагал принять меры для защиты своих границ на Сулаке и укрепления Кизляра.

Однако сбить волну антииранских восстаний не удалось. В конце 1739 – начале 1740 г. сын Сурхая Муртузали и кубинский правитель Гусейн Али-хан нападали на Низабанд, Шабран и Мюшкюр, грабили местных жителей, после чего кубинский хан удалился в Дербент, опасаясь гнева Надир-шаха. Оставшись один во главе повстанцев, Муртузали продолжал действовать между Низабандом и Дербентом, доходя до окрестностей крепости. Отряды Муртузали осаждали Новую Шемаху – Аксу, доходили до Куры, но под давлением регулярных иранских войск отступили в горы.

Хотя Надир-шах находился в то время далеко от Кавказа, но, узнав о новых антииранских восстаниях, распорядился немедленно отправить карательные отряды для их подавления. Узнав об этом, джарцы и талийцы объединились вокруг главы Джаро-Талийского союза Ходжи-аги Муртуза эфенди, который мобилизовал своих соплеменников для отпора ожидавшейся карательной экспедиции.

Однако Надир-шах, препятствуя объединению антииранских сил, отправил из военного лагеря под Кандагаром Надирабада срочное письмо Ходже-аге Муртузу эфенди с требованием усмирить население, обещая пощаду и богатое вознаграждение. Не получив ответа, разгневанный шах снарядил специальный отряд для защиты Ширвана и наказания джарцев зимой, когда горные дороги делаются непроходимыми и затрудняются оборонительные действия защитников.

Для выполнения этой задачи в мае 1740 г. он отправил из Хивы своих командующих Мухаммеда Фетх Али-хана и Абдали Гани-хана с приказом «ехать в Ширван, где вместе с армиями командующих в Грузии и Азербайджане уничтожить лезгин (собираетелное наименование всех дагестанцев. – Авт.) Джары и Талы в течение осени и зи-

¹ Цит. по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной»... С. 129.

мы»¹. В грамоте шаха армянскому католикосу уточнялось, что они направлены в Дагестан «для наказания джарцев и талийцев»².

Разумеется, эти действия шаха подталкивались тем, что правящая османская верхушка пыталась воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы привлечь на свою сторону кавказских владетелей путем подкупа, лести и иными средствами. Об этом свидетельствует письмо великого визиря Али-паши Хекима оглы главе Джаро-Талийского общества Ходже-аге Муртузу эфенди, в котором говорилось, что «мы извещены о вражде и борьбе, которые существуют между вами и Надир-шахом..., проявленная вами храбрость и неустрашимость, стойкость и крепость сердца ... вашего стали нам известны... Ваши славные поступки и предприимчивость послужили причиной возрастания нашей бесконечной к вам любви... Поэтому при удобном случае о ваших славных поступках и неослабных стараниях сообщим тому, кто распоряжается нашей судьбой, т.е. властелину земли, владыке морей, предводителю мусульман, божьей тени на земле его величеству султану»³. Внушая адресату, чтобы «вы вместе с выражением вашей цели прислали документы о вашей верности данным словам и договорам о вашей стойкости», великий визирь призывал: «Немедля пришлите письмо об общем настроении и мнении, пришлите ко мне с упомянутым посланием также представителей племен и рядовых аксакалов»⁴.

Обращение Порты к главе джарских джамаатов не осталось тайной для Надир-шаха и ускорило реализацию его планов в отношении Кавказа. Сознавая, что без покорения Дагестана невозможно добиться этой цели, он продолжал наращивать военный потенциал, предназначенный для завоевания этого края. Не случайно Надир-шах, находясь на пути из Средней Азии в Иран, ставил в известность своего посла в Петербурге Мухаммед Хусейн-хана, что 20 ноября 1740 г. иранская армия выступила из Хивы, а «по прибытии в Хорасан в Дагистан идти имеем, и когда ваше высокостепенство из России отправиться имеешь, ехать к дагистанским границам и там с нами видиться и також о русских поведениях обстоятельно доносить»⁵.

¹ Lockhart. L. Nadir Shah... P.201.

² ИРД АН Груз. ССР. Ros. 136. Грамоты персидских шахов к католикосам и царям грузинским. Д. 531. Л. 5, 9.

³ Алиев Ф.М. Антииранские выступления... С.147.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. Д. 4. Л. 65 об.

Приведенный документ свидетельствует, что шаха особенно интересовала возможная реакция на его действия со стороны России. Сказанное подтверждается и тем, что спустя месяц шах прислал указы своему сыну Реза Кули-Мирзе, а также командующим в Закавказье собрать войска из Тебриза, Гянджи, Тифлиса, «со всей адырбажанской стороны», заготовить провиант и выступить на Куру, куда он был намерен прибыть весной следующего года. Для поддержки иранцев шамхалу Хасбулату предлагалось следить за действиями российских властей, получить из шемахинской казны 15000 рублей, укомплектовать 10-тысячный отряд, с которым также следовать на Куру¹.

Таким образом, с осени 1740 г. Дагестан снова оказался в центре кавказской политики Ирана, хотя началом осуществления Дагестанской кампании можно считать концентрацию сил для штурма и уничтожения джарских джамаатов, о чем свидетельствуют донесения Калушкина. Так, в одном из них от 7 февраля 1741 г. Калушкин сообщает, что шах «ныне ни о чем ином, как единственно о войне против лесгинцов отзывается..., из всех его приготовлений не вижу, чтоб иное предприятие к какому с стороны шаховой явного с турками разрыву клонилось, но больше ко усмирению лесгинцов учреждение есть: понеже немалое число из завоеванного народа и из природных персиян под различными командами в Дагестан отправлено... турки на разрыв с Персиею тишины не податно поступают; яко же и шах по причине употребляемых своих против лесгинцов настоящих мер видится от того удаляется»²

Спустя две недели отборные иранские войска были оттянуты на берег Алазани. Стараясь изолировать жителей джаро-белоканских джамаатов от Дагестана, куда они не раз обращались за помощью, шах потребовал от уцмия Ахмет-хана «преследовать их и уничтожать... Никакой пощады им не давать»³. По-видимому, для нейтрализации вмешательства Порты в дела Кавказа в Стамбул направился иранский посол для извещения султана Махмуда о блистательных победах Надир-шаха в Индии⁴.

Однако ни многократное численное и военное превосходство, ни угрозы Надир-шаха не сломили волю к сопротивлению джарцев и пришедших к ним на помощь дагестанцев. После падения двух

¹ Там же. Л. 2,3,10,21–22 об., 24 об.–25.

² Там же. Ф. 89. Оп.89/1. 1741. Д. 10. Л. 202–203 об.

³ Персидские исторические документы. Док. 9. С. 54–55.

⁴ Mohammad Ali Hekmat. Essaj sur l'Histoire des relations politique irano-ottomanes de 1722 a 1747. Paris, 1937. P.258.

укреплений в конце февраля 1741 г. защитники перешли в третье – Азыгбир, где продолжали сражаться с поразительным упорством. «От самого утра до позднего вечера, – писал Бакиханов, – продолжалась упорная битва. Обе стороны понесли одинаковую потерю. Наконец, в полночь, ... адалинцы... овладели укреплением. Лезгины, отрезанные с северной стороны и, не видя возможности спастись, бросались со скал в пропасть. Те же, которые не имели такой решимости, погибли под кинжалами победителей»¹.

Не менее высокую оценку героизма горцев мы находим и у других авторов. Так, современный военный иранский историк Сардадвар, уточняя, что штурмующими командовал племянник Надиршаха Абдали-Гани-хан, подчеркивает «что предводительствуемые им иранцы двинулись с четырех сторон, неся большие потери. Защитники бросались в бой с вершин деревьев, с высоких скал, применяли взрывчатку, кинжалы и камни. Абдалинцы с удивлением наблюдали, как старики и раненые, не желая сдаваться в плен, бросались с вершин гор в пропасть. Весь Азыгбир был покрыт трупами, снег окрашен кровью. Это была самая удивительная, самая героическая и самая кровавая битва, – заключает автор, – в которой джарцы дрались до последнего вздоха, не желая попасть в плен к победителям»².

Как свидетельствуют многочисленные источники, расправа над оставшимися в живых была беспощадной. Исследования местных кавказских историков – наглядное тому подтверждение. В карательных акциях особенно отличились отряды Абдали Гани-хана, о чем Алкадари удрученно сообщал: «Они разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен всех бежавших по ним. В общем, они не оставили там следов оседлости и разрушили все селения»³.

Но сатрапы шаха не ограничились уничтожением джарских джамаатов: они опустошили Шекинскую область и часть Ширвана. Беспощадный террор завоевателей был вызван тем, что «эти области, будучи смежными с Дагестаном, имели многочисленные и разнообразные связи с населением гор. Опустошая Шеки и Ширван, воена-

¹ Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам... С. 148.

² Абу Тораб Сардадвар. Тарих-е незами ва сийаси-йе дован-е Надершах-е Афшар. Техран, 1395/1975. С.722.

³ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1994: С.70; См. также: Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам. С. 146.

чальники Надир-шаха преследовали политическую цель: заморить голодом население непокорного Дагестана»¹.

Разгром и поражение джарских джамаатов составили важное звено в подготовке Дагестанской кампании Надир-шаха. Рассматривая территории Джары и Талы как стратегический плацдарм для наступления на Дагестан, он организовал уничтожение тех джарцев, которые укрылись высоко в горах или отступили в Аварию и Лакию. Командующему этими операциями Фатали-хану предписывалось, «не дожидаясь прибытия к дагестанским горам» самого шаха, идти «на Сурхаевы и Усмеевы жилища и всех бы горских людей рубил наповал»².

Но выполнить эту задачу Фатали-хан не смог: в одном из горных ущелий его отряд попал под перекрестный огонь, понес большие потери и обратился в бегство. Не смог набрать наемные войска и шамхал Хасбулат, так как высланные им для этой цели деньги были отвергнуты почти всеми кумыкскими владельцами и всеми горскими старшинами, заявившими, что не будут участвовать в этой позорной сделке, «хотя и неволею будем взяты».³ Отказались от участия в измене народу и восемь влиятельных узденей Хасбулата.

Таким образом, попытка шаха подкупить дагестанских владельцев и старшин не имела успеха. Наоборот, нашествия иранских полчищ сплачивали дружественные народы Дагестана и Закавказья. Прибывший 20 февраля 1741 г. от грузинского эристави Шеньши в Кизляр курьер Шион Токунов сообщил, что у эристави «в собрании имеетца одних грузинцов десять тысяч, а тавлинцев (дагестанцев. – Авт.) конных и пехоты имеетца множество, со всех деревень и владений тавлинцы идут к нему на помощь и с оными персиянами князь Шенша битца»⁴. Интересно отметить, что уже месяц спустя комендант Тбилиси Сердер-хан докладывал шаху, что «ныне де собираютца на нас аварлинцы, тавлинцы и Сурхай с войском, а нас де против них весьма малоллюдно, и из оногo войска многие персияне бегут с голоду в Шемаху и к Сурхаю, и шемахинский командир чинит им за это кару».⁵

¹ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 109.

² Цит. по: Алиев Ф.М. Антииранские выступления... С. 154.

³ АВПРИ.Ф. 77. Оп.77/1, 1741. Д. 4. Л. 94, 97 об.

⁴ Там же. Л. 95.

⁵ Там же. Л.115.

Как свидетельствуют источники, Сурхай предпринимал срочные оборонительные меры для защиты своих границ. Он велел быть наготове всем своим подданным, предупредив их о том, что если иранцы победят джарцев и их дагестанских и закавказских союзников, то потом будут наступать на нас. «Сурхай из детьми своими ныне при домах своих в Казикумыках собирает войско тавлинцов лезгинцов, – доносил в марте 1741 года кизлярский лазутчик Алисолтан, – и намерен идти в Персию против персиян войною и объявил, что ныне де мы хотя и в покое живем, а чтоб с персиянами не дратца, не миновать»¹.

Создавшееся положение вновь обеспокоило иранские власти, выражавшие недовольство безрезультатными действиями Хасбулата. В конце марта в Тарки поступил новый приказ шаха, чтобы «он шемхал с тысячью человек прибыл в апреле в Шемаху, а ежели де со оными людьми в Шемаху не будешь то де на меня не пеняй»². Стараясь удержать шамхала от этой поездки, горские старшины обратились к нему с угрозой не только его самого убить, но и деревни его разорить. «И он, шемхал, под неволею ехать намерен, – доносил в Кизляр лазутчик Чубар Абакаров, – подданные его уздени в деревни Казанищах всех лошадей своих тайно в горы продают, чтобы им в Персию не ехать, шамхал Хасбулат послал жалованья к тавлинским старшинам унцукульским и цудакаринцам и оные старшины жалованья не приняли и присланных з жалованьем прогнали»³.

В создавшейся ситуации Сурхай искал союзников среди дагестанцев, джарцев и грузин, прощупывая одновременно настроения османской правящей верхушки. С этой целью в конце марта 1741 г. он связался с джарцами и грузинами, после чего было решено отправить курьеров в лагерь турецких войск, расположенный на берегу реки Арпа-чай. Но отправленные к османам эристави Шенше и старшина Маллачи вернулись с ответом, что они обещают выступить против иранцев после жатвы хлебов, но фактически занимают нейтральную позицию. На уклончивое поведение турок повлияло, видимо, и то, что Надир-шах активно добивался сохранения мира с Портой, встречая взаимопонимание с ее стороны. Не случайно наблюдавший за поведением придворных кругов Стамбула и Исфахана резидент Калушкин сообщал, что «из поступков сих двух магометанских дворов осмот-

¹ Там же. Л. 96–97 об.

² Там же. Л. 114.

³ Там же. Л. 114 об.

реть можно, что оныя на разрыв мира между собою горячего хотения не оказывают»¹.

На самом деле турецкое правительство вело двойную игру, подстрекая дагестанцев против Ирана, обнадеживая помощью, но, ограничиваясь на деле символической поддержкой. 31 марта 1741 г. Калушкин вновь доносил, что «турки лесгинцов против шаха поощряют, и для побуждения оных к Сурхаю послано от Порты «500» мешков всякой по «500» рублей: итого учинит «350» тысяч рублей, чтоб они не ослабевая содержали на те деньги войска, что и впредь от Порты вспоможение деньгами чинено будет»². Однако это «вспоможение» не имело реального значения. Народы Дагестана оказались без поддержки извне перед лицом грозных завоевателей. Воспользовавшись этим, Надир-шах продолжал наращивать военно-дипломатические усилия в плане подготовки Дагестанской кампании. Об этом свидетельствует приказ Надир-шаха от 19 марта 1741 г. из Тебриза, адресованный иранским войскам, сосредоточенных на подступах к Дагестану: вновь позорить джарские джамааты и усмирить непокорных дагестанцев³.

Выполняя этот приказ, в апреле 1741 г. 16-тысячное иранское войско под командованием Абдали Ганихана напало на джарские джамааты. Но к джарцам на помощь, как доносил астраханский губернатор С.В. Голицын, решили «идти горский владелец Сурхай и его сын Муртузали»⁴. По-видимому, эта помощь подоспела вовремя и сыграла свою роль в победе над противником. В трех кровопролитных сражениях иранцы были разгромлены. Наместник шаха в Дербенте Наджаф Султан получил приказ идти с войсками на соединение с Хасбулатом «и как оное войско в Тарки прибудет, то сколько шемхал сможет собрать свои войска и с оным персическим войском итти на Сурхая и на тавлинцев»⁵.

Опасаясь крепнущих связей Дагестана с Россией и Закавказьем, шах старался блокировать Дагестан, соорудить на его территории ряд укреплений, отрезать горцев от его соседей. Авангардным иранским частям, прибывшим в Куру, заранее дан был приказ уничтожать «лезгин» (дагестанцев. – Авт.), идти на Дербент, чтобы «крепость де-

¹ Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. Д. 10. Л. 203.

² Там же. Л. 203 об.

³ Сардавар Абу Тораб. Тарих-е незами ва сийаси-йе дован-е Надершах-е Афшар... С.728.

⁴ АВПРИ. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741. Д.4. Л. 112 об.

⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 89/1. 1741. Д.10. Л. 141 об.

лать – первую против Усмеева владения возле моря на реке Бугаме, она же и Усмейка, другую крепость против Буйнака, на реке Манас, третью крепость – на реке Сулак, где бывала прежде сего крепость Святого Креста... десять тысяч человек послать и поставить на вершине реки Терка для непропуску горских в Россию»¹.

В то же время Надир-шах, стараясь внести разлад между дагестанскими народами и ослабить их силы накануне своего наступления, активно добивался подданства наиболее влиятельных дагестанских владетелей. Как сообщал в донесении от 16 апреля 1741 г. консул С. Аврамов из Решта, шахский посланник Али Кули-хан прибыл «к горским владельцам: Усмее, Сурхай и Шемхалу (Хасбулату. – Авт.)... с тем объявлением, дабы они без всякого страха и боязни в подданство ево пришли»². Посланый из Астрахани в Решт «для разведования о шахе персическом» Якуб Токмаев уточнил, что Али-Кули-хан прибыл от шаха с таким повелением, чтоб «они все горские владельцы объявили, кто желает быть в подданстве у шаха персического, то те б были в команде у шемхала и в том бы подписались и войско дали б, а буде которые объявят они шаху служить не хотят, то б оному шамхалу с прочими желающими у шаха в службе быть, собрав войска, тек поблизньх владельцев в ех истребить»³.

Выполняя этот приказ, прибывший в Тарки Наджаб султан потребовал от уцмий для своего войска «на пищу муки и ячменя 2500 тагаров (12500 мешков. – Авт.) да с трех дворов по одному барану, також несколько скотины»⁴. Но уцмий не выполнил этот приказ, за что его подданные подверглись грабежам и насилиям. Узнав о притеснении уцмий Ахмед-хана, Сурхай отправил к нему нарочного, «чтоб он персиянам не вскорости отдавался»⁵. Сам же Сурхай отослал обратно шахского посланника Хасан-бека с ответом: «Я де к шаху персическому не буду, а буду до времени здесь, а когда де здесь жить места не будет, то пойду к туркам»⁶.

Таким образом, несмотря на неоднократные обращения и угрозы Надир-шаха, дагестанские владетели не изъявили готовности выступить на его стороне. Как сообщили прибывшие из Тарки в Кизляр, кабардинские уздени, «там слышно было, что Сурхай, Усмей и тав-

¹ Там же. Ф.77. Оп.77/1. 1741. Д. 4. Л.147, 153.

² Там же. Л. 146 об.

³ Там же. Л. 162 об.

⁴ Там же. Л. 163.

⁵ Там же. Л. 163 об.

⁶ Там же. Л. 189.

линцы к нему Али-Гули-хану в Тарки не поедут, а шамхал Казбулат к шаху ехать был намерен, а ныне объявил, ежели оные владельцы и тавлинцы не поедут, то и мне ехать не для чего»¹. Стало ясно, что шахская политика подкупа и угроз, шантажа и «ласкания» в отношении народов Дагестана потерпела провал.

В ходе успешного завоевания Индии и других стран Востока планы Надир-шаха обретали новые черты. Все большее место в стратегических замыслах персидского правителя к исходу Индийского похода стал занимать дагестанский вопрос. Не случайно на приеме высшей военно-феодальной знати в августе 1739 г., посвященной итогам Индийского похода, он заявил: «Я взял под свою власть Хиндустан, земли Турана (Центральной Азии. – Авт.) и Ирана, а сейчас я так пожелал: с огромным бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (даг) на этой стране. От такого клейма огонь пойдет по всему миру»².

Этот третий по счету поход, получивший название Дагестанского, готовился заранее на обратном пути из Индии, сочетая тщательно продуманные военные, дипломатические и иные меры. После проведения соответствующей подготовки, в марте 1741 г., шахские войска под командованием опытных военачальников начали наступление на джарцев, которые оказали им упорное сопротивление. Джарцы сражались, не сдаваясь в плен, погибая в неравном бою, поражая врага своим героизмом. Разгромив джарцев, военачальники Надир-шаха опустошили Шекинскую область и часть Ширвана, решив «голодом заморить население непокорного Дагестана». В карательных акциях против джарцев особенно отличились отряды племянника Надир-шаха Абдали Гани-хана, которые не оставили в доступных им местах «следов оседлости и разрушили все селения»³.

Предпринятые после погрома джарцев попытки шахских командующих склонить на свою сторону путем подкупа и угроз владельцев Дагестана и старшин, не принесли успеха. Однако положение осложнялось тем, что создавшейся ситуацией пыталась воспользоваться Порта, тайно поощряя горцев на борьбу и обнадеживая их своей помощью, но, оставаясь в стороне, когда наступал решающий час.

¹ Там же. Л. 186 об.

² Козлова А.Н. «Наме-йи Аламара-йи Надири» Мухаммад Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху Средневековья. Махачкала, 1976. С. 72–73.

³ Алкадари Г.-Э. Указ. соч. С. 70; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 145.

Наблюдавший за взаимоотношениями шахского Ирана и Османской империи, находившийся в свите шаха резидент И.П. Калушкин доносил в Петербург в конце марта, что «из поступков из сих двух магометанских дворов смотреть можно – оныя на разрыв мира между собой горячего хотения не оказывают»¹.

В качестве ближайшей цели ставилась задача отрезать Дагестан от России и Южного Кавказа, соорудить крепости на берегах Бугама, Манаса и Сулака, выставить 10-тыс. заслон на Тереке для предотвращения попыток горцев общаться с Россией. Над Дагестаном нависла тяжелая угроза. Через Барду, Кабалу и Шагдаг, беспощадно истребляя жителей встречных населенных пунктов, авангардные персидские части к исходу мая подошли к Дербенту². Но зверства завоевателей не сломили воли горцев – они привели к обратным результатам. Перед угрозой физического уничтожения народы Дагестана проявили беспримерный героизм, небывалое единство и твердость духа. В связи с приближением шахских войск к Дербенту Сурхай-хан Казикумухский и кайтагский уцмий Ахмед-хан обязались взаимной клятвой сражаться с врагом до конца, «к шаху не ехать, быть заедино»³.

Опасаясь этого единства и готовности к отпору, персидские военачальники начали отдельные операции из-под Дербента. В начале июня 10-тыс. корпус Наджаф Султана выступил против горцев, чтобы пресечь усиливающиеся контакты между Сурхай-ханом Казикумухским и уцмием Ахмед-ханом⁴.

Выполняя этот замысел в ходе ожесточенных кровопролитных боев, в конце июля – в течение августа 1741 г. персидские войска вытеснили из Дженгутая Ахмед-хана Мехтулинского, захватили Акушу и Казикумух, осадили Кубачи, вынудив к временной покорности Сурхай-хана, акушинского кадия Гаджи-Дауда и кайтагского уцмия Ахмед-хана⁵. Возомнив себя повелителем Дагестана, Наджаф Султан после этих побед потребовал в течение 10 дней доставить в его лагерь на службу по 1 тыс. полностью экипированных всадников, по 1 тыс. быков и по 3 тыс. баранов на кормление его войска, и по 1 тыс. дво-

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1741 г. Д. 10. Л. 203 об.

² Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 140.

³ ЦГА РД. Ф. 379. Оп. I. 1741 г. Д. 65. Л. 10–11.

⁴ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских ... С. 101.

⁵ История Дагестана. М., 2004. Т.1. С. 443; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 132.

ров для переселения в Персию «на вечное житье»¹. На подданных кайтагского уцмия была наложена подать «на 125 мешков, а на подданных шамхала по 1 чувалу пшеницы, по 3 барана, по 8 фунтов масла, по 5 фунтов железа с каждого двора да 1 быку с 5 дворов»².

Подобными же рекрутскими, натуральными и сверх того денежными поборами облагалось население Южного Дагестана.

Но неповиновение персидским властям принимало массовый характер и грозило перерасти в открытое восстание³.

Шла усиленная подготовка к решительной борьбе с захватчиками всех народов Дагестана, которые посылали свои отряды на помощь горцам в Андалал. Стекавшиеся со всех концов Дагестана добровольцы объединялись вокруг своих предводителей – сына Сурхая Муртузали, мехтулинского владетеля Ахмед-хана, андалалского кадия Пир-Магомеда и др.

Местом главного сражения с врагом, отвечающим стратегическим замыслам дагестанцев лишить персидского шаха возможности маневрировать крупными силами, была определена плоскость «Хициб», представляющая террасу, отделенную от Согратля рекой и крупными склонами горного хребта⁴.

Решающее сражение на территории Андалала продолжалось 5 дней. Особое значение для победы над врагом имели сражения у сел Чох и Согратль, где противник потерпел тяжелое поражение⁵.

Исход этих сражений фактически означал провал Дагестанской кампании персидского шаха Надира. По мнению И.П. Калушкина, шах осознал эту истину после поражения недалеко от Согратля на плоскости «Хициб», где он потерял значительную часть своей «непобедимой» армии. По его же словам, поражение под Чохом вынудило иранского шаха к скорейшему отступлению во избежание полной катастрофы⁶.

Спасая оставшиеся войска от полного уничтожения, 28 сентября 1741г. Надир-шах начал отступление из Аварии, похожее больше

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 4. Л. 308 с об., 314.

² Там же. Л. 163, 257.

³ История Дагестана. М. 2004. Т.1. С. 444; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 132.

⁴ Абакаров М. Легендарная битва // Советский Дагестан. Махачкала, 1991. № 2. С. 29–33.

⁵ История Дагестана. М., 2004. Т.1. С. 444.

⁶ АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1741. Д.7. Л. 390–393.

на бегство, чем на организованный отход. Дагестанцы преследовали врагов по пятам, продолжая их истреблять. В начале октября с оставшимися силами персидский шах вернулся в Дербент, где были подведены итоги неудачного похода в Аварию. По свидетельству российского резидента в Иране И.П.Калушкина, даже по пониженным подсчетам, потери шаха доходили до 40 тыс. человек¹.

Торжество объединенных сил народов Дагестана над численно превосходящими войсками персов имело не только местное, но и международное значение. Исследователи различных стран и направлений рассматривали это событие как переломное в ходе освободительной борьбы дагестанских народов, подорвавшее военно-политическую мощь Персии².

Не случайно весть о поражении Надир-шаха в Дагестане отозвалась эхом в России и Порте, заинтересованно следившими за ходом событий, надеясь использовать их результаты в собственных интересах. По словам французского посла в Петербурге де ля Шетарди, весть о поражении Надир-шаха в Аварии настолько воздействовала на российских министров, что «даже политические соображения не в состоянии были заставить удержаться от радости, выразившейся здесь»³. По признанию турецких историков Шерефеддина Эрела и Джемала Гекдже, поражение Надир-шаха в Андалале встретили в Стамбуле «с огромной радостью», «с восторгом» как важный фактор, отодвинувший угрозу нападения шахского Ирана на Османскую империю⁴.

Не оставались в стороне от этих событий Англия и Франция, придававшие важное значение Прикаспийско-Кавказскому региону в своей восточной политике. Свидетельством тому – поощрение Лондоном и Парижем Надир-шаха на продолжение войны в Дагестане и захват российских земель до Астрахани. Ему была оказана активная военно-политическая поддержка через агента английской Ост-Индской кампании капитана Джона Эльтона, принятого персидским шахом на службу в звании адмирала иранского флота с годовым со-

¹ АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1741. Д. 4. Л. 314.

² Тамай А.И. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741–1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5. С.131.

³ Цит. по: Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 579.

⁴ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 163–164.

держанием в 6 тыс. рублей с гарантией построить шаху 30 военных кораблей.¹

Тяжелые потери, понесенные сефевидскими войсками в летне-осенний период, 1741 г., убедили Надир-шаха в том, что повторение попыток захвата Дагестана фронтальным наступлением в ходе одной операции чревато новой катастрофой. Осознание этого факта вынудило персидского шаха внести изменения в кавказскую политику. Суть их свелась к сочетанию прежних методов угроз, шантажа и отторжения местного населения от России с новой тактикой, направленной на порабощение дагестанских народов путем измора, ведения затяжной войны, усиленного «ласкания» местной элиты, создания достаточно оснащенной войсками и провиантом мощной центральной опорной базы для наступления в наиболее выгодных направлениях.²

Но и Петербург активизировал кавказскую политику, подкрепляя ее конкретными мерами с конца марта 1742 г. Так, командующий Царицынской линией ген.-м. А.И. Тараканов ставил в известность кизлярского коменданта о том, что к нему отправляются 2 тыс. донских казаков под видом ремонта крепости, а фактически для предотвращения внезапного нападения кизяев на Засулакскую область. «А шаховым неприятелем яко то лезгинцам и прочим только в самом секрете (дабы до шаха не дошло), – предупреждал Тараканов, – объявить, что оное войско прибыло для того (их защиты. – Авт.) ... дабы через то ... против шаха в лутчее одобрение оные притти могли»³.

Составленный в том же духе относительно засулакских кумыков специальный указ императрицы Елизаветы Петровны от 20 апреля 1742 г. также предлагал: в пограничных спорах с шахом о них не упоминать, «однакож тех деревень жителям о том отнюдь не сказывать, а держать сие в высшем секрете, но при всяких случаях пристойным образом по-прежнему ласкать и от протекции Ея Императорского Величества не отлучать, но под оной искусным образом стараться содержать»⁴.

Продуманная корректировка кавказской политики России с учетом новых обстоятельств стала давать ощутимые результаты. Даже верный шахский вассал шамхал Хасбулат, тайно извещая владете-

¹ Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 365–366; Юнусова Л.И. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30–40-х гг. XVIII века в английской историографии // Историография Ирана нового и новейшего времени. М., 1989. С. 254–255.

² Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 134.

³ Там же. Д. 10. Л. 20.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 71 с об.

лей Засулакской Кумыкии о нависшей над ними опасности, начал отходить от иранского шаха. В донесении И.П. Калушкина в январе 1742 г. отмечалось, что «шах на шамхала в искренности ево к персиянам весьма противное мнение возымел», а его личный секретарь Мирза Мехти-хан отзывался о шамхале Хасбулате «с вящим уничтожением»¹.

Учитывая быстро меняющуюся ситуацию, наряду с дипломатическими мерами российское правительство предпринимало и конкретные действия, направленные на укрепление своих южных границ и наращивание своего влияния в приграничных областях Кавказа. В Астрахани развернулось строительство флота, в Кизляр отправлялись новые войска, расширялись торговые связи с местными народами. Весной 1742 г. в Кизляр с 3-тыс. войском вступил сам ген.-м. А.И. Тараканов. Для выдачи жалованья местным владельцам, придерживавшимся российской ориентации, было выделено 10 тыс. руб.² Благодаря этим мерам нашествие персидских войск на Засулакскую Кумыкию было предотвращено, а влияние России среди местного населения заметно возросло.

В июне того же 1742 г. шамхал Хасбулат тайно обратился в Кизляр с просьбой принять его в российское подданство³. С аналогичными просьбами в Кизляр, спустя месяц, обратились кайтагский уцмий Ахмед-хан, аварский нуцал Магомед, а также десятки горских старшин и предводителей союзов сельских общин⁴.

Таким образом, во внешнеполитической ориентации политической элиты Дагестана наметился существенный перелом в сторону ориентации на Россию. Стараясь не допустить дальнейшего развития этого процесса, западноевропейские державы – Англия и Франция – вынашивали планы совместного выступления шахского Ирана и Османской империи против России, поощряя реваншистские устремления правящих кругов этих стран на захват российских земель от Кизляра до Астрахани и Среднего Поволжья. Особое рвение в составлении этих планов проявил французский резидент в Петербурге де ля Шетарди, предлагавший своим западным коллегам «унизить Россию

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 4. Л. 61 об.–62.

² Бутков П.Г. Материалы ... Ч. I. С. 223; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 424.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана ... С. 325.

⁴ Бутков В.Г. Материалы ... Ч. I. С. 223; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 424.

до того, что она надолго будет усмирена». Для достижения этой цели он предлагал использовать «магометанский» фактор, наивно полагая, что «общие религиозные интересы могли бы соединить турок и персов»¹. Он также внушал шахскому послу в России, что в поражении Надир-шаха в Дагестане решающую роль сыграло «участие, принимаемое здешним двором»².

3.3 Провал «кавказской» кампании Надир-шаха

В конце 40-х гг. XVIII в. расширяется число районов Северного Кавказа, участвующих в политических и торговых соглашениях с соседними державами. С 1745 г. началась пропаганда христианства в Центральном Кавказе, а в 1747 г. пограничные власти на Тереке получили распоряжение о приеме ингушей и осетин в русское «подданство». Политическое положение предгорных и равнинных ингушских аулов предполагало сближение с Россией.

Наряду с усилением политических связей выросли и торгово-экономические отношения. Большую роль в этом сыграло основание Кизляра на Тереке, лежавшего на пересечении торговых путей, связывавших Восток и Прикаспий с Юго-Восточной Европой и Россией. Через него товары из России шли к северокавказским народам, в Закавказье, Персию, Афганистан и через Каспийское море в Среднюю Азию.

В русской крепости появились десятки лавок, рынки, гостиные дома – русский, армянский, татарский. Кстати, под последним, по мнению Н.П.Гриценко, «нужно понимать купеческую корпорацию, состоящую из представителей горских народов»³.

В Кизляре проживали выходцы из Закавказья, Персии, Индии, представители горских народов, в том числе чеченцы, окочане, которые вошли даже в состав Терского Кизлярского войска, созданного в 1735 г. «для всяких посылок по делам военным и дипломатическим в разные места, к горским владельцам: в Тарку, Крым, на Кубань и к калмыцким владельцам».

¹ Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 365.

² Там же. С. 579.

³ См.: Раввинский. Хозяйственное описание Кавказской и Астраханской губерний. СПб., 1809. С.440; Гриценко Н. П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный. 1965. С.22.

Российская администрация на Тереке согласилась с этим предложением с условием неперемного переселения «чебутлинцев» с гор в низовья Сунжи. Полное согласие с условием царских чинов выразил аул Шали и вошел «в зависимость... Девлет-Гирея». В том же 1748 г. Черкасскому удалось склонить в «подданство» России «алдинский народ» (чеченское общество, располагавшееся в районе одного из притоков Сунжи). Кизлярский комендант откликнулся на это событие следующим письмом: «Из присланных от Вас писем усмотрено, что алдинский народ по склонному Вашему призыванию в подданство Ея (И.В.) быть желает, что оное Вами учинено весьма изрядно, за что Вам с моей стороны всякое благодеяние чинить долженствую. И впредь таковые к подданству Ея (И.В.) приходить будут, оным не только взывать, но всячески их приласкивать»¹.

В 1747–1748 гг. на основании решения Коллегии иностранных дел России получили годовые жалования четверо чеченских князей. Сыну Айдемира – Расланбеку Айдемирову было назначено 150 рублей, Алибек и Алисултан Казбулатовы получили по 25 рублей на каждого и 100 рублей на 20 узденей. Турлову выплачивалось 50 рублей на себя и 50 рублей на 10 узденей². Подобное распределение отвечало реальной значимости этих князей в общественно-политической жизни Чечни и размерам их владений.

Коллегия иностранных дел России особо подчеркивала необходимость наделения жалованьем чеченских узденей, составлявших «владельческую» силу князей, и оговаривала это в своих указах³. Тем самым расширялся круг представителей господствующего сословия, связанных с Россией не только политическими, но и материальными интересами.

Связи чеченских феодалов с царскими пограничными властями были широкими и разнообразными. Между ними велись регулярная переписка, взаимный обмен сведениями политического характера, постоянно курсировали служащие терского кизлярского войска.

Различные попытки западноевропейских держав оказать поддержку Надир-шаху не усилили его позиции в Дагестане. Напротив, персидские войска подверглись нарастающим ударам освободительной борьбы народов Дагестана, все более активно поощряемых Россией ввиду объективного совпадения взаимных интересов по проти-

¹ См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д.3772. Л. 1,2 об.; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л.230–230 об.; Бутков П.Г. Материалы ... Ч.1. С.258.

² РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л.74; Бутков П.Г. Материалы ... Ч.1. С.258.

³ РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л.74.

водействию персидского владычества на Кавказе. Свидетельство тому – вынужденное прекращение продвижения шахских войск в августе 1742 г. через Сулак в сторону Чечни в результате быстрого демарша ген.-м. А.И. Тараканова навстречу персидским войскам с предупреждением, что он имеет указ из Петербурга, дать «персиянам отпор»¹. Сама же императрица Елизавета Петровна, не удовлетворившись этой акцией, лично обратилась в адрес персидского правителя с резким запросом: «с каким он намерением не могши учинить ни малейшего зла лезгинцам (дагестанцам. – Авт.), внезапно вступил в Ея владения»². Деморализованные шахские войска вынуждены были поспешно отойти в «Иран-Хараб»³.

Вслед за этим были предприняты конкретные меры для отражения возможной шахской агрессии. По предписанию из центра гребенские казаки поголовно встали на защиту Терской линии. По р. Сулак учредили форпосты, в Эндирее и Костеке выставили воинские части из 2 тыс. драгун, подчиненных кизлярскому коменданту В.Е. Оболенскому. В Кизлярских степях расположили конницу калмыцкого правителя Убаши. К кабардинским, чеченским и кумыкским владельцам отправился полковник Кнутов, чтобы «всемерно стараться удержать от пересылок с шахом»⁴. Сам иранский шах через резидента Братищева официально был предупрежден, чтобы не переходил р. Сулак, ибо границы его владений на севере по Гянжинскому трактату 1735 г. установлены по этой реке.

Принятые российским правительством меры оказали отрезвляющее воздействие на персидских завоевателей. Убедившись в том, что продолжение войны с народами Дагестана не принесет ничего, кроме новых поражений, в феврале 1743 г. Надир-шах отступил из Дагестана под предлогом продолжения войны с Османской империей⁵.

С отступлением персов из Дагестана ситуация в регионе заметно изменилась. Согласно источникам, в марте 1743 г. «владельцы Кайтага, Аварии, Дженгутая и горские старшины решили стать веч-

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1742 г. Д. 4. Ч. I. Л. 162 об.

² Там же. Л. 163.

³ История народов Северного Кавказ с древнейших времен до конца XVIII в. С. 424.

⁴ Потто В.А. Два века терского казачества. Ч. 2. С. 57–58.

⁵ История Дагестана. М., 2004. Т.1. С. 446.

ными и верными подданными России»¹. В августе того же года кайтагский уцмий Ахмед-хан, а также владельцы и старшины Нагорного Дагестана повторно заявили, что «желают и просят российской протекции»². В течение 1743-1744 гг. из Дагестана в Петербург было отправлено несколько посольств с просьбой принять под покровительство России³.

instituteofhistory.ru

Таким образом, содержащийся в приведенных и других источниках материал позволяет утверждать, что заметный сдвиг во внешнеполитической ориентации народов Дагестана в сторону России стал состоявшимся фактом. Разгром персидских войск в Дагестане и их отступление изменили соотношение сил на Востоке в пользу Порты. Используя благоприятный момент, она вновь попыталась овладеть Кавказом, также внося определенные коррективы в свою политику в регионе с учетом сложившейся там ситуации.

Как только персидские войска оставили пределы Дагестана, турецкий султан Махмуд стал настраивать дагестанских владельцев и старшин против России. Как признает османский придворный историк Ахмед Джевдет-паша, «в царствование султана Махмуда I (1730–1754) задумано было даже овладеть Дагестаном ... чтобы привлечь на свою сторону племена кавказские и приготовить из этого элемента силу против русских»⁴.

instituteofhistory.ru

Обстановка в Дагестане и Азербайджане, антишахские восстания, охватившие Кубу, Шеки, Ширван и Дербент благоприятствовали выполнению замыслов султанских политиков. Преследуя свои политические цели, к восставшим присоединился и сын Сурхай-хана Магомед-хан. В сентябре 1743 г. они захватили Шабран, а затем столицу Ширвана Ак-Су⁵.

Вдохновленный этими успехами, султан Махмуд решил добиться своих намерений, опираясь на влиятельных дагестанских владельцев и старшин. Подготовив для вторжения в Южный Кавказ 50-тыс. войско в помощь своему агенту, султан обратился с письмами к

instituteofhistory.ru

¹ История Дагестана. М., 2004. Т.1. С. 448; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 190.

² АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1743 г. Д. 4. Л. 348; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 147.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 435.

⁴ Джевдет-паша. Указ. соч. С. 372.

⁵ Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в первой пол. XVIII в. С. 166.

джарцам, кайтагскому уцмию Ахмед-хану, аварскому нуцалу Магомеду, Сурхай-хану Казикумухскому и его сыну Магомед-хану, призывая перейти их на свою сторону, убеждая в том, что он выступает в защиту прав законного наследника Сефевидской династии¹.

В том же послании султан Махмуд специально обращался к сыну Сурхай-хана Казикумухского Магомед-хану, предлагая поддержать «принца» Сефи-Мирзу, действуя «вместе как отец с сыном»².

Однако помощь османов Дагестану не вышла за рамки словесных деклараций. Воспользовавшись начавшимися среди повстанцев разногласиями, в декабре 1743 г. персидские войска нанесли им поражение. Сын Сурхай-хана Казикумухского Магомед-хан ушел в Казикумух, а самозванец Сам-Мирза-I бежал в Грузию³.

Неудача первой попытки османов добиться реализации своей кавказской политики путем опоры на Сам-Мирзу-I, не обескуражила правящую султанскую верхушку. Военно-политическая обстановка на Кавказе продолжала складываться в пользу Порты, так как в самой Персии и за ее пределами продолжались выступления народных масс. Разгром персидской армии в Дагестане и внутренние неурядицы сужали социальную базу военно-политической власти Надир-шаха. Все эти факторы Османская империя учитывала в своей гегемонистской политике в регионе. Порта понимала, что власть Надир-шаха стала уже ненавистной народу, и, что весьма возможно, любой претендент, выставлены ими по признаку шахского происхождения из семьи Сефи, мог бы создать благоприятное для османов положение⁴.

Как и следовало ожидать, летом 1744 г. султанская Турция попыталась овладеть Кавказом, выдвинув на сцену самозванца Сам-Мирза II. На этот раз для оказания поддержки новому претенденту на персидский престол султан обратился к мехтулинскому владельцу Ахмед-хану, сыгравшему активную роль в разгроме Надир-шаха в Аварии, пожаловав ему, по словам Н.И.Березина, «титул шамхала»⁵. Однако происки османов и на сей раз не увенчались успехом. Министры султана признались А.А. Вешнякову, что «оныя Порте добра не

¹ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. С. 168.

² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских ... С. 111.

³ История Дагестана. М., 2004. Т.1. С. 448.

⁴ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. С. 120; Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи феодальных владений Дагестана ... С. 152–153.

⁵ Березин Н.И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. I. С.82.

желают и только деньги и подарки, безумно им представляемые, выманивают, а после ей же насмеваются»¹.

Все это означало, что планы Османской империи в отношении Дагестана становились эфемерными. Касаясь прогрессирующей эволюции политических настроений различных слоев населения Дагестана и других областей Кавказа, Р. Братищев отмечал, что они ожидают «пришествия российских сил ... в уповании якоб тем способом от тирановых надировых рук избавиться»².

Персидский правитель, обеспечив безопасность своих границ со стороны Порты, в декабре 1744 г. стремительным маршем привел к Дербенту 30-тыс. войско. Эта поспешность иранского шаха преследовала определенную цель – помешать России оказать покровительство народам Кавказа, многие из которых продолжали обращаться к ней за подданством.

Это был последний (четвертый) поход персидского правителя Надир-шаха, угрожавший и южным границам России. Предупреждая об этом еще до вторжения персидских войск, резидент в Иране Б. Братищев предлагал «принять при Кизляре крепчайшие осторожные меры и содержать эндиреевских и аксаевских владельцев в порядочном состоянии»³. Однако неоднократные обращения кизлярского коменданта В.Е. Оболенского к астраханскому губернатору В.Н. Татищеву о присылке войск остались без последствий⁴.

Пользуясь этим, персидский правитель Надир-шах предпринял ряд дипломатических и военных действий, стараясь отвлечь местных владетелей и старшин от союза с Россией и подчинить их себе. Но попытка повторить карательную операцию в горы, предпринятая в обстановке подъема национально-освободительной борьбы и активного сближения Дагестана с Россией, потерпела провал⁵.

Убедившись в том, что открытая война с народами Дагестана может привести к необратимым катастрофическим последствиям, Надир-шах пытался добиться своих целей путем подкупа местных владетелей и старшин, отправив к ним из Дербента специальные воз-

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1744 г. Д. 8. Л. 271–272.

² Цит. по: Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 24.

³ РГВИА. Ф. 20. Воинская экспедиция военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 242. Л. 13 об.

⁴ Сотапов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. С. 171.

⁵ Там же. С. 171–172.

звания, провоцировавшие их против России, но никто из них, даже прежний сторонник персидского правителя шамхал Хасбулат, не отозвался на этот призыв¹.

Таким образом, несмотря на все старания, Надир-шаху и на сей раз не удалось ни покорить народы Дагестана, ни восстановить их против России. Наоборот, стараясь избавиться от персидского гнета, они охотно переходили в российское подданство. Пограничные российские власти, видя все это, не раз доносили, что «усиление русских войск в Кизляре даст возможность склонить горские народы к России»².

Учитывая стратегическое значение Северо-восточного Кавказа в своей кавказской политике и стремление его народов избавиться от гнета персов, с начала 1745 г. российское правительство провело ряд дополнительных мер для сохранения здесь своего влияния. На место безынициативного астраханского губернатора В.Н. Татищева был направлен бывший главнокомандующий на Кавказе князь В.В. Долгорукий с устным предписанием приводить местные народы в подданство России. Для дипломатического воздействия на шаха в Дербент отправили искусного дипломата кн. М.М. Голицына, знавшего характер и повадки Надир-шаха по прежним переговорам и подписанным договорам³. Для усиления кизлярского гарнизона в качестве коменданта крепости с 7 драгунскими полками в город вступил опытный в обращении с дагестанскими жителями сподвижник Петра I ген.-л. Д.Ф. Еропкин. С той же целью из Астрахани в Кизляр перевели 6 драгунских полков, 2 пехотных полка, 1 драгунскую роту. Часть российских войск, находившихся в Кизляре, расквартировали по р. Сулак для наблюдения за передвижением персидской армии⁴.

Эти меры стабилизировали положение и внесли существенные коррективы в кавказскую политику России, так как были направлены на укрепление ее позиций и подрыв влияния Сефевидов на Кавказе в целом. Героическая борьба народов Северо-восточного Кавказа при-

¹ Сотавов И.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 193.

² РГВИА. Ф. 20. Военная экспедиция военной коллегии. Оп. 1/47. Ед. хр. 242. Л. 12; Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 194.

³ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. С. 172–173.

⁴ Бутков П.Г. Материалы ... Ч. I. С. 232.

вела к отступлению Надир-шаха в феврале 1745 г. в глубь Персии, где он стал готовить силы для реванша в новой войне с Портой¹.

Эта война между шахским Ираном и Османской империей продолжалась с весны 1745 г. до осени следующего года, но не принесла успеха ни одной из сторон. Мирный договор от 4 сентября 1746 г. возвратил их к границам Касре-Ширинского договора 1639 г., но относительно Дагестана в 4-м пункте трактата специально оговаривалось, что «народ лезгинской и другия, находящиеся в тех краях вольными, имеют остаться ... в их правление дела не вступаться, а буде Блистательной Порты или против персидского государства какое их неприятельское намерение откроется, то по отношению обеих сторон вольно по вине их наказать»².

Следовательно, персидско-османский договор 1746 г., признавая формально независимость Дагестана, на деле означал сговор этих держав для подавления освободительной борьбы народов региона. Подлинные намерения правящих кругов Порты становились очевидными по мере ее ослабления и разложения Сефевидского государства. К 40-м гг. XVIII в. международные позиции султанской Турции серьезно ослабли, заметно нарастал ее внутренний кризис³. Военно-феодальная держава Надир-шаха доживала последние дни. Упорная освободительная борьба народов Кавказа и политика России, направленная против стремления Персии и Османской империи овладеть этим регионом, сыграла свою роль в ослаблении этих монархий. По мере развития военно-феодального деспотизма, усиления сепаратистских тенденций и внутреннего распада власть Надир-шаха лишилась своей феодальной опоры. В результате заговора придворных в июне 1747 г. Надир-шах был убит⁴.

После смерти шаха Сефевидское государство распалось на ряд самостоятельных ханств, начавших междоусобную борьбу за центральный престол. Но это не означало, что народы Северо-восточного Кавказа избавились от внешней опасности. Воспользовавшись начавшейся в Персии династической борьбой, Порта попыталась не только вернуть, но и усилить свое былое влияние на Кавказе. Она детально

¹ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой пол. XVIII в. С. 173–174.

² Цит. по: Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». С. 195.

³ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991. С. 191.

⁴ История Дагестана. М., 2004. Т.1. С. 449; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С. 219.

готовилась к вторжению на Кавказ, сосредоточивая войска в пограничных областях, засылая агентов в Кабарду и Дагестан, чтобы убедить местных правителей «принять турецкое подданство и выступить против России»¹.

Дальнейшая активизация кавказской политики Османской империи стимулировалась тем, что вмешательство в дела Кавказа с середины 30-х до конца 60-х гг. XVIII в. не стояли перед российским правительством первоочередной задачей ввиду осложнения международного положения России по европейским делам и черноморскому вопросу

Действительно, дагестанские и другие кавказские владетели, наученные предшествующим опытом, не оказали поддержки возвращенному в Стамбуле самозванцу Сам-Мирзе III. Очередная попытка османов добиться гегемонии на Кавказе путем выдвижения нового самозванца не увенчалась успехом. Разгневанный султан Махмуд приказал схватить и сослать в ссылку незадачливого претендента на персидский престол. Не сумев подкупить местных владетелей, султан Махмуд оттянул свои войска обратно

Однако никакой поддержки дагестанским владетелям, несмотря на неоднократные заверения, султанское правительство не оказало. Да оно и не было в состоянии оказать эту помощь. К середине XVIII в. Порта пережила глубокий спадок, о ее прежнего величия остались лишь одни воспоминания. Этим и объясняется, что посланные повторно в Стамбул дагестанские курьеры вернулись безрезультатно. Извещая об этом российское правительство 10 августа 1750 г., А. И. Неплюев подчеркивал: «Двое лезгов, присланные сюда к Порте, один после другого из Дагистана ... по осведомлении о том бедственном состоянии, в каком Порта, с поспешением в Дагистан обратно поехали»².

Таким образом, Порта лишь на словах выступала в защиту единоверных суннитов, а фактически по-прежнему претендовала на овладение этим регионом.

Петербург предпринял срочные меры для укрепления Кавказской линии на случай султанской агрессии в связи с воцарившейся в Персии анархией.

Получив достоверные сведения о смерти иранского правителя Надир-шаха и восшествии на престол его племянника Али Кули-хана,

¹ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе ... С. 81.

² Там же. 1751г. Д. 3. Л. 293.

6 октября 1748 г. Тайный Совет вынес решение рекомендовать российскому правительству установить с ним дружеские отношения, настраивать против Порты, чтобы не допустить османов на побережье Каспия¹. Выполняя эти установки, российское правительство предприняло действенные меры в этом же ключе: проводились крупные работы по укреплению Кизляра и терских казачьих городков, расширились экономические и политические связи с населением Северного Кавказа. С особым акцентом на Северо-восточный Кавказ и Дагестан, в частности, российской администрации в Кизляре рекомендовалось иметь добрые отношения с местным населением, призывая владельцев и старшин к принятию российского подданства, заботясь о том, чтобы они были «неозлобительным содержанием их довольны».

Но на пути дальнейшего сближения с Россией встали новые силы, отодвинувшие присоединение к ней региона до начала XIX в.

Ослабление международных позиций России в период правления «немецкой партии» во главе с Э.И. Бироном (1730–1740 гг.) и изменение соотношения сил в регионе сначала в пользу Порты, а затем Персии внесли существенные коррективы в выработку и осуществление российских замыслов на Кавказе. Конкретным проявлением «нового курса» петербургского двора явилось возвращение Персии Прикаспийских областей и Дагестана по Рештскому (1731 г.) и Гянджинскому (1735 г.) трактатам, что подтолкнуло и облегчило осуществление завоевательных походов османских, крымских и персидских завоевателей в Северо-восточный и Южный Кавказ.

Но эти договоры не означали отказа России от покровительства народам Северо-восточного Кавказа и достижения стратегических целей: продолжая открыто выступать против агрессивных устремлений Порты и Крымского ханства, она стала негласно поддерживать освободительную борьбу кавказских народов против владычества Надир-шаха и попыток османской и крымской элиты вернуть их под свое управление. Эта борьба, наносившая серьезный урон военному могуществу геополитических соперников России в регионе, стала важным основанием ее кавказской политики. Российские войска, не раз вставшие на пути нашествия османских, крымских и персидских феодалов (1733, 1735, 1742–1743 гг.), ускорили крушение захватнических замыслов их вдохновителей. Это привело к качественному сдвигу в расширении и укреплении российско-кавказских отношений.

¹ Сотавов Н.А., Касумов Р.М. Указ. соч. С. 113.

ГЛАВА IV. АНТИРОССИЙСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

4.1 Происки иностранных государств по усилению антироссийской агитации в регионе во второй половине XVIII в.

Проблема борьбы иностранных государств на Северо-восточном Кавказе против России актуальна сегодня как никогда и до конца она еще не изучена.

Зарубежные исследователи, исходя из задач оправдания политики своих стран, утверждали версию об извечной агрессивности России, а политику Ирана, Турции, Англии и Франции признавали оборонительной, которая защищала народы Северо-восточного Кавказа от агрессивной России и спасала их от физического уничтожения. Хотя известно, что все участники кавказской политики проводили агрессивную политику по отношению к народам Северо-восточного Кавказа и преследовали свои личные захватнические интересы.

Северо-восточный Кавказ и, особенно прикаспийские области, занимали важное значение в экономическом и военно-стратегическом плане и поэтому назывались «воротами» между Западом и Востоком. Россия, понимая важность Северо-восточного Кавказа для обеспечения безопасности южных границ, активно добивалась распространения своего влияния на данный регион. По мере укрепления позиции России в регионе, усиливалась антироссийская борьба иностранных государств.

К середине XVIII в. наибольшая угроза южным границам России исходила от шахского Ирана. Анализируя многочисленные письма, приказы и другие официальные документы, исходящие из шахской дипломатии, мы приходим к выводу, что Надир-шах хотел создать на Северо-восточном Кавказе плацдарм для борьбы против России. Учитывая стратегическое значение Северо-восточного Кавказа, он хотел закрыть прикаспийские области от влияния России, соорудить на этой территории ряд крепостей и поставить разъезд на Тереке, чтобы прикрыть общение с Россией¹. Российский посланник при шахе И.П. Калущкин доносил, что «он (шах. – Авт.) польщения на Россию

¹ Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000. С. 89.

не оставляет и намерен сперва отправить к русскому двору новое посольство с домогательством о возвращении всех денежных расходов, которые якобы получены с городов, бывших 12 лет в российском владении, и о выдаче находящихся в России персидских подданных. Но если ему в этом откажут, то хочет сей обман употребить для начала войны с Россией, ударить на Кизляр, идти прямо не только до Астрахани, но и до Царицына»¹. По этому поводу английский историк Л.Локарт писал, что «если бы Надир в тот момент атаковал бы Россию, вместо того чтобы дать себя заманить в аварские горы, он мог бы легко вырвать у нее Кизляр и Астрахань»².

В связи с распадом государства Надир-шаха, соотношение сил на Востоке сложилось в пользу Турции. Пользуясь ослаблением Ирана, Турция пыталась использовать антииранское освободительное движение для установления на Северо-восточном Кавказе своего протектората. Европейские державы, борющиеся за преобладание на Ближнем и Среднем Востоке, усилили свои позиции в Турции и тоже вмешивались в кавказские дела и поддерживали планы султана овладеть Кавказом и превратить Северо-восточный Кавказ в базу антироссийской борьбы.

Турция деятельно готовилась к вторжению на Кавказ и юг России. В пограничных с Кавказом областях сосредоточивались войска, а многочисленные турецкие агенты всеми возможными способами старались подчинить влиянию Порты владетелей Закавказья и Дагестана с тем, чтобы при удобном случае прибрать их к рукам.

Зимой 1751 г. султан Махмуд I прислал «немалые подарки» дербентскому хану Магомед-Гусейну, тарковскому шамхалу Хасбулату, кайтагскому уцмию Амир-Гамзе и кубинскому Гусейн-Алихану, пытаясь выяснить, на каких условиях они желают быть в турецком подданстве.

В ответ российские власти усилили политику «ласкания» местных владетелей, которая имела важные политические последствия. В течение 1750–1751 гг. обратились за подданством к России и получили заверения в покровительстве с ее стороны шамхал Хасбулат, Магомед Гусейн-хан дербентский, кубинский хан Гусейн Али. Немногим позже с аналогичной просьбой к русскому правительству обратились владетель Аварии Магомед Муса-хан, Магомед-хан казикумухский, старшины Андийского общества и т.д.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 132.

² Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 95.

Русско-турецкое соперничество на Северо-восточном Кавказе заметно обострилось после воцарения на российском престоле Екатерины II в 1762 г. В военных планах Порты значилось желание захватить не только прикаспийские области Восточного Кавказа, но и земли Засулакской Кумыкии, находившиеся под покровительством России. С этой целью в начале 60-х годов участились визиты османских эмиссаров в Закавказье и Дагестан.

В условиях усилившегося соперничества с Османской империей российское правительство не забывало и об Иране. Информацию о положении в этой стране должны были собирать не только российские консулы в разных городах Ирана, но и все лица, направляемые по служебным поручениям или для «разведывания» в горные районы Северного Кавказа. Так, в марте 1763 г., вернувшийся из Чечни ротмистр И. Мещеряков привез в Кизляр тревожные сведения, полученные от чеченского владетеля Алисултана Казбулатова. По сообщению последнего, ездившие для продажи коней в Муганскую степь эндиреевские жители видели там иранского правителя Керим-хана Зенда «с немалым войском». По их словам, Керим-хан вступил в переговоры с правителем Дербента и Кубы Фатали-ханом, дабы тот «его к себе ожидал и город бы Дербент возвратил, и он бы совсем был в его протекции». Фатали-хан с готовностью отозвался на этот призыв, отправив к Керим-хану курьера с подарками и объявлением, что «город Дербент без всякого уступает, да и сам он ему во всем быть послушным желает»¹.

В 1768 г. Турция, использовав благоприятный момент, развязала войну с Россией. К этой войне османов подталкивала Франция, правительство которой прекрасно понимало, что Турция потерпит поражение, но война с ней истощит и российский бюджет. До начала военных действий и особенно в период войны Турция предприняла ряд мер, чтобы привлечь на свою сторону народы Северного Кавказа. Сюда, в том числе и в Дагестан, были посланы многочисленные агенты, которые всячески пытались настроить против России местных феодальных владетелей. Однако эта агитация не имела успеха. Осенью 1769 г. возвращавшийся из Мекки через Стамбул племянник казикумухского Магомед-хана Хаджи-Гирей был с почетом принят султаном Мустафой III и отпущен в Дагестан с крупной суммой денег и многочисленными подарками «для подзыва дагестанцев и кумыков в

¹ Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. Махачкала, 2013. 89.

протекцию султана», и чтобы начали они против России враждебные действия¹.

Находясь в Карсе, а затем в Ахалцихе, Хаджи-Гирей дважды обращался к дяде Магомед-хану и своим братьям, чтобы они собрали войско и выступили в поход против грузинских царей, поддерживаемых Петербургом. Однако на этот призыв, за исключением самовольно уехавшего чанки Махмуда с некоторыми людьми, другие не отозвались, хотя подготовка к выступлению, по-видимому, велась. Сам Магомед-хан выразил недовольство пребыванием в османской столице своего племянника, а Фатали-хан посоветовал Хаджи-Гирею отказаться от задуманной акции.

Народы Северо-восточного Кавказа не только не поддержали Турцию в войне против России, а наоборот, приняли участие в закубанском походе Медема и пошли на помощь грузинам. Их отряд в войсках царя Ираклия насчитывал до 4 тысяч воинов. Под влиянием одержанных русской армией побед пророссийская ориентация среди дагестанских владетелей еще более окрепла. В феврале-марте 1772 г. к кизлярскому коменданту обратились эндиреевские владетели и аварский нуцал Магомед-хан с заверением о своей преданности России².

Завершивший победоносную для России войну Кючук-Кайнарджийский мирный договор имел важное значение и для народов Кавказа. Он нанес сильный удар по Турции, подорвал престиж султана и ослабил его влияние на кавказских мусульман.

Новый виток активизации антироссийской деятельности Турции на Северо-восточном Кавказе приходится на 1783 г., когда Грузия, согласно условиям Георгиевского трактата, была принята под протекторат России. Как только весть о подписании трактата стала известна, владетели Северо-восточного Кавказа стали наперебой обращаться к российскому правительству с просьбой принять их под свое покровительство. Султанская Турция, не оставлявшая мысли прибрать к своим рукам Кавказ, резко отрицательно относилась к росту влияния России. Османское правительство начало спешную подготовку к войне. Ахалцихский паша посылал своих агентов вербовать на свою службу горцев Кавказа. Эти агенты запугивали феодальных владетелей, внушая им, что с прибытием русских войск их изгонят.

¹ Кидирниязов Д.С. Дагестан во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией (вторая половина 80 – конец 90-х гг. XVIII в.) // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2011. Вып. VII. С. 30.

² Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 155.

Фатали-хану дербентскому, например, они говорили, что при русских он «будет свинопасом». Одновременно кавказским владетелям отправлялись щедрые подарки с тем, чтобы привлечь их на свою сторону. Рядовым горцам, поступившим на турецкую службу, обещали выплачивать по 50 рублей¹.

Как отмечает В.Г. Гаджиев, не менее многочисленной была и агентура, выступавшая под видом шейхов, сеидов, мулл и дервишей. Они вели антирусскую пропаганду, призывая правоверных выступить в защиту ислама от посягательств неверных. Сулейман-паше ахалцихскому было предписано неусыпно наблюдать за ходом дел, и чтобы задобрить дагестанский народ, известный своей храбростью и преданностью вере, посланы были султанские подарки для раздачи предводителям этого народа с целью побудить его к священной войне. Одному только Ума-хану аварскому было передано 500 кисетов турецких пиастров².

Однако усилия турецкого правительства не привели к желаемым результатам. «В черном народе, – сообщал царский лазутчик, – молва идет, что в Персию (на Восточный Кавказ. – Авт.) придут русские войска, и ожидают через прибытие оных избавиться от междоусобий, тяжких налогов. Знатного же рода весьма сим слухам не довольны»³.

Развернувшееся в 1785 г. в Чечне движение шейха Мансура не получило поддержки дагестанских народов, несмотря на призывы султана Турции «чтоб здешние жители веру свою крепко держали и соблюдали и с русскими не мирились». Одному из влиятельных правителей Дагестана аварскому хану было послано от султана много денег с просьбой, чтобы он помог шейху Мансуру⁴. Лишь только засулакские кумыки на первом этапе приняли в нем участие, но очень скоро отошли. Мало того, почти все крупные феодальные владетели Дагестана вновь по собственному желанию присягнули на верность России⁵.

Тем не менее вопрос о включении Дагестана в состав России не получил в это время окончательного решения ввиду того, что в августе 1787 г. Турция развязала новую войну. Включение Дагестана могло осложнить отношения России с Ираном, что было крайне не жела-

¹ ЦГА ДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 520. Л. 116.

² ЦГА РД. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Л. 5.

³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 149–150.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 2376. Л. 132–133.

⁵ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.150.

тельно в сложившихся условиях. России также приходилось считаться с тем, что правящие круги Англии и Франции не только подогревали реваншистские устремления Порты, субсидировали султана, но и прилагали все усилия к созданию против России мощного заслона из государств Европы и Ближнего Востока. Так, французский посол активно уговаривал Али-Мурат-хана, пришедшего к власти в Иране, начать войну с Россией. Турецкие же эмиссары привезли в Дагестан для раздачи местным владетелям 80 тысяч червонцев, 30 халатов и другие подарки¹.

По плану турецкого главнокомандования пограничные паши, присоединив к себе силы дагестанских и азербайджанских владетелей, должны были вторгнуться в российские пределы. С этой целью на Северо-восточный Кавказ для агитации был направлен турецкий егермейстер Салих-ага. Всем крупным феодальным владетелям были разосланы письма с призывом подняться на священную войну против иноверцев. Но призывы турок не нашли поддержки в Дагестане. К примеру, Ума-хан аварский переслал полученное им письмо кавказскому командованию и заверил его в своей преданности России².

Однако небольшая часть феодалов все же поддалась турецкой пропаганде. Владетель Дженгутая Али-Султан вместе со своим братом и отрядом в 200 человек совершили набег на Грузию. К этой акции они хотели привлечь казикумухского и аварского ханов, но те отказались³.

Турки пытались использовать и междоусобную войну между Фатали-ханом и группировкой дагестанских владетелей в своих целях, но безрезультатно. Тем не менее засылка эмиссаров в Северо-восточный Кавказ продолжалась с тем, чтобы возбудить горцев против России.

После заключения между Россией и Турцией мирного договора и ухода иранских войск с Кавказа борьба Турции и Ирана против России за влияние на Северо-восточном Кавказе вроде приостановилась. Однако это было временное затишье. Англия и Франция специально осложняли обстановку в регионе, искусственно создавая новое анти-российское объединение. Под руководством Франции между Ираном и Портой велись переговоры, целью которых было образование ирано-турецкого наступательного блока, направленного против России.

¹ ЦГА ДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 854. Л. 94.

² История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т.1. С.209.

³ Там же. С. 210.

В свою очередь, Османская империя полученную от Англии и Франции военную и финансовую помощь использовала для организации антироссийской борьбы, в частности, «полученные Портою от иностранных покровителей деньги щедрой рукой раздавались вместе с халатами, саблями, султанскими фирманами» и прочими подарками кавказским правителям и владетелям¹. После чего султан требовал антироссийской борьбы от северокавказских народов, в том числе частых нападений на Грузию, отвлекавших большие военные силы России.

Накануне русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из-за напряженной обстановки на Северо-восточном Кавказе Россия была вынуждена ввести свои войска. Вместе с тем Россия взяла курс на укрепление и расширение экономических, политических связей с населением, делала все, чтобы «приобрести привязанность» народов Северо-восточного Кавказа².

Специально посланный в Дагестан для обследования «касательно верности тех владельцев в расположении» к России и выяснения, «нет ли подсылок от Порты»³, российский офицер, ногаец по происхождению, Навруз-Али Иланкулов, сообщивший о встречах с тарковским шамхалом, кайтагским и другими владетелями Восточного Кавказа, в ходе которых он смог убедиться в верности их России, несмотря на активную антироссийскую деятельность османов, писал, что «все жители желают безмерно и быть под российским покровительством, и почему более ханы страшатся преклониться на приглашение Порты»⁴.

Следовательно, между Россией и Турцией даже в относительно мирные годы шла постоянная агитационная борьба. Со своей стороны Россия старалась сохранить добрые отношения с народами Северо-восточного Кавказа. Порта, в свою очередь, ценными подарками, деньгами, уговорами, угрозами требовала от владельцев Северо-восточного Кавказа антироссийских выступлений.

Османы использовали малейшие междоусобные конфликты горцев Северо-восточного Кавказа в своих антироссийских целях. В 1789 г. султан вновь обратился со своим фирманом к мусульманам

¹ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957. С. 130–131.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 155.

³ Кидирниязов Д.С. Дагестан во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией (вторая половина 80 – конец 90-х гг. XVIII в.). С. 71.

⁴ РГВИА Ф. 52. Оп. 194. Д. 481. Л. 82.

Кавказа: «По случаю настоящей у меня с Россиею войны предписываю сим всем мухаметского вероисповедания народам стараться денно и ночью вооружаться и ополчаться против россиян, будет же поступать кто вопреки сего, то да будет яко незаконным и жена от него свободна»¹.

В другом своем послании того же года султан Селим III сообщил народам Северо-восточного Кавказа о своем намерении послать в регион 60-тысячную османскую армию для оказания помощи в борьбе с Россией и обещал крупное денежное вознаграждение активным участникам «священной войны» с «гяурами»².

В таких ситуациях Россия вынуждена была принимать ответные меры против антироссийских заявлений султана. Кроме того, необходимо было принять меры, чтобы некоторые владельцы не соблазнились на подарки и деньги. По этой причине Государственный совет России на специальном заседании в октябре 1789 г. обсудил несколько вопросов, касающихся Северного Кавказа: об антироссийской деятельности Порты в регионе, о российско-северокавказских отношениях и позиции России в Дагестане, в том числе и вопросов о желании некоторых дагестанских владетелей принять российское подданство. В результате российское правительство предписало для улучшения взаимоотношений с народами Дагестана «пропускать их на прежнем основании без всяких пошлин» в Кизляр по торговым делам³.

В 1790 г. в антироссийском фронте Порты развернула широкомасштабные наступательные действия с отправкой на Северо-восточный Кавказ 30-тыс. армию под командованием Батал-паши, который должен был с объединенными силами северокавказских владельцев подчинить Кабарду, захватить Кизляр, оказать давление на Дагестан и Южный Кавказ, укрепиться на побережье Каспийского моря и в целом на Кавказе⁴.

Одновременно с отправкой войск на Северо-восточный Кавказ султан отправил своих посланников с фирманами, подарками, где правитель Порты призывал горцев к объявлению «священной войны»

¹ Кидирниязов Д.С. Указ. соч. С. 297.

² Там же. С. 298.

³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов М., 1988. С. 73.

⁴ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч.2. С. 217.

против неверных¹. Посланники султана начали подговаривать владельцев объединенными силами организовать нападение на Кизляр в целях поддержки войск Батал-паши².

Однако на реке Тохтамыш российские войска одержали победу над войсками Батал-паши, а сам он попал в плен³.

Мысли настраивать народы Северо-восточного Кавказа против России османы никогда не оставляли. Они использовали малейшие внутренние междоусобные конфликты, промахи русской дипломатии в своих интересах. Порою антироссийские оппозиции на Северо-восточном Кавказе образовывались не только в результате турецкой агитации, но и установлении на местах грубой деспотии со стороны военного командования или отдельных представителей российской власти. Поэтому, как свидетельствуют материалы из архивов внешней политики России, российские власти предлагали во время русско-турецкой войны «ласкать» подарками правителей Северо-восточного Кавказа и указали астраханской и кизлярской таможням не препятствовать торговле экономическим связям местного населения с Россией и чтобы была оказана справедливость и ласковость приезжающим туда для торга подвластным нам народам, не делая впредь никаких обид и притеснений⁴.

В результате такой политики многие антироссийские провокации османского правительства проваливались. Осторожная политика со стороны Российского правительства приносила больше пользы и Российскому правительству, и местным народам⁵.

В результате Россия и впредь продолжала осторожную политику на Северо-восточном Кавказе. Правительство постоянно требовало от военного командования «всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличностями... следить, чтобы ни от войск

¹ АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 1120.

² Там же. С. 1121–1123.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 458.

⁴ Кидирниязов Д.С. Дагестан во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией (вторая половина 80 – конец 90-х гг. XVIII в.). С. 79.

⁵ Магарамов Ш.А. Помощь России Дагестану в отстаивании независимости от Ирана в начале XVII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 6 (20). Ч. II. С. 129–130.

наших, ни от казаков не было чинено ни малейшего притеснения и обиды горцам»¹.

Мирная политика со стороны России нашла отклик у народов Северо-восточного Кавказа. Их представители обратились с просьбой принять их в российское подданство².

Турецкий султан Селим III пришел в ярость, получив известия о принятии шамхалом Тарковским и дербентским ханом российского подданства. Он резко осудил их в своем послании. «Сами они России преданы и много между ними и неистовых людей, из коих один шамхал, предавшись России, склонил даже и Дербента отдачу России. Я же с моей стороны, сколько можно стараться буду освободить от России Крым, Кабарду и прочие мусульманские области...». «Если дагестанские владетели обратятся за поддержкой к османам, – отмечалось в послании султана, – то Порты окажет им ее даже вплоть до отправки в Дагестан османских вооруженных сил. Тогда и ... уже нарушению мира не я буду причиной, а Россия»³.

В другом своем послании ко всем мусульманам, обитающим от Черного моря до Дербента, султан в краткой форме дает план антироссийской борьбы Оттоманской империи на 1794 г. В случае отклонения султанских требований Порты намерена начать войну с Россией весной 1794 г. Далее в послании султана содержатся очень важные сведения, где он перечисляет страны, антироссийски настроенные и тайно или открыто провоцирующие Порту на новую войну против России. В этот список входят, кроме шаха Персии, «французы и короли других держав, которые желают воевать против России и ожидают, чтобы султан начал войну», а также, чтобы турецкие войска усиленно готовились к предстоящей войне⁴.

В своих донесениях посол России в Стамбуле Кочубей неоднократно отмечал, что Англия и Франция, преследуя свои интересы, были заинтересованы в обострении ситуации на Кавказе и поэтому провоцировали Порту на новую войну против России. Однако эти планы провалились из-за внутренних проблем в самой Османской империи.

¹ АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 360.

² История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2004. Т.1. С.464.

³ Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1. Кн.2. С. 298.

⁴ АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 360.

После этих событий, хотя и отношения между Россией и Турцией были вроде налажены, османы ни на один день не прекращали антироссийскую деятельность против России на Северо-восточном Кавказе, о чем свидетельствует активность турецких эмиссаров в регионе. Порты провоцировала персидского шаха к походу на Кавказ, оказывая ему финансовую, продовольственную и военную поддержку¹.

В конце XVIII в. после захвата Россией Крыма османы все свои силы бросили на борьбу за Северо-восточный Кавказ. Одновременно Россия также начала более активно бороться за Северо-восточный Кавказ, которому по стратегической значимости придавали большое значение. Эти шаги России вызвали бурную реакцию не только со стороны Ирана и Турции, но и у западноевропейских держав.

После чего в результате анализа событий в дипломатических кругах Порты российский посол в Стамбуле пришел к выводу, что султан поддержит любого во всем в борьбе против России².

Весной 1795 г. Ага-Мухаммед-хан перед своим походом в Грузию потребовал покорности от народов Северо-восточного Кавказа. Они, единодушно решив оказывать сопротивление, обратились за помощью к России. В результате в Дагестан были отправлены войска, а владельцам Дагестана было предложено выступить совместно с российскими войсками и дать отпор неприятелю³.

Весной 1796 г. военное командование на Кавказе ввиду малочисленности отряда ген. Савельева решило дополнительно послать экспедиционный корпус во главе с ген. В.А. Зубовым. Однако после смерти Екатерины II преемник ее Павел I изменил внешнеполитический курс России на Кавказе. С уходом российских войск резко изменилось внешнеполитическое и внутривосточное положение на Северо-восточном Кавказе.

Для России потеря Северо-восточного Кавказа была серьезным провалом в восточной политике. Все успехи российской дипломатии за последние века на кавказской политике пропадали.

С уходом российских войск с Кавказа резко усилилась антироссийская оппозиция на Северо-восточном Кавказе. В этих благоприятных для антироссийских сил условиях, сообщают современники, шли оживленные переговоры между османами и персами при уча-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 345.

² АКАК. Тифлис, 1866. Т. 2. С. 298.

³ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957. С. 367.

стии французских дипломатов о совместных выступлениях против России на Северо-восточном Кавказе.

В этих целях французские эмиссары не только побуждали шаха «к продолжению войны против России», но и предлагали заключить военный союз с Османской империей, обещая одновременно содействие в борьбе против России как самой Франции, так и Швеции, и Дании. Иран должен был, таким образом, являться одним из звеньев антирусской коалиции¹.

Однако после убийства Ага-Мухаммед-хана антирусские планы провалились и на Северо-восточном Кавказе сложились благоприятные условия для России. После провала европейских планов Павла I Россия решила вновь вернуться на Кавказ.

Таким образом, можно констатировать, что во второй половине XVIII в. Турция и Иран, поддерживаемые ведущими европейскими державами, проводили на Северо-восточном Кавказе довольно агрессивную антирусскую политику, пытаясь втянуть в ее орбиту представителей местной политической элиты и народные массы, в первую очередь. Но благодаря умелой контрполитике России усилия восточных держав в указанном регионе потерпели неудачу.

4.2 Обострение международной обстановки на Кавказе на рубеже XVIII-XIX вв.

Геофизическое положение Северного Кавказа предопределило его геополитическое значение. Представляя собой перешеек между Азово-Черноморским и Каспийским бассейнами, в эпоху позднего Средневековья он рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов, обеспечивавший стратегический выход России в Закавказье, Малую Азию и Ближний Восток. Представляя собой узел сложных внутренних и внешнеполитических противоречий, регион традиционного противоборства Российского государства, Османской империи, шахского Ирана, с конца XVIII в. стал еще и объектом серьезного внимания Франции и супердержавы XIX в. – Англии.

Глобальные политические трансформации 90-х гг. XX столетия привели к масштабным геополитическим последствиям в Европе, России, а значит, и на Кавказе. И теперь уже США объявили весь

¹ Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. 21.

Кавказ зоной своих стратегических интересов, что достаточно красноречиво свидетельствует о неослабевающей актуальности и необходимости тщательного и объективного изучения и освещения проблем истории судьбоносного для народов Северного Кавказа и России на рубеже XVIII–XIX вв. периода, чтобы понять и оценить реалии сегодняшнего дня и найти оптимальное решение геополитических проблем современности.

Становление русско-кавказских, русско-дагестанских, в частности, отношений тесно связано с динамикой международной ситуации в кавказско-переднеазиатском регионе в XVIII–XIX вв., где в противоречивых взаимоотношениях и отталкиваниях сошлись геополитические амбиции трех могущественных государств того времени – Османской империи, шахского Ирана и Российского государства. В этих условиях феодальные правители Дагестана, как и всего Северного Кавказа, исходя из конкретной политической обстановки и своих интересов, вынуждены были лавировать, ориентируясь то на одну, то на другую сторону. Дагестан в этот судьбоносный для его народов хронологический период являлся ключевым геостратегическим плацдармом в борьбе противоборствующих держав за сферы влияния на Кавказе. Поэтому важно историографам как отечественным, так и зарубежным давать должные оценки мотивов внешнеполитической ориентации дагестанских правителей того времени, которые, исходя из конкретной исторической обстановки, меняли свою внешнюю политику.

Со времени Каспийского похода Петра I в отношениях Дагестана с Россией наблюдалась определенная стабильность и возрастающее стремление к укреплению этих отношений. С того времени тенденция к сближению Дагестана с Россией приобретает необратимый характер. В ходе же борьбы с Надир-шахом народы Дагестана окончательно сделали свой внешнеполитический выбор – ориентация на Россию, что способствовало качественному сдвигу в развитии русско-дагестанских отношений.

На рубеже XVIII–XIX вв. международное положение Кавказа осложнилось активизацией восточной политики западноевропейских государств. Усмотрев в политике стремительно ворвавшейся в кавказские дела Российской империи угрозу своим геополитическим интересам, европейские державы активизировали действия по вовлечению восточных стран в орбиту своей политики. Так, Великобритания настойчиво и упорно пыталась воспрепятствовать утверждению царской России на Кавказе, считая его важным стратегическим плацдар-

мом на подступах к Индии, Ирану и Ближнему Востоку, а также потенциальным источником сырья и рынком сбыта. Эта активизация Европы осложнила и без того напряженную общекавказскую ситуацию и внесла определенные изменения и в кавказскую политику России¹.

Великобритания и Франция наперебой обещали шаху и султану поддерживать их притязания на Кавказ, естественно, в обмен на соблюдение соответствующих обязательств в пользу той или иной враждующих между собой сторон (не прекращалась острая борьба между английской и французской дипломатией за преобладающее влияние на Ближнем Востоке). В результате значительных финансовых и дипломатических усилий англичанам удалось в январе 1801 г. заключить с шахом политический и торговый договор. На деле же англо-иранский договор был направлен в первую очередь против России.

Начиная в 1804 г. войну против России, шахский двор в Тегеране рассчитывал на обещанную Англией всестороннюю помощь. Но это обязательство не было реализовано Англией, чем и воспользовались французские дипломаты и агенты, сумев добиться в мае 1807 г. заключения франко-иранского политического союза, по которому Иран обязывался объявить войну Англии, двинуть часть войск на Индию, а основные силы, при поддержке Франции, направить в Закавказье. Наполеон в письме иранскому шаху настаивал: «Атакуй энергично своего неприятеля (Россию. – Авт.), которого я со своей стороны обессилил. Возьми от него снова Грузию и все провинции, которые составляли твою империю, и укрепи против него Каспийские ворота».

В 1807 г. в Иране действовали сразу две военные миссии: французская и турецкая, присланная султаном Селимом для реорганизации иранской армии. Согласно Финкенштейнскому договору 1807 г. Париж стал активно вмешиваться в российско-иранские переговоры.

Однако, в том же 1807 г. Наполеон заключил своего рода союзный договор с Александром I, что не позволило Франции реализовать обязательства, данные ею Ирану о финансировании его войны против России. Этим, конечно же, не преминула воспользоваться британская дипломатия, добившись изгнания французов из Тегерана.

¹ Джахиева Э.Г. Северо-Восточный Кавказ в международных отношениях: историко-правовые аспекты договоров, заключенных Россией с Турцией и Ираном. 1774–1826 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2007. С.30.

В результате, в 1809 г. между Англией и Ираном был подписан договор «О союзе и дружбе». С новым английским послом прибыла ошутимая «поддержка», а именно: 30 военных инструкторов, 20 новых орудий и 30 тыс. винтовок. Английский дипломат рекомендовал шаху приступить к наступлению в Закавказье и объявить России джихад.

Вдохновляемые Англией и Францией Иран и Турция наводнили феодальные владения Северного Кавказа фирманами с антироссийскими призывами, подкрепленными большими суммами денег и ценными подарками. Впервые в истории эти извечные противники – Иран и Турция объединились для изгнания России с Кавказа и раздела его на сферы своего влияния¹.

В одном из фирманов, посланных в Дагестан, говорилось: «Неверные русские по злобной своей натуре не только питают вражду к высокой державе (читай: Османской империи. – Авт.), но и имеют коварную мысль разрушить ее, поэтому всем мусульманам необходимо подняться на священную войну»².

Несмотря на военные и дипломатические усилия Ирана и Турции, вдохновляемые Францией, Россия в ноябре 1806 г. одержала ряд блестящих побед над войсками шаха и султана. При дворе шаха началась настоящая паника. Именно в это время на помощь Ирану поспешила Англия. И пока представители шаха затягивали переговоры с Россией, англичане усиленно готовили продолжение войны, подпитывая иранскую армию боеприпасами, вооружением и деньгами, строили крепости на границе Карабаха, Нахичевани и Ардебиля³.

Вдохновляемые реальными «вливаниями» Англии представители Ирана сорвали предложенные Россией переговоры о заключении мира. Персидскому правительству со стороны Англии была выдана субсидия в 600 тыс. туманов, несколько тысяч ружей, артиллерия и т.д. Со специальной миссией из Стамбула в Тегеран прибыл визирь с большими суммами денег и подарками для подтверждения союзного трактата и выработки плана совместных действий в Закавказье.

По повелению султана, к войне тщательно готовились эрзерумский, карский и ахалцихский паши. Турция и Иран наводнили Северный Кавказ многочисленными агентами. К Сурхай-хану Казикумухскому прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский» с письма-

¹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С. 143.

² РГВИ. Ф. ВУА. Д. 6192. Ч. 50. Л. 33.

³ Смирнов К. Русско-персидская война 1804–1813 гг. С. 53.

ми и деньгами, Ших-Али-хану от шаха посланец передал деньги и лошадь¹. В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару и другие вольные общества были доставлены фирманы шаха, в которых он обещал горцам «награды и подарки больше, чем в минувшие времена», призывая подняться с ними на священную войну². Однако все эти призывы не нашли в Дагестане поддержки. Вмешательство турецкой и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести ничего кроме зла, так как происходило далеко не в их интересах и не с какой-нибудь нравственной целью.

В конкретно-исторической обстановке конца XVIII – начала XIX в. пророссийская ориентация большинства феодальной элиты Дагестана соответствовала общенациональным интересам народов Северного Кавказа. Россия была наиболее потенциальной реальной силой, способной оградить народы Кавказа, в частности Дагестана, от угрозы порабощения перманентно соперничавшими за сферы влияния восточными державами. В исторической перспективе владычество шахского Ирана и османской Турции всегда было для народов региона губительным, тормозящим общественно-экономическое и культурное развитие.

К осени 1812 г. практически все феодальные владения Дагестана и союзы сельских обществ присягнули на верность России.

Таким образом, Гюлистанский договор 1813 г. *de jure* оформил *de facto* вхождение земель Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, в состав Российской империи. Этот договор лишь подвел итог длительному процессу политического, экономического и культурного сближения, юридически оформив вхождение дагестанских земель в состав многонациональной супердержавы – России.

4.3 Антироссийский курс на Северо-восточном Кавказе в период русско-иранской 1804-1813 гг. и русско-турецкой 1806-1812 гг. войн

Девятилетний период от начала русско-иранской войны до присоединения Северо-восточного Кавказа к России (1804–1813), ставший завершающим этапом противоборства России с Ираном и

¹ РГВИ. Ф. ВУА. Д. 6192. Л. 31–32.

² История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009. С. 144–145.

Турцией за господство на Кавказе, отличается активным влиянием геополитики региона на международные отношения Кавказского региона. 23 ноября 1803 г. русские войска вступили в Гянджинское ханство. Правящие круги Ирана использовали это событие как повод для разжигания русско-иранских противоречий, потребовав от российских властей вывести свои войска из Грузии, Дагестана и «ханств Азербайджана»¹.

Одновременно шахское правительство развернуло среди местных народов антироссийскую пропаганду, призывая стать под знамя своих союзников. Так, в шахском фирмане, распространенном по этому поводу в 1804 г., утверждалось, что Иран не остановится до тех пор, пока Грузия и «сопредельные с нею провинции не будут покорены до самого Кизляра»². Усилив таким путем подрывную работу среди горцев, сосредоточив значительные войска на Южном Кавказе на границе с Дагестаном, 23 мая 1804 г. шахское правительство предъявило ультиматум российским властям, заявив: «Вы... протягиваете руку притеснения в пределы Гянджи и Дагестана. А как до сих пор мы причину вашего прихода в иранские области считали только для торговых целей, то ныне от настоящего вашего поступка, удостоверившись в нарушении вами обетов, дружбы и приязни», требуем «шахские области ... без малейшего предлога очистить»³.

Россия категорически отвергла это требование. Русско-иранские отношения резко обострились. В июле 1804 г. шахские войска вступили в пределы Эриванского ханства, после чего началась русско-иранская война 1804–1813 гг. С началом войны Фетх Али-шах обратился с фирманом к мусульманам Кавказа, в котором открыто заявил о своих захватнических целях. «Я, шах персидский, объявляю вам, – внушал он горцам, – что Россия заняла Грузию насильственным образом... Теперь я своего сына Аббас-Мирзу с 50000 исправных войск послал в Грузию, а за ним со 100000 войском и 400 пушками я и сам туда же отправлюсь и всех русских из Грузии выгоню, вырежу, истреблю до последнего, а вам, как правоверным, указом своим повелеваю: когда вы услышите о приходе моем с войском в Грузию,

¹ История Дагестана. М., 1968. Т.2. С.17.

² АКАК. Т.2. С. 362–363.

³ АКАК. Т.2.С. 808,809. Т.3. С. 116; История Дагестана с древнейших времен до XXв. М., 2004. Т.1. С.470.

старайтесь, соединяясь всеми силами своими напасть на русских, истреблять и разорять до основания»¹.

Аналогичные антироссийского характера фирманы кавказским владельцам адресовались и впредь, что свидетельствует о ведущей роли этих территорий в кавказской политике Ирана. Хотя большинство этих фирманов было отвергнуто местными правителями, но все же определенную роль они сыграли. «Феодалы, желавшие сохранить полную самостоятельность и независимость, Ших Али-хан Дербентский, Сурхай-хан Казикумухский и др., – подчеркивает Омаров, – поддерживали контакты с другими державами (Ираном и Турцией. – Авт.), старались получить от них поддержку, жалованье и чины»².

Как сообщал тарковский шамхал Мехди Цицианову, в октябре 1804г., к нему было доставлено «от шаха персидского и от сына его ... два фирмана, означающие, что они идут к наказанию Тифлиса, но посланные остановились у Ших Али-хана... Добавляют мне в фирмане, чтобы я христианину не служил (императору Александру I. – Авт.) – великое денежное награждение буду иметь от шаха»³. Через год он снова ставил в известность, что им задержаны курьеры Бабахана, его сына Аббас-Мирзы и царевича Александра с 36 воззваниями, адресованные дагестанским феодалам и всему населению, расположенному вдоль Кавказской линии⁴.

Настойчивые усилия иранского шаха, подкрепленные материальными и политическими средствами, не могли остаться без последствий. Антироссийски настроенные представители феодальной знати вновь качнулись в сторону Ирана. Шамхал Мехди отмечал в очередном донесении: «От персидского шаха ко всем владельцам дагестанским предписано было, чтобы они прислали нарочных к нему для получения великих денежных награждений из казны, к чему Али Султан Мехтулинский, Ших Али-хан, Хамбутаи Казикумухский послали с уверениями, ежели они получают великое награждение, то будут служить ему верно»⁵.

Как свидетельствуют источники, представители этих владельцев в том же году встретились в Нахичеване с самим Фетх Али-шахом. Мало того, отдельные предводители союзов сельских общин

¹ АКАК. Тифлис, 1869. Т.3. С. 785–786; История Дагестана ... М., 2004. Т.1. С. 458.

² Омаров А.И. Указ. соч. С. 96.

³ АКАК. Т. 2. С.786.

⁴ Там же. С. 1039.

⁵ Там же. С.786.

Дагестана направили к шаху своих курьеров. Особенно активно сотрудничал с Ираном Ших Али-хан, осуществляя посредничество шаха с другими антироссийски настроенными феодалами. Достаточно сказать, что благодаря усилиям Ших Али-хана летом 1805 г. были предприняты активные меры для отправления дагестанского посольства к Баба-хану¹.

Не случайно Цицианов, внимательно следивший за поведением кавказских владетелей, в одном из донесений летом 1805 г. особо отмечал: «Ших Али-хан дербентский, прельщенный, как видно, золотом и обещаниями Баба-хана, везде и всегда старается ставить преткновения...нашим предприятиям в сей стране», подает помощь ханам, выступающим против России, распространяет слухи, подрывающие влияние российских властей среди местного населения. Вместе с Сурхай-ханом Казикумухским он призывает дагестанцев выступить против «неверных». В письмах к старейшинам Дагестана Ших Али-хан уговаривал их выступить против России. То же самое советовал сделать Селим-хану Шекинскому, находящемуся в российском подданстве².

Однако надежды шаха на антироссийские выступления в Дагестане не оправдались. Наоборот, недовольные политикой Ших Али-хана жители Дербента изгнали его из города в 1804 г. Такую же позицию занял шамхал Мехди, передавший шахских посланцев российскому командованию³.

Тем временем Цицианов, не дожидаясь дальнейшего продвижения шахских войск, выступил против них, нанеся крупное поражение Аббас-Мирзе близ Эчмиадзина, вынудив его поспешно отступить в Иран. Под влиянием побед, одержанных русскими войсками, ханства Карабахское, Шекинское, Ширванское, Хойское и султанства Шурагельское и Шанданское добровольно приняли подданство России, подтвердив это специально подписанными договорами⁴.

Цицианов, довольный одержанными победами, утратив всякую осмотрительность, властно и повелительно обращался с ханами, проявлявшими строптивость, писал им оскорбительные письма. Как верно заметил Дубровин, «поведение, принятое князем Цициановым от-

¹ Там же. С.641, 784, 1037.

² РГВИА. Ф.ВУА. Д.6172. Л.8–12; Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803 до 1806 гг. СПб., 1866. С.68–69.

³ Гаджиев В.Г. Роль России... С.186–189.

⁴ АКАК. Т.2. С.372–374, 646–647, 702–703, 857–858; Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803 до 1806 гг. ... С.404–412.

носителем горских ханов и владетелей, было круто противоположно тому, которому русское правительство следовало до него»¹. Сказанное подтверждается письмом Цицианова к аварскому хану, в котором он буквально заявил следующее: «Впрочем, кто имеет честь командовать, как я, непобедимым всероссийским войском, тот весь Дагестан считает за мух и желает иметь случай на деле то показать»².

Однако такая тактика не оправдала себя и стала причиной гибели самого главнокомандующего. 20 февраля 1806 г., подойдя к Баку с небольшим отрядом, Цицианов почти без охраны выехал к воротам крепости на свидание с бакинским правителем Гусейн Али-ханом, но, едва сойдя с лошади, был вероломно убит одним из ханских нукеров выстрелом в затылок. Голова его было послана в подарок иранскому шаху Фетх-Али³. Новым главнокомандующим на Кавказе был назначен граф И.В. Гудович.

Весть об убийстве Цицианова взбудоражила не только владетелей и старшин Кавказа, но и правящие круги Ирана. Удрученные этим сторонники России оказались под угрозой нового иранского нашествия. И, наоборот, сепаратистски настроенные феодалы Северовосточного Кавказа восприняли эту весть как сигнал к антирусскому выступлению. Особенно ликовал Фетх-Али-шах, пытавшийся выдать убийство Цицианова за гибель чуть ли не всей русской армии. Затуманенный своими заверениями, он снова стал требовать передачи Ирану Грузии и всего Дагестана, включая г. Кизляр. Отвергая эти требования, И.В.Гудович решительно заявил, что «Кизляр никогда не был границей», а дагестанские владельцы «правили независимо под покровительством России», под которым находилась и Грузия⁴.

Тем не менее, активность Тегерана вновь подвигла на антиросийские акции Ших Али-хана Дербентского, Сурхай-хана Казикумухского и Мустафу-хана Ширванского, которые, установив личные связи с шахом, сделали попытку поднять народные массы против России⁵. Однако усилия антиросийски настроенных феодалов не нашли поддержки. Наоборот, жители Дербентского ханства и Табасарана вновь отказались помочь Ших Али-хану. Население Нагорного Дагестана также отказалось выступить против России. Настроения этой части жителей Дагестана верно выразил горец из Кумуха по прозви-

¹ Дубровин Н.Ф. История войны... Т.4. С.339.

² АКАК. Т.2. С.772.

³ История народов Северного Кавказа. Конец XVIII–1917г. ... С.24–25.

⁴ Внешняя политика России XIX – начала XX вв. М., 1962. Т.3. С.591.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 50. Л. 339.

щу Курлику, который на предложение Сурхай-хана идти к нему на службу прямо заявил: «Перестань без надобности беспокоить народ и иди на соглашение и дружбу с русскими»¹.

Особенно примечательно то, что тогда же к российским властям с просьбой о покровительстве обратились жители 12 лезгинских селений во главе с Абакаром Муртазалиевым. Сообщая об этом своему начальству, капитан – исправник Телава подчеркивал: «Они идут в подданство России по двум причинам: дабы обитать под владением монарха, славно превозносившегося непобедимым оружием и чтоб невозбранно был пропуск ездить для торговли в край под державою России находящийся». «Со своей стороны, – продолжает он далее, – дают они обещание служить с выгодами российскому правительству»².

Тем временем Сурхай-хан и другие приверженцы Ирана продолжали подготовку к антироссийским акциям. Наиболее активно среди дагестанских феодалов действовал Сурхай-хан, которому путем подкупа и угроз удалось собрать небольшой отряд. Параллельно с ним в селении Карамурат недалеко от Елисаветполя собрались бежавшие ранее в Иран феодалы: царевич Александр, Гусейн Кули-хан, Насиб-бек Шимшидильский и другие. «Намерение их не прежде осмелиться пуститься к Елисаветполю, – доносил об их планах майор Кочне, – покамест не покажется Шихзаде (наследник шаха Аббас-Мирза. – Авт.) с войсками сюда, а пока они заняты привлечением народа на свою сторону, рассылая письма, фирманы»³.

Указанные события были связаны с тем, что с начала 1806 г. иранское руководство запланировало более широкое участие дагестанских феодалов в войне против России. По планам иранского командования, владельцы Шеки и Шемахи, Сурхай-хан Казикумухский, Ших Али-хан Дербентский и другие должны были отвлечь основные силы русских войск от Елисаветполя к Нухе и от Алазани к Джарам, а затем, отрезав им все пути к отступлению, истребить их прежде, чем подоспеет помощь из Тифлиса. Наличие такого плана у персов, предварительные переговоры по этому вопросу с дагестанскими феодалами подтверждаются и другими источниками⁴. В этой связи следует согласиться с Г.А. Джахиевым в том, что «вышеприведенные доку-

¹ Цит. по: Очерки по истории Дагестана... Т.1. С. 185.

² ЦГИА РФ. Ф. 2. Д. 466. Л.3.

³ АКАК... Т.3. С.477.

⁴ Там же. С. 268, 271,413,414; Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т.1. С.235–236.

менты показывают возрастание роли и значимости Дагестана в кавказской политике Ирана в период войны»¹.

Однако реализовать свои планы правителям Ирана и их приверженцам на Кавказе не удалось. К этому времени в Дагестан вступили русские войска под начальством командующего в крае генерал-лейтенанта Л.И. Глазенапа. Отряд под командованием полковника Корягина разбил войска Аббас-Мирзы, а отряд под предводительством майора Котляревского вынудил Сурхай-хана вернуться в свое владение.

Следует отметить, что успехи русских войск обуславливались не только качеством вооружения и профессиональным военным искусством, но и благожелательным отношением населения Приморского Дагестана и его существенной поддержкой по пути следования русских войск². Мало того, многие горцы изъявили желание принять участие в войне против Ирана; часть их была зачислена на русскую службу. Примечательно и то, что в местечке Бойнак к войскам Глазенапа присоединился тарковский шамхал Мехди, за что он получил в управление Улусский магал Дербентского ханства «в вознаграждении услуг и верности, оказанных престолу»³. Не менее знаменательно и то, что, узнав о движении русских войск, дербентцы повторно изгнали Ших Али-хана, выбрали правителем Али Пенах-бека и отправили депутацию к Глазенапу в знак изъявления своей верности российскому престолу. Как свидетельствует очевидец, при подходе русских войск к Дербенту «великое множество народа вышло навстречу, что между отрядом и городом составила живая улица»⁴.

21 июля 1806 г. русские войска вступили в Дербент, вошедший с тех пор окончательно в состав России. «При сем добровольным покорением, – доносил Глазенап, – жители дербентские..., сами изгнавшие непокорного Ших Али-хана ... на другой день приведены к присяге на вечную верность и подданство России»⁵. За оказанную верность русское командование объявило дербентцам благодарность и освободило их от подводной повинности. 23 августа 1806 г. Дербентское ханство было передано в управление тарковскому шамхалу

¹ Джахиев Г.А. Указ. соч. С.37.

² История Дагестана... М., 2004. Т.1. С.459; Магомедов Н.А. Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2005. С. 80–81.

³ АКАК... Т.3. С. 408–410; Омаров А.И. Указ. соч. С.97.

⁴ Цит. по: История Дагестана... М., 2004. Т.1. С.459.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 56. Л.25–28.

Мехди. «Сверх жалования, – говорилось в дарственной грамоте шамхалу, – какое получаете вы на содержание в готовности войск на службу нашу и обороны вашего владения, позволяем вам пользоваться всеми доходами ханства Дербентского по прежним правам и обычаям, за исключением города Дербента и доходов онога, которые должны поступать в нашу императорскую казну»¹.

В дальнейшем русские войска продолжали успешные операции. Заменявший Глазенапа генерал А.С. Булгаков 3 октября 1806 г. без боя занял Баку, после чего шамхал Мехди за оказанную помощь русским войскам был объявлен ханом Бакинским. Присоединив к России Бакинское ханство, Булгаков направился в Кубу. Узнав об этом, Ших Али-хан обратился к нему с просьбой «простить ошибки» и в знак покорности прислал «знатных аманатов». Прекрасно зная цену заверениям Ших Али-хана, Булгаков занял без боя Кубу и отстранил его от власти с правом поселения в выбранном им ауле². Одновременно Гудович поручил Булгакову бдительно следить за Ших Али-ханом и «под благовидным образом его иметь в своих руках»³.

Но «приручить» Ших Али-хана, принятого в российское подданство, Булгаков не смог. Спустя некоторое время, боясь преследования русских властей, Ших Али-хан направился в Кази-Кумух. Угроза объединения сил двух наиболее влиятельных противников России стала реальной, подвигла Булгакова на более активные действия. Достигнув селения Цейхур по направлению к Кумуху, Булгаков направил к Сурхай-хану своего курьера с требованием подписать договор о принятии российского подданства. Однако, узнав о приходе на помощь к Сурхай-хану трехтысячного войска во главе с Ших Али-ханом, Булгаков ограничился лишь принятием от Сурхая присяги на верность России⁴.

Следует отметить, что на события в Дагестане и Восточном Закавказье оказали влияние действия не только России и Ирана, но и их постоянной соперницы по кавказским делам – Османской империи, пользующейся, как и Иран, активной поддержкой со стороны Англии, Франции и других западных держав. При этом особое внимание уделялось Ирану, пытавшемуся доминировать в Южном Кавказе, в то время как Турция стремилась к гегемонии на Северном и Западном Кавказе. Достаточно сказать, что накануне и в период продолжаю-

¹ Цит. по: История Дагестана. М., 1968. Т.2. С. 19.

² АКАК... Т. 3. С.389.

³ Там же. С.392.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 52. Л. 140–144.

щейся русско-иранской войны Ираном были подписаны два договора с Англией, один – с Францией и один – с Россией. Причем в англо-иранском и англо-французском договорах центральное место занимала обещанная военная, политическая и финансовая помощь в войне против России и в их взаимном соперничестве по кавказским делам¹.

Выполнение условий англо-иранского договора 1801 г. понадобилось в связи с тем, что после взятия Дербента и Баку в 1806 г. русские войска заняли Сальяны, Мугань и другие города, и районы Закавказья. Недовольная этим, иранская сторона предложила Лондону оказать обещанную помощь по англо-иранскому договору 1801 г., но Англия, ставшая в 1805 г. союзницей России по антинаполеоновской коалиции, не выполнила это условие, чем воспользовался Наполеон Бонапарт.

Обстановка благоприятствовала давлению Парижа на Тегеран, так как в кавказские дела вмешалась третья сторона – Турция, объявившая войну России в декабре 1806 г. При этом османский двор делал серьезную ставку на дагестанских горцев, которые, по мнению известного государственного деятеля и придворного историографа Турции Джевдет-паши, были «самые воинственные из народов того края и более всех жаждущие боя, видя, как неприятель мало-помалу захватывает мусульманские земли, страшились, чтобы, наконец, очередь не дошла до них»².

Однако при этом нельзя признать достоверным однозначное утверждение турецкого историка Рахми Туна о том, что «в османорусских войнах кавказцы становились на сторону османов и вместе с ними сражались против русских»³. Приводимый ниже материал показывает, что хотя и имели место единичные случаи аналогичного характера, в целом народы Кавказа боролись за свою независимость, становясь все чаще на сторону России.

В такой ситуации в мае 1807 г. был подписан оборонительно-наступательный ирано-французский договор. По этому договору шах обязался разорвать дипломатические отношения с Англией, объявить

¹ История Ирана. М., 1977. С. 226–228; Бина А.А. Тарих-е сийаси-йе ва дипломаси-йе Иран (1722–1828) Техран, 1374. С.118–119, 148; Atkin M. Russia and Iran 1780–1826. Minneapolis, 1980. P. 166.

² Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192г. по 1202г. хиджры // Русский архив, 1888. Ч. 3. С. 385.

³ Tuna R. Çerkeslerin Kafkasyadan söcu // Kafkasya userine beş konferans. Istanbul, 1977. S. 120.

ей войну, открыть иранские Порты в Персидском заливе для французской эскадры. Наполеон гарантировал неприкосновенность территории Ирана, обещал добиться возвращения Россией Ирану Грузии, обязался снабжать иранскую армию оружием и военными инструкторами. Обе стороны обязались в случае войны одной из них с Россией действовать против нее совместно¹.

Однако и Франция не выполнила условия этого договора, так в июле 1807 г. был подписан Тильзитский мирный договор между Францией и Россией и союзный трактат, направленный против Англии. Поэтому Наполеон Бонапарт отказался помогать Ирану в войне против России, что привело к резкому обострению франко-иранских отношений.

Следует иметь в виду, что дипломатические комбинации западных держав с Ираном, вовлекавшие его в русло их восточной политики, оказывали непосредственное влияние на Дагестан и Кавказ. Ободренные началом русско-турецкой войны, подталкиваемые Францией, иранские правители настойчиво требовали восстановления прежних границ, включая, как гласит один из источников, «Кизляр... весь Дагестан и другие области Северного Кавказа»². Об этом же свидетельствует письмо Аббас-Мирзы Гудовичу от 25 мая 1808 г., в котором говорилось: «Вашему сиятельству неизвестно, что многие воды в окрестностях Моздока составили границу между Персией и Россией, что Иран не откажется от покровительства своим владениям»³. Несмотря на абсурдность этих утверждений, великий визирь так же внушал: «Известно, что искони границы Персии составляли Грузия, Дагестан и сопредельные части по ту сторону Моздока»⁴.

Затягивая переговоры с Россией, шахское правительство поддерживало активные контакты с Портой, чтобы договориться с ней о совместных выступлениях против России. Касаясь причин такой политики Тегерана, иранский историк Джамил Гузанлу писал: «Иранский шах был намерен продолжать войну, но ни денег, ни войск, обученных и вооруженных в достаточном количестве, не было. Две регулярные армии, созданные в последнее время, в течение трех лет вой-

¹ История Ирана... С.227.

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе...Т.5. С.181–182.

³ АКАК... Т. 3. С.438.

⁴ Там же. С. 462–463, 482–483.

ны были истреблены. Третий год войны был таким годом, что для ведения войны требовалось создать все снова»¹.

Тем временем Иран успел договориться с Портой о совместном выступлении против России. Летом 1807 г. сераскер Юсуф-паша от имени Порты велел правителям азиатских областей Турции следовать со своими войсками на соединение с иранцами, когда русские начнут военные действия в Эриванской области. Со своей стороны, Фетх Али-шах обещал оказать военную помощь османам. «Их план был таков, – подчеркивает А.А. Бина, – что турецкие части с востока и иранские войска с запада должны были войти в Грузию»².

Однако реализовать этот план им не удалось. Первое же крупное сражение на р. Арпачае 30 июля 1807 г. показало глубокий просчет турецкого султана насчет поддержки горцев Кавказа. Наоборот, 6-тысячный русский отряд, благодаря поддержке горцев Кавказа, одержал полную победу, разгромив 20-тысячную турецкую армию. Наблюдавший за исходом этого сражения на пограничной полосе с 35-тысячным войском Аббас-Мирза поспешно удалился в Нахичевань. Наметившийся союз между Ираном и Турцией был отсрочен, а затем и вовсе отпал³.

Однако, несмотря на такие неудачи, правящие круги Ирана и Турции продолжали засылать своих агентов в Дагестан и другие области Кавказа. Подтверждение тому – сообщение побывавшего в сентябре 1807г. в Тебризе жителя Дербента Ибрагима Керим-оглы коменданту Баку Гурьевичу о том, что во время его пребывания в Тебризе ему «приказали от имени Шах-заде и всех ханов» передать наибу Дербента Али Пенах-беку, чтобы он вместе с почетными беками города организовал восстание против России, пригласил бы на помощь иранские войска, обещая им большие вознаграждения. Но наиб Али Пенах-бек не только не принял это предложение, а передал коменданту Ибрагима-оглу, предлагая в целях безопасности удалить из города «тамошнего жителя Саид-Зеки, который (оказался), по словам Гурьева, «в согласии с сим шпионом»⁴.

Несмотря на этот и другие провалы, из Тегерана в Дагестан продолжали прибывать новые эмиссары с фирманами самого шаха и воззваниями Аббас-Мирзы. Так, согласно сообщению того же Гурьева от 10 марта 1808 г., до него дошли сведения о переговорах иран-

¹ Цит. по: Очерки по истории Дагестана... Т.1. С. 186.

² Бина А.А. Тарих-е сийаси-йе... С. 125.

³ АКАК... Т.3. С.548–549; История Дагестана... М., 2004. Т.1. С.461.

⁴ АКАК... Т.3. С. 388–389; Джахиев Г.А. Указ. соч. С. 44–45.

ских курьеров с отдельными дагестанскими владетелями и старшинами. О получении Ших Али-ханом воззваний иранского шаха в 1808 г. свидетельствует его письмо, адресованное в том же году первому визитю шахского двора Мирзе Мамед-шефи¹. Поддерживая притязания шаха и Аббас-Мирзы, он «разъяснял» Ших Али-хану и его сторонникам: «Русские выражают желание и намерение при заключении мира установить границу между их и нашей империями по южной границе Грузии и Дагестана. Между тем... всему миру известно, что эти земли с древнейших времен входили в состав Персидской империи и что северной границей этого государства, отделяющей его от России, был Моздок»².

Особое внимание эмиссары шаха уделяли Дагестану и Центральному Кавказу, где пролегали главные коммуникации, связывавшие Россию и Северный Кавказ с Закавказьем. Поэтому сторонник Ирана царевич Александр направил значительные денежные средства Ших Али-хану, Сурхай-хану и их сторонникам, чтобы они могли сформировать наемное войско для борьбы против России. Применяя подкупы и угрозы, Ших Али-хану удалось сформировать небольшой отряд, с помощью которого в 1809 г. он захватил Кубу³, но вскоре вынужден был отступить оттуда, так как против него выступили табасаранский кадий, кайтагский уцмий, тарковский шамхал и другие владетели Дагестана, поддерживавшие русские войска. Разбитый наголову, отступив в Акушу, Ших Али-хан немедленно обратился с жалобой в Тегеран к Мирзе-Шефи на то, что многие дагестанские владетели «изменили богу и шаху», стали «усердны и соединены с русскими»⁴.

Твердая позиция российских властей и поражение Ших Али-хана имели позитивные последствия для развития русско-дагестанских отношений. Летом 1809 г. к российским властям обратился горский старшина Гитинав Сагитов с извещением о том, что прислан от Шадронского и Ансалтинского союзов сельских общин, выразивших желание вступить в российское подданство. Если российскому начальству будет угодно, заявил он далее, то каратинский старшина Курбит и он сам, Гитинав, могут выделить в поддержку русских войск свои ополчения. Тогда же с аналогичной просьбой к

¹ Там же. С. 389–392.

² Внешняя политика России XIX – начала XX в... Т. 4. С. 661.

³ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан... С. 12.

⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 68–69.

русским властям обратились старшины Балхадарского, Тандальского и других союзов сельских общин Южного и Центрального Дагестана.

После того как в присутствии русских офицеров и «всего народа» старшины от имени союзов своих общин «поклонились на верноподданство и подписали условия», отдали в знак верности аманатов из лучших семейств, в подданство России были приняты «вольные общества Балхарское, Ансальтинское, Шародинское, Тиндальское, Рогенческое, Бижитинское, Калакское, Мааламское, Чугское а также «вольные магалы Ахтынский, Алтыпаринский, Мискинджинский, Докузпаринский и др.»¹

Позиция воинственных жителей союзов сельских общин оказала влияние и на феодальных владетелей Дагестана. Так, владетель Аварии Султан Ахмед-хан в присутствии князя Орбелиани повторно дал присягу на верность России. Мало того, Сурхай-хан Казикумухский, открыто заявивший недавно, что он никогда не был склонен «да и впредь не намерен» принять подданство России, вынужден был теперь изменить свою политику, выразив готовность выполнить любые условия, предложенные российским командованием².

Невыполнение Францией условий франко-иранского договора в период усиления пророссийской ориентации владетелей и старшин Дагестана и Закавказья вызвало недовольство со стороны иранского руководства, чем не замедлила воспользоваться английская дипломатия. В марте 1809 г. был подписан предварительный англо-иранский договор, согласно которому шах обязался порвать отношения с Францией и другими враждебными Англии государствами, а также не препятствовать пребыванию английской военно-морской эскадры в Персидском заливе. Что касается Англии, то она обязалась выплачивать шаху до окончания войны Ирана с Россией ежегодную субсидию в 160000 туманов, прислать военных инструкторов и оружия для иранской армии. Таким образом, этот договор был направлен против России, препятствовал переговорам о мире, который вел Аббас-Мирза с главнокомандующим русскими войсками на Кавказе А.П. Тормасовым³.

В том же году был подписан и англо-турецкий договор, способствовавший сближению Ирана с Турцией, после чего оба соперника России возобновили с ней военные действия. Касаясь причин тако-

¹ Там же. Л. 282.

² Там же. Д. 6168. Л. 113–114. Д. 6164. Ч. 64. Л. 51.

³ История Ирана... С. 227–228.

го шага одной из них, а именно Ирана, Тормасов подчеркивал: «Война нынешнего лета, поднятая персиянами, была следствием напряжений к сему англичан посредством рассыпанного в Персии щедрой рукой золота... Сами персияне (и даже посланец Персии, приезжавший к нему, сообщал Тормасову), не скрыл от него, что английский посол при персидском дворе не щадил денег, чтобы восстановить персидское правительство против России и разорвать мирное отношение»¹.

Снабжая царевича Александра и других антироссийски настроенных феодалов, добиваясь активного содействия горцев Кавказа своим гегемонистским планам, правители Ирана, как и прежде, основное внимание уделяли Дагестану. Не случайно в одном из воззваний к горцам Дагестана в 1809 г. царевич Александр открыто заявил: «Я имею с собою силу и казну трех сильных держав – всего Ирана, османов и англичан». Об этом же свидетельствует подстрекательство против России Ших Али-хана и Сурхай-хана по указке из Тегерана бывшим ширванским ханом Мамед-Хасаном «в пользу Баба-хана и четью-роизвест-восстани». «Имеется в виду, – сообщает-ся в одном из донесений, – чтобы Баба-хан с той, а они с этой стороны общими силами произвели возмущения и беспорядки»³.

Одновременно Англия активно добивалась создания антироссийского ирано-турецкого альянса. Благодаря стараниям Лондона в августе 1810 г. был заключен ирано-турецкий союз против России. После этого союзники предприняли совместные усилия, чтобы поднять восстание в тылу русских войск от Черного до Каспийского моря. В Дагестан, Азербайджан, Грузию, Кабарду и другие области Кавказа были посланы агенты с множеством воззваний иранского шаха Аббас-Мирзы и турецкого султана Махмуда II⁴.

Однако нарастание движения на Кавказе за присоединение к России опрокинуло планы Тегерана и Стамбула, парализовало деятельность Ших Али-хана, Сурхай-хана и их сторонников. Первый из них искал удобного случая сбежать в Иран, второй в июле 1810 г. принял «присягу на верность е.и.в.»⁵, что, по мнению Тормасова, было «очень полезно для России»⁶.

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6184. Л.117.

² АКАК... Т.4. С. 125–127.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 64. Л. 59 об.

⁴ ЦГИА РГ. Ф. 16. Д.852. Л.1–3; АКАК... Т.4. С. 468–469, 602–608, 66–667, 670.

⁵ АКАК... Т.4. С. 626–627.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 17. Л. 30–35. Ед. хр. 143. Л. 21–22.

Не менее полезным было и то, что в сентябре 1810 г. объединенные силы турок и иранцев были разбиты русскими войсками в сражении под Ахалкалаки, что вызвало тревогу у правящих кругов Англии. Чтобы не допустить прекращения войны Ирана с Россией, она выделила шаху 600000 туманов деньгами, 20000 первоклассных ружей, 32 орудия, значительное число инженерных и артиллерийских офицеров. «Англичане же, в Тавризе находящиеся, – доносил Торма-сов в феврале 1811 г., – со всею деятельностью обучают персидских артиллеристов и настаивают от наследника Персии (Аббас-Мирзы. – Авт.) непременно следовать в наши границы и произвести решительные действия»¹.

Сказанное подтверждает, что, несмотря на неоднократные неудачи, попытки Лондона и Тегерана организовать антироссийские выступления не прекращались. С этой целью к Ших Али-хану прибыли эмиссары шаха, которые привезли 4000 червонцев и разные товары. К Сурхай-хану также прибыли «турецкий хаджи и чиновник персидский» с письмами и деньгами. В Аварию, Кайтаг, Табасаран, Ахтыпару, Докузпару и другие места Дагестана были доставлены фирманы шаха, призывающие горцев подняться на священную войну против России².

Ших Али-хан, польщенный обещаниями «получить награды и подарки больше, чем в прежние времена», вкуче с сыном Сурхай-хана Нухбеком, предпринял попытку овладения Кубой, но был разбит генералом Хатунцевым, которого поддержал отряд из горцев под командованием Арслан-бека Казикумухского, что не осталось без последствий. В феврале 1811 г. жители Ахтыпарынского, Докузпаринского и Алтыпарынского союза сельских общин вновь подтвердили подданство России. В начале 1812 г. притесняемые Сурхай-ханом жители Кюринского ханства обратились за покровительством к России и были присоединены к ней под управлением Арслан-бека Казикумухского. Под влиянием этих событий Сурхай-хан вновь дал присягу на верность России, но жители ханства, не веря его обещаниям, утвердили ханом в Кумухе сына Сурхая Муртазали-бека, после чего он сам отправился в Тебриз просить помощи у иранского шаха³.

¹ АКАК... Т. 4. С. 755.

² АКАК... Т. 4. С. 675. Т.5. С. 162–163; История Дагестана... М., 2004. Т.1. С.463.

³ ЦГИА РГ. Ф.2. Д.917. Л.36–37; Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе... С. 298.

В июле 1812 г. прибывшая к генералу Хатунцеву депутация «акушинского народа» с ходатайством о присоединении к России учинила «от имени всего народа равномерно...присягу на верность е.и.в. и почтеннейшие» среди членов делегации «утвердили оную своими печатями». Присоединением Казикумуха и Акуша-Дарго в 1812г. по существу завершилось объединение Дагестана и России¹.

Однако до международного признания этого исторического акта России пришлось успешно завершить продолжавшиеся войны с Турцией и Ираном, по-прежнему пользовавшимся активной поддержкой Англии и Франции. Несмотря на это, иранские и турецкие войска терпели одно поражение за другим. Так, 8 декабря 1811 г. русские войска в Закавказье под командованием генерала Котляревского наголову разбили в несколько раз превосходившие силы турок в сражении при Ахалкалаки. «Ахалкалакская крепость, – отмечал Тормасов, – понизив надменное чело свое, перед русским оружием пала»².

Одновременно на Балканах русские войска под командованием М.И. Кутузова одержали ряд блестящих побед. Наиболее впечатляющей из них оказалась битва под Рушуком, закончившаяся победой над четырехкратно превосходящими силами османов с капитуляцией 12-тысячного турецкого корпуса. «Погиб цвет отборного турецкого воинства, – подчеркивает один из авторов истории этой войны. – Впоследствии Порты никогда не могла выставить в поле армии подобной, какою в 1811 г. предводительствовал Ахмед-паша»³. По Бухарестскому мирному договору 1812 г. Порты признала за Россией занятые русскими войсками территории в Закавказье: Грузию, Имеретию, Мингрелию, Гурию и Абхазию.

Русское правительство, желая закончить войну в Закавказье, тогда же предложило Ирану прекратить военные действия на достигнутой каждой из сторон рубежах, но иранская сторона отвергла это предложение. Касательно соображений иранского руководства по этому вопросу в одном из сочинений дается такая трактовка: «Персы, побуждаемые более от англичан, кои, обучая их войска европейской тактике, снабдили своими офицерами, канонирами, артиллериею и ружьями» и ободренные восстаниями в Кахетии, отклонили предло-

¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д.6164. Л.518–523; История Дагестана... М., 2004. Т.1. С.164.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2889. Л. 67.

³ Цит. по: Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование Александра I с 1808–1812гг. СПб, 1843. Ч.1. С. 230–231.

жение России. Вторжение Наполеона в Россию усилило надежды персов на легкие успехи в Закавказье»¹.

Даже в столь ответственный момент, когда Наполеон Бонапарт, покорив почти всю Европу, с 600-тысячной армией ринулся на Россию, английский посол в Иране Гор-Аузли, нарушая условия англо-русского союзного договора 1812 г., активно продолжал антироссийскую политику. Покровительство Англии, как сообщается в одном из источников, привело к тому, что «персидское правительство, с гордостью кичась заведенными... регулярными войсками и иностранной артиллерией, отвергнув самые снисходительные и полезные» для нее предложения, предприняла новое наступление². Участвуя в этом наступлении, отряды под командованием француза Друвиля заняли крепость Ленкорань. А передовые отряды майора английской службы напали на укрепленные места в надежде одним ударом «разрубить стену», но потерпели поражение³. В своем донесении майор Веселой прямо указывал, что «с англичанами имеют дело, а не с другими коими-либо... Они действуют единодушно с персами против нас, несмотря на заключение мира с Англией»⁴.

В октябре 1812 г. русские войска под командованием Котляровского, опередив персов, стремительно атаковали противника и наголову разбили его войска. Сам Аббас-Мирза едва спасся бегством. В этом бою иранскими войсками «командовал английский майор Криссати..., а артиллерией армии управлял ... капитан Лидсней»⁵. Внушительные победы русской армии, несмотря на все старания Англии, вынудили Иран отказаться от прежних своих «требований и снизить до согласия поставить мир на основании *status quo and presentis*»⁶.

Вслед за этим 12 (24) октября 1813г. в местечке Гюлистан был подписан русско-иранский мирный договор, согласно которому (ст. 3) Иран признавал присоединенными к России Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Ширванское, Талышинское, Кубинское и Бакинское ханства Азербайджана, весь Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию, Абхазию, все владения и земли, находящиеся между

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т.1. С. 191.

² ЦГИА РГ. Ф. 16. Д. 1380. Л. 1–2.

³ АКАК... Т. 5. С. 593.

⁴ Сологуб Б. Биография генерала Котляровского. СПб., 1901. С. 150, 151.

⁵ ЦГИА РГ. Ф. 16. Д. 1380. Л. 1–2.

⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1258. Ч. 4. Л. 901–904.

Кавказской линией и новой границей между Ираном и Россией¹. Большое значение имело и то, что статья 5 этого договора предоставляла России право держать военные суда на Каспийском море. Со своей стороны, Россия признавала Фатх Али-шахом Ирана и обещала ему политическую поддержку. Сказанное в ст. 3 означает, что Дагестан после девяностолетнего периода со времени Петербургского договора 1723 г. снова вернулся в состав России.

Итак, конец XVIII – начало XIX в. ознаменовался важными событиями, высветившими роль Северо-восточного Кавказа на кавказской арене, возрастание его влияния на международные отношения этого периода. Конкретное выражение этого фактора проявилось накануне и после подписания российско-грузинских и русско-дагестанских соглашений 1783 и 1802 гг., а затем российско-иранского Гюлистанского договора 1813 г.

Главными событиями этого периода стали русско-иранская (1804–1813) и русско-турецкая (1806–1814) войны, в ходе которых большинство представителей феодальной знати и предводителей союзов сельских общин Дагестана в условиях продолжавшегося противоборства между Россией, с одной стороны, и Ираном и Турцией при активной поддержке Англии и Франции – с другой, сделали выбор на единение с Россией, предопределившей присоединение Дагестана к России.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. докладов. М., 1998. С. 307; Полный текст договора см.: Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т. Д. Юзефович. СПб., 1869. С. 208–214.

ГЛАВА V. АНТИРОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В XIX В.

5.1 Кавказская политика наполеоновской Франции

Проблема антироссийской политики иностранных государств – не старая и до конца нерешенная тема. Вопрос об антироссийской политике Франции на Северо-восточном Кавказе в отечественной историографии ставится не впервые.

В своей кавказской политике противоборствующие стороны особое значение придавали Северо-восточному Кавказу из-за его военно-стратегического и экономического положения. Через Северо-восточный Кавказ проходили важные пути транзитной торговли между Западом и Востоком.

Показателем значимости Северо-восточного Кавказа для России и других мировых держав является поход Петра I в Северо-восточный Кавказ сразу после завершения Северной войны. Когда у России проблемы были более чем достаточны, Петр I нашел время и средства для этого похода. В конце XVIII в. российской дипломатией был разработан план Кавказской политики России, где перед командованием на Кавказе на первое место ставили задачу овладения восточным побережьем Каспийского моря. Однако обладание одним побережьем не могло быть прочным без господства над прилегающими землями, среди которых на первое место ставили Дербент и некоторые близлежащие земли, которые должны были быть непосредственно присоединены к Российской империи в первую очередь¹.

После того как Россия начала проводить свою кавказскую политику, иностранные государства начали активную антироссийскую борьбу, одновременно западные страны развернули антироссийскую идеологическую борьбу против России, где они утверждали версию об извечной агрессивности России, а политику Англии, Франции, Ирана и Турции – оборонительной. Особенно в этом плане старались защитники и теоретики западноевропейской колониальной политики. Они обвиняли Россию во всех дипломатических и военных конфликтах, говорили о неспособности России приобщить к цивилизации народы Кавказа, защитить их от агрессивной России и спасти от физического уничтожения.

¹ ЦГА ДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. II. Л. 47.

Таким образом, они создали перед европейским общественным мнением образ России как «извечного агрессора». Необходимо указать, с тех пор Россия не может избавиться от этого образа. Даже когда Россия не виновата, ей всегда приходится оправдываться. Когда Россия пытается регулировать ту или иную, даже внутреннюю, проблему, поднимаются старые обвинения. Похожие проблемы продолжают и сегодня вокруг России.

Об этом свидетельствуют события, происходящие на Украине, в конечном итоге направленные против России. Еще более ста лет тому назад первый канцлер Германской империи Бисмарк, названный современниками «великим человеком XIX столетия», который был послом в России, изучив ее досконально, пришел к выводу: «Внешняя угроза для России не представляет опасности. Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, стравить две части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не сознавая этого. Все остальное дело времени». То, что происходит на Украине, не случайное явление, а заранее подготовленная антироссийская провокация с далеко идущими планами.

Во-первых, все участники кавказского конфликта вели захватническую политику по отношению к Кавказу; во-вторых, они все преследовали свои личные интересы; в-третьих, мы не можем соглашаться с заявлением, что Англия и Франция были защитниками народов Северо-восточного Кавказа. Этот тезис звучит кощунственно, зная подлинное лицо их колониальной политики. Тогда как сами в своих колониях проводили человеконенавистническую политику, планомерно уничтожая коренное население целых континентов.

Проведение кавказской политики Россией было экономической и политической необходимостью. Обосновывая необходимость присоединения к Российской империи Северо-восточного Кавказа, официальные представители правительства России писали, что для России огромное значение имеет торговля с Персией. Однако торговля с Персией пришла в упадок. Как свидетельствуют официальные материалы из архивов страны, товарооборот по некоторым видам товаров между Россией и Персией сократился почти в 40 раз. «Поскольку причиной застоя каспийской торговли являются смуты в Персии, от-

мечают официальные представители, России не остается другого средства для того, чтобы пресечь корни этого зла, как занять все восточное побережье Каспийского моря и принять затем меры для возрождения порядка и доверия – основ торговли»¹.

Зарубежная историография, которая оправдывает политику антироссийской коалиции, продолжает работать в этом направлении и в наше время. В частности, в последних публикациях пишут, что группа французских историков на убедительных материалах, выявленных из турецких архивов, фондов султанской канцелярии, сумела опровергнуть утвердившееся в советской историографии пристрастное убеждение в настойчивом желании Порты плести заговоры против России. Бесспорно прав исследователь, говоря, что основой западно-европейской внешнеполитической ориентации Турции являлась собственная слабость, с чем и был связан расчет на поддержку сильных европейских стран. Этот курс в период обострения «восточного вопроса» на рубеже XVIII–XIX вв. был ориентирован преимущественно на Францию.

Здесь необходимо отметить, что частично прав автор, потому что не было ни одного случая, чтобы Англия или Франция по желанию восточных стран принимали участие в антироссийских выступлениях. Не потому, что не было заговоров, их было больше чем достаточно, о чем свидетельствуют результаты анализа политики Порты российским послом в Стамбуле, который пришел к выводу о том, что Султан поддержит любого во всем в борьбе против России².

Турция и Иран всегда пытались использовать европейские страны против России. Однако мы не встретили ни одного случая, когда страны Западной Европы в интересах Турции или Ирана принимали участие в антироссийских провокациях. Напротив, западноевропейские страны использовали Турцию и Иран в своих интересах, когда это было необходимо им. В основном они свою антироссийскую политику на Востоке проводили руками восточных стран. Обычно, когда появлялась необходимость ослабить российское влияние в европейских делах, страны Западной Европы искусственно разжигали конфликты на Кавказе, вплоть до военных столкновений, заранее зная обреченность этой затеи, толкали их на войну с Россией.

¹ Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. С. XXII.

² АКАК. Т. 2. С. 343.

Западноевропейские страны не считались с интересами восточных стран, о чем свидетельствует Тильзитский мир, который Наполеон заключил с Россией – главным врагом Турции и Ирана, даже не поставив их в известность.

Таким образом, западноевропейские страны не только использовали Турцию и Иран, но и смотрели на них как на своих в будущем потенциальных колоний. Перед французской миссией в Иране, по указанию Наполеона, ставились дополнительно секретные задачи – изучить ресурсы Ирана не только в военном отношении, а в возможном экономическом проникновении в Иран, захват иранского рынка и сырьевых ресурсов страны. Выражая мнение французского правительства, Гардон писал: «Самое счастлирое, что могло бы случиться для персов, это если бы они полностью подпали под французское влияние». Кроме того, французская разведка изучала Кавказ, его экономические и политические возможности. Особое внимание уделяли Северо-восточному Кавказу и Каспийскому побережью. Французы заинтересовались политическим положением и настроением местного населения. Таким образом, конечная цель французских планов, кроме других, поддерживая притязания Ирана на Кавказ, освободить его от России руками Ирана и подчинить затем все своему влиянию¹.

Некоторые зарубежные авторы дают положительную оценку относительно кавказской политики России, подчеркивая, что движение на Кавказ для России являлось не вопросом свободного выбора, а «суровой» политической необходимостью.

Поддерживают это мнение и некоторые современные историки, полагая, что российское вмешательство в отношении народов региона было обусловлено «опасением», что в противном случае этот регион, и без того нестабильный, может стать базой для военных действий враждебной державы, азиатской или даже европейской, и новые территории на юге окажутся под угрозой².

Некоторые историки восточных стран наконец-то тоже пришли к выводу о том, что западноевропейские государства преследовали свои интересы. Не зная тонкости европейской политики, турецкие государственные деятели, надеясь на помощь Англии и Франции, вступали в войну с Россией.

¹ Иоаннисян А.Р. Указ. соч.

² Цит. по: Махмудова К.З. Зарубежная историография об утверждении России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX веков / Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теория и практика). Махачкала, 2012. С. 37.

В XVIII в. впервые столкнулись интересы России и Франции на Востоке. Многочисленные французские миссионеры в Иране, которые вели борьбу против усиления влияния Англии, впервые начали борьбу за вытеснение России с персидского рынка.

Французская дипломатия, создавая враждебную коалицию, добивалась совместного выступления Ирана и Турции, толкая их на захват Северного Кавказа и русских земель до Казани. Французский резидент де ля Шатерди убеждал своих коллег, что «общие религиозные интересы могли бы соединить турок и персов». Он также внушал иранскому посланнику, что в поражении Надир-шаха в Дагестане решающую роль сыграло участие, принимаемое Россией¹.

Успехи России в торговле с Турцией вызвали недовольство Франции. В восточной политике, в частности присоединением Крыма, Кавказ и особенно Северо-восточный Кавказ стал ареной враждебной деятельности Франции против России. В конце XVIII в. французская дипломатия впервые предприняла попытку создать коалицию против России, натравливая Турцию и Иран против России. Французские дипломаты содействовали улучшению турецко-иранских отношений и добивались заключения оборонительного и наступательного союза Франции, Турции и Ирана против России. Одновременно в задачу французской миссии входило подорвать русско-персидскую торговлю и овладеть иранским рынком. Однако, несмотря на все свои усилия, французам полностью вытеснить Россию из иранского рынка не удалось, так как почти всецело торговые сношения с Ираном находились на севере Каспийского побережья.

Интерес французской дипломатии к Ирану и Турции объяснялся не только желанием проникнуть на восточные рынки, но и, в первую очередь, отвлечь Россию от европейских дел, вовлечь ее в конфликты с другими державами, нанести ей возможный вред и ослабить ее, что являлось одной из главных задач французской дипломатии.

По поводу отвлечения сил и средств России в своей докладной записке директор, ведавший вопросами внешней политики Франции, писал, что следует принудить Россию рассеять свои силы и непрерывно тревожить ее диверсиями со стороны турок, персов, татар и др. (под татарами они подразумевали горцев Кавказа). О чем свидетельствует очередная фирман Султана ко всем мусульманам, обитающим

¹ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991. С. 107.

от Черного моря до Дербента, где Селим III писал, что Порта намерена начать войну с Россией, к чему все народы готовятся. Персидский шах, французы и короли других держав желают воевать с Россией и ожидают, чтобы он, султан, начал войну, а также, чтобы турецкие войска усиленно готовились к предстоящей войне¹.

Министерство иностранных дел Франции, получив известия о вторжении иранского шаха Ага-Мохаммед-хана на Кавказ и считая его военное столкновение с Россией неизбежным, своим представителям отправило новое предписание, в котором всячески предлагало поощрять врагов России, воспользоваться войной Ирана с Россией, чтобы создать последней новые затруднения, считало необходимым послать эмиссаров к Ага-Мохаммед-хану и посоветовало поднять мятеж среди «магометанского населения на русской границе», т.е. среди горцев Северо-восточного Кавказа. После чего срочно были отправлены в Тегеран эмиссары, которые должны были побуждать Ага-Мохаммед-хана «к продолжению войны против России»².

Следовательно, деятельность французской дипломатии в Иране, которая всячески провоцировала иранского шаха предпринять поход против русских на Кавказе, была враждебной не только интересам России, но и по отношению к народам Кавказа, которые выступали против иранских войск и ориентировались на Россию.

При Директории у республиканского руководства Франции началась антироссийская истерия. То они хотели объединить вокруг России антироссийски настроенные страны в военную коалицию для совершения диверсий против России, то хотели нанести ей возможный вред и ослабить. Враждебная антироссийская деятельность французской республиканской дипломатии проявляла большой интерес к России по каждому поводу, даже современники отмечали, что такого они не видели при королях. В 1795 г. Франция приложила большие усилия, чтобы отвлечь Россию от европейских дел, обостряя ситуацию на Кавказе. С этой целью на Кавказ были посланы французские эмиссары, чтобы организовать антироссийские выступления и изучить ситуацию на месте. Об этом писал в донесении посол России в Стамбуле Кочубей. «Слухи неслись, что эмиссары якобинские на Кавказ посланы были, в том числе и известный Анжели»³.

¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 179.

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы. СПб., 1869. Ч. II. С. 405.

Маркова О.П. Восстание в Кахетии в 1812. М., 1951. С. 68.

³ АКАК. Т. 2. С. 1136.

С приходом Наполеона к власти восточная политика Франции становится частью его мировой политики. Сам Наполеон не был равнодушен к Востоку, его манил Восток. Поход Александра Македонского в Индию и его подвиги не давали ему покоя. По всей вероятности, видимо, свою роль играли и гены. В наши дни в результате генетического анализа его волос французский генетик Жерар Люкот установил кавказское происхождение предков Наполеона.

Интерес к Востоку Наполеон проявил еще в 1795 г. Будучи совсем молодым офицером, Наполеон обратился с прошением об отправке его в Турцию в числе других в усовершенствовании турецкой артиллерии¹

В начале XIX в. Наполеон обратился к Востоку. Это было не любопытство, а суровая необходимость борьбы против Англии и России. Необходимо было привлечь Россию на свою сторону, а лучше всего было бы добиться полного разгрома России. Но одной Франции справиться с Россией было не по силам. Поэтому наполеоновская дипломатия стремилась сколотить антироссийскую коалицию государств на южных границах Российской империи. Программа создания южного театра военных действий против России была сформулирована Наполеоном в секретной инструкции французскому послу в Турции. В этом документе, определившем восточную политику Франции, говорилось: «Внушать Порте, что Франция хочет ее усиления. Тройной союз, Я, Порты и Персия против России. Пусть союз с Портой станет известным России, Англии, всей Европе. Подчеркивать неприязнь к России; никаких личных контактов с ее посольством. Я не хочу раздела Турецкой империи, хочу укрепить и усилить эту важную империю и использовать ее такой, какой она есть как противовес России»².

После ухода французских войск из Египта Наполеон заключил мир с Турцией и сразу активно начал укреплять политические и экономические позиции на Востоке, в том числе и в кавказском направлении. Здесь Франция хотела превратить Тбилиси в один из своих торговых центров, откуда можно было бы установить торговые сношения с народами Северного Кавказа.

Согласно сведениям английской разведки, Франция в 1802 г. предложила Ирану совместные действия французской и иранской армий против русских на Кавказе, с тем чтобы все территориальные

¹ Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С. 49.

² Сироткин В.Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 56.

приобретения были поделены между договаривающимися сторонами: в предложениях этих предусматривалось также усиление позиции Франции на Кавказе. Между тем о достоверности этих сведений свидетельствуют сопутствующие события. Во-первых, активные действия Ирана по отношению к Северо-восточному Кавказу. Во-вторых, после убийства Павла I русско-французским отношениям пришел конец. Александр I отказался от сближения с Францией. В 1802 г. по сведениям, полученным дипломатической почтой, Наполеон проявил большой интерес к положению в Иране и на Кавказе. Кроме того, русскому послу Наполеон пригрозил вмешаться в дела Кавказа в случае дальнейших попыток России связать ему руки на Западе¹.

Однако, как свидетельствуют официальные материалы, Наполеон не только пригрозил вмешаться в дела Кавказа, а активно вмешивался. В тамошнюю крепость Кизляр пришло указание из Санкт-Петербурга во что бы то ни стало задержать и арестовать «французского шпиона Гильома де Раберека, агента Бонапарта. Онный, по сведениям чинов тайной канцелярии, направляется на Кавказ и в Дагестан, чтобы вести переговоры с бунтовщиками из числа шейхов и местных владельцев»².

После англо-иранского договора Иран получил предложения Франции о совместных действиях против России. Иран начал лавировать между Англией и Францией, подстрекая их активизировать антироссийские происки. С этой целью иранское правительство сделало все, чтобы об этих предложениях Франции стало известно англичанам. Этим они хотели показать англичанам, что их соперники готовы в случае надобности оказать им активную помощь против русских, вплоть до направления французских войск. Таким образом, Англия и Франция спровоцировали Иран начать военные действия против России.

После чего в Константинополь была послана специальная делегация для переговоров о турецко-иранском союзе против России.³ Однако планы французской дипломатии создать военный блок Турции и Ирана против России провалились. Затем Франция хотела ослабить европейскую политику России и отвлечь силы на Восток. Однако, несмотря на все старания французской дипломатии, позиции Франции на Востоке слабели. В этих условиях разочаровавшийся пас-

¹ Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С. 64.

² Джафаров И. Европейцы в Дагестане, или как рождались легенды. Ахульго, 2013. №2. С. 42.

³ АКАК. Т. 2. С. 803–805.

сивностью английской политики, которая не оправдывала надежды Ирана, и получив сведения об успехах Наполеона в европейских делах, иранский шах в письме Наполеону сам предложил заключить военно-политический союз с Ираном. В ответном письме от 16 февраля 1805 г. император выражал радость по поводу того, что шах получил о нем сведения и узнал, как он возвысил Францию над всеми народами..., далее он рекомендовал шаху не следовать советам англичан и бороться против России¹. В апреле, в очередном письме шаху Наполеон писал об общих интересах Персии и Франции и рекомендовал опасаться русских и англичан. В заключительной части Наполеон указал основные направления антироссийской деятельности... В частности, он писал «когда твои границы будут защищены многочисленными крепостями, а на Каспийском море будут развеяться флаги персидской флотилии, ты будешь иметь «неприступную империю и непобедимых подданных»².

Кроме того, Наполеон в своих письмах также провоцировал Турцию и Иран к совместному выступлению против России. В очередном личном письме для Селима Наполеон призывал его оказать помощь Ирану перед угрозой со стороны России. Кроме письменных призывов и рекомендаций у Наполеона на Кавказе работали многочисленные тайные агенты, которые практически на всем Кавказе проводили активную антироссийскую провокационную работу.

Франция через вторые и третьи лица, приближенные к власти, требовала, чтобы Иран и Турция вмешивались в дела Кавказа и выступали совместно против России³.

Французский император, узнав о проблемах англо-иранского договора, сделал иранскому шаху предложение, если Персия откажется от союза с Англией, которая не может ей помочь против России, и установит контакт с Францией, то император немедленно отправит министра-резидента в Тегеран, будет субсидировать персидские войска и пошлет вспомогательную армию на Кавказ.

На самом деле международная обстановка в Европе не позволяла Англии полностью выполнить союзный договор, хотя Англия помогала Ирану консультациями, вооружением, деньгами и др. Иран хотел получить от Англии прямую военную поддержку против России.

¹ Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С. 90.

² Там же. С. 93.

³ АКАК. Т. II. С. 884.

В этих условиях иранский шах, окончательно выяснив позиции англичан, принял предложения Наполеона о совместной борьбе против русских. Иран заключил с Францией военно-наступательный союз. К этому решению шах Ирана пришел под влиянием военных успехов Наполеона в Европе. С одной стороны, этот договор был направлен против Англии. Однако, как свидетельствуют многочисленные документы, главным образом договор был направлен против России. О том, что основное острие Финкенштейнского договора направлено против России, свидетельствует письмо Наполеона Талейрану, где он предлагал сообщить иранскому послу, что кроме оружия он сможет отправить в Иран военный отряд в 1500 человек и организовать «громадную диверсию против России», эти французские войска станут ядром корпуса, который нанесет поражение русским¹.

В письменной инструкции, данной посольству Гардона, указывалось не только изучить возможность экспедиции в Индию, но и стремиться разжечь войну Ирана против России. Он должен был «поддерживать неприязнь персов против России», побуждать их «к новым усилиям» и всячески содействовать их военным операциям. Необходимо добиться, чтобы персы оттеснили русских за Кавказский хребет. «Судя по свите французского генерала Гардона, – писал главнокомандующий на Кавказе Гудович, – состоящей большей частью из инженерных офицеров, можно полагать, что они будут обучать персов военному искусству»².

Французские офицеры в Иране должны собирать стратегические сведения и посещать каспийские порты. В случае продолжения войны с Россией можно дать согласие на присылку в Персию четырех или пяти батальонов пехоты и двух или трех рот артиллерии³.

В июле 1807 г. был заключен Тильзитский мирный договор между Россией и Францией. Однако после этого Наполеон не требовал даже прекращения военных действий Ирана против России. По этому поводу Наполеон писал, что вынужден был пожертвовать турецко-персидской дружбой, выгодной ему в Азии, русским союзом, который был необходим ему в Европе⁴.

¹ Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С. 149.

² АКАК. Т. 3. С. 554.

³ Иоаннисян А.Р. Указ. соч. С. 150.

⁴ Цит. по: Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала, 1985. С. 41.

Французская дипломатия убедила шаха, что император Франции непобедим. Захват России Францией дело времени. Шах должен продолжить войну.

В результате чего в стратегических планах иранской внешней политики происходят коренные изменения. Шах по мере изучения стратегических планов Наполеона, вплоть до мирового господства, явно пересматривает свои задачи по отношению к России. Раньше Иран требовал от России очистить Кавказ от своих войск. Шах решил, используя военные успехи Наполеона, расширить свои стратегические планы по отношению к России. Впервые идеи были отражены в инструкции иранского посла Мирза-Ризы, где он, отвечая на вопросы Наполеона о военных успехах против России, должен был информировать о намерении шаха послать армию в Астрахань и Кизляр, дабы завершить уничтожение России. Поскольку Россия является в одинаковой мере врагом Персии и Франции, разрушить эту страну является долгом этих двух государств, если Франция и Иран будут действовать совместно, то русские силы будут уничтожены, власть и господство будут принадлежать Франции и Ирану. В этих словах заложена основная задача антироссийской коалиции. Шах окончательно сформулировал свои идеи во время своих бесед с секретарем константинопольского посольства племянником Талейрана Ла-Бланш и высказал в осторожной форме, что лучше поделить Россию между Францией, Персией и Турцией¹.

В 1807 г. между Россией и Ираном начались переговоры о перемирии. Однако французское руководство уверяло шаха в том, что французы вынудят русских отказаться от всех приобретенных ими до этого территорий до Кизляра. По этому поводу военное командование на Кавказе сообщает, что французы срывали российско-иранские переговоры. Шах отказался подписать перемирие и предложил мирный договор на условиях присоединения к Ирану всех земель до Кизляра².

Воодушевленный поддержкой французов, Иран начал требовать от России установления старых границ, включая Кизляр, весь Дагестан и другие области Северного Кавказа до Моздока³.

Французская дипломатия, несмотря на союз с Россией, продолжала вести враждебную политику по отношению к России на Северо-восточном Кавказе. В приграничных с Россией областях были

¹ АКАК. Т. III. С. 424–425.

² Там же. С. 442, 478.

³ Там же. С. 462, 482, 483.

расположены французские центры, возглавляемые шпионской сетью на Кавказе. На них была возложена задача – различные провокации, распространение ложных слухов и диверсий. Представители этих организаций успешно работали на Северо-восточном Кавказе. Как утверждают многочисленные сведения, в конце XVIII – начале XIX в. на Северо-восточном Кавказе были люди – политики, военные и историки, которые поддерживали кавказскую политику Ирана. На базе таких людей позднее была создана проиранская партия (ПИП), сыгравшая важную роль в русско-персидских войнах XIX в. Главным распределителем иранских денег и координатором проблем Каджарской династии, возникавших в горах Восточного Кавказа, был сын грузинского царя Ираклия, который жил среди аварцев Анцуха и пользовался там большим авторитетом. Из переписки Александра видно, во-первых, то, что жители «Семи земель» поклялись содержать царевича Александра в своей среде хотя бы сто лет. Это при том, что русские военные настойчиво требовали передачи им данного представителя Ирана за хорошее вознаграждение. Во-вторых, в указанной части горного Дагестана Александр, поддерживая связь с Имеретией, Ираном и восточногрузинскими территориями, координировал с ними различные аспекты политического характера. В-третьих, воинам из центральных округов Аваристана предлагалось получать из рук царевича Александра достойную их сумму денег и быть готовыми к грядущему выступлению¹.

Одновременно царевичи во главе с Александром поддерживали связи с наполеоновской Францией и возлагали большие надежды на Францию². Поэтому есть основание, и об этом свидетельствуют донесения агентов, что Александр всегда встречался с французскими агентами и получал от них письма антироссийского содержания. После прибытия посольства Гардона в Иран связи между французами и царевичами расширились. Почти в каждой провокации против российских войск Александр Ираклевич привлекал горцев Северо-восточного Кавказа, требовал от дагестанцев и чеченцев выступить против российских войск, участникам пехотинцам и кавалеристам обещали богатую добычу. В письме, который написан от имени стариков, юношей, хаджиев, ученых и военачальников Чечни, адресованном аварцам Гумбета, подчеркивается, что теперь чеченцы и гум-

¹ Айтберов Т.М. О проиранской партии Дагестана в первой половине XIX в. С. 21–22.

² Маркова О.П. Указ. соч.

бетовцы обязаны вывести свои войска и двигаться на врагов религии с территории Чечни¹.

Осенью 1808 г. начались военные действия, успехи российских войск вызвали панику в правящих кругах Ирана. Французы всячески толкали шаха на продолжение войны. Заверяя шаха, что Франция выручит Иран, что Наполеон, как только узнает о поведении России, обрушится на врагов и уничтожит их. Чтобы спасти положение, Гардон написал резкое письмо Гудовичу, где официально заявлял, что поскольку Иран является союзником французского императора, то военные действия русских войск будут рассматриваться как провокация против Франции. Далее он требовал, чтобы русские войска прекратили военные действия и удалились. Гудович отверг эти требования и добавил, что он ожидал от французского посольства, как посольства дружественной державы, содействия в пользу России².

После восстановления англо-иранских отношений Наполеон не хотел полностью отказаться от намерения восстановить франко-иранский союз. Как сообщают источники, именно поэтому император Наполеон удерживал персидского посланника единственно потому, что данные персидскому правительству обещания надеется исполнить во время войны с Россией³.

Как свидетельствуют многочисленные материалы, интерес Наполеона к Ирану и в целом к Востоку никогда не ослабевал. После утверждения влияния англичан в Иране Наполеон пытался поддерживать связь с правящими кругами этой страны. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения российских и английских агентов, которые писали о французских эмиссарах в Персии, поддерживающих связь с Францией.

Очередная антироссийская попытка Наполеона восстановить франко-иранский союз была предпринята после его вступления в Москву. Наполеон прислал в Иран сообщение, что он покорила Россию. Иранское правительство должно было выслать английское посольство, а на его место принять французское. Наполеон со своей стороны вновь обещал передать Ирану Кавказ⁴.

Однако, анализируя ситуацию, иранское руководство не пошло по этому рискованному пути, считая, что Наполеон не в состо-

¹ Айтберов Т.М. Указ. соч.

² АКАК. Т. III. С. 499–507.

³ АКАК. Т. IV. С. 939–940.

⁴ АКАК. Т. V. С. 798.

янии сделать больше, чем англичане. Он преследует свои личные интересы. И здесь интересам Ирана нет места.

После начала войны Франции с Россией французское посольство в Константинополе и других приграничных с Россией районах провоцировало враждебные антироссийские действия со стороны турок на Кавказе. Турецкие агенты орудовали на Северном Кавказе и в Дагестане. Распространялись воззвания, призывающие местное население и князей отдаться под власть Турции. Засылали людей, чтобы организовать выступления против российского присутствия и проводить подрывную деятельность.

По дороге в Дагестан был пойман направлявшийся туда для организации восстания среди горцев турецкий агент Шах-Сувар-бек. В беседе с ширванским Мустафа-ханом он заявил, что Порты имеет притязания не только на Западную Грузию, но и на Дагестан и все закавказские ханства¹.

Открытые антироссийские провокации османов на Кавказе главнокомандующий приписывал «коварным проискам Франции»².

Наполеон во время «ста дней» правления в последний раз вернулся к восточной политике, к своей мечте и вновь начал ее с попытки возобновить сношения с Оттоманской империей и Ираном и использовать эти восточные страны против России. Однако, видимо, не суждено было осуществиться этим мечтам.

5.2 Антироссийская политика Англии на Северо-восточном Кавказе

Северо-восточный Кавказ является регионом, где сталкивались интересы ведущих мировых держав с древнейших времен и остается таковым по сегодняшний день. Это связано с его географическим и военно-стратегическим положением. Не без основания называют Северо-восточный Кавказ воротами между Западом и Востоком.

Когда ведущие колониальные страны начали делить восточный мир между собой, Россия, исходя из своих геополитических, стратегических и имперских интересов, пытается расширить свое влияние в южном направлении. Однако иностранные государства решили не

¹ АКАК. Т. V. С. 787–810.

² Там же. С. 800.

допустить Россию на Восток и Закавказье, в Иран и к восточным рынкам, к границам Индии.

По этому поводу в английской исторической литературе первой половины XIX в. встречаются оценки относительно кавказской политики России, подчеркивающие, что движение на Кавказ для России являлось не вопросом свободного выбора, а «суровой» политической необходимостью. Поддерживал это мнение и современный английский историк Дж. Хостинг, полагая, что российское вмешательство в отношения народов региона было обусловлено «опасением», что в противном случае этот регион, и без того нестабильный, может стать базой для военных действий враждебной державы, азиатской или даже европейской, и новые территории на юге окажутся под угрозой¹.

Важную роль в реализации агрессивных замыслов государств приобретает Северо-восточный Кавказ, который и стал ареной антироссийской борьбы иностранных государств и продолжает оставаться. Однако задачи и цели современной антироссийской политики другие, более враждебные и далекоидущие, направленные на раскол и развал России.

В начале XIX в. борьба за Северо-восточный Кавказ обостряется и приобретает международный характер. Кроме России, Ирана и Турции в эту проблему активно включаются Англия и Франция. В данной обстановке русско-английские противоречия на Востоке вытесняют другие конфликтные линии.

В первой трети XIX в. проблема Северо-восточного Кавказа приобрела международный характер. После завершения присоединения Кавказа к России русско-английское соперничество в этом регионе возрастает. Лондон стремится наверстать упущенную возможность превратить Кавказ в свою колонию.

Англия в своей кавказской политике рассматривала Россию единственным агрессором на Кавказе, который выступает против «цивилизации» и «свободы народов».

Английские экспансионные планы по захвату территорий Кавказа рассматривали в качестве «Оборонительного мероприятия», призванного якобы противодействовать русской экспансии, чтобы защитить азиатские народы от русской опасности. Наиболее воинствующи-

¹ Махмудова К.З. Зарубежная историография об утверждении России на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX веков (Интерпретации и историческая реальность). Современные проблемы общественно-гуманитарных наук (теория и практика). Махачкала, 2012. С. 36–37.

щие идеологи английской колониальной политики требовали от правительства принять меры к изгнанию России с Кавказа, и заставить вернуться на юге к государственным границам XVII века, кроме того окружить ее кольцом враждебных сил, руководимых английской дипломатией¹. В дальнейшем английское правительство на практике стало осуществлять антироссийские захватнические замыслы на Кавказе. И как всегда проводило свою разбойническую политику чужими руками. Для этого Англия подстрекала шахское правительство против России, помогало ему деньгами и оружием, отправлением своих офицеров и военных советников для обучения иранских армий. Поэтому сложно и противоречиво развивались отношения между Россией и Ираном. И в этом в значительной степени была повинна английская дипломатия².

instituteofhistory.ru

После подписания Гюлистанского договора в 1813 г. юридически было оформлено вхождение Северо-восточного Кавказа в состав России, регион все еще оставался ареной международных противоречий. Однако противоречия после подписания мира с Россией уже приобретают другой статус. Они стали уже вмешательством во внутренние дела другого государства – России. Несмотря на реальное положение, боясь дальнейшего усиления влияния России в Иране, Англия продолжала антироссийскую политику на Северо-восточном Кавказе.

instituteofhistory.ru

Гюлистанским договором были недовольны все стороны. Иран считал договор «позорным», временным перемирием, не хотел примириться с потерей кавказских владений. Правящие круги Ирана были преисполнены реваншистских стремлений для возвращения потерянных территорий, готовились к войне, надеясь в будущем вернуть кавказские владения. Россия, хотя и была недовольна итогами договора, но не заинтересованная обострением отношений с Ираном, соблюдая условия Гюлистанского договора, не давала повода для возобновления военных действий. В то время как иранская сторона то явно, то тайно готовилась к реваншу.

Агрессивные устремления правящих кругов Ирана поддерживались и подогревались Англией. Руководствуясь интересами английского капитала, стремившегося проникнуть к обширным рынкам Азии, британская дипломатия считала главной задачей поддерживать

¹ Адамов Е., Кутаков Л. Из истории происков иностранной агентуры во время Кавказских войн: Документы // Вопросы истории. 1950. № 11. С. 101–102.

² Дубровин Н. Ф. История войны и владычества на Кавказе. СПб., 1888. Т. VI. С. 199–200.

напряженную обстановку на Кавказе и подталкивать шаха к борьбе за пересмотр Гюлистанского договора. С этой целью Англия обещала шаху в случае войны с Россией помочь Ирану с деньгами и оружием и уладить другие дипломатические конфликты.

Гюлистанским договором была недовольна и Англия. Агрессивным планам Англии был нанесен ощутимый удар. Ее пугало усиление влияния России на Востоке. Используя миф о «русской угрозе» Индии, Англия стремилась превратить Иран в орудие своей колониальной политики на Кавказе.

По совету английских дипломатов, иранская сторона настаивала на подписании «Сепаратного акта», предоставившего Ирану возможности вернуться к пересмотру условий мирного договора. Это послужило причиной неоднократных конфликтов между Ираном и Россией, что давало «повод» для английского вмешательства в русско-иранские отношения и, в конце концов, привело к новой войне между Ираном и Россией¹.

25 ноября 1814 г., чтобы узаконить свое влияние в Иране, был заключен новый англо-иранский договор, направленный против России. Этот договор, с одной стороны, обязывал шаха аннулировать все соглашения, заключенные Ираном и враждебными Англии европейскими государствами. Шах должен был оказывать препятствия прохождению войск европейских государств в Индию, а также предоставить Англии военную помощь в случае ее войны с Афганистаном.

В свою очередь Англия обязывалась в случае войны Ирана с какой-либо европейской державой (подразумевалась Россия) предоставить шаху ежегодную субсидию в сумме 200 тыс. ф. ст. и оказывать Ирану военную помощь. Англия обещала также добиться пересмотра условий Гюлистанского договора. Англия обязалась взять на себя посредничество при разрешении конфликтов Ирана с Россией².

Подписав этот договор, Иран, по существу ставил свои международные связи под контроль Англии. Еще современник, указывая на англо-иранский договор 1814 г., отмечал: «Эта мера осторожности и предпринимается, конечно, против России. Договор имеет тайную цель придать вес требованиям Персии о возвращении отнятых от нее областей»³.

¹ Джахиев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991. С. 13.

² История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. – 1917 г. М., 1988. С.32.

³ Джахиев Г.А. Указ. соч. С. 15.

Внешне английский представитель при шахском дворе стремился подчинить Кавказ власти шаха. «Естественной границей между Россией и Персией, заявлял он, должна быть река Терек и кряж гор Кавказских»¹. Следовательно, Англия хотела передать Кавказ во власть шаха, рассчитывая на то, что со временем этот регион вместе с Ираном окажется в сфере слияния британской колониальной империи.

Одновременно с дипломатическими действиями английские агенты развернули антироссийскую деятельность в Иране, пытаясь подтолкнуть его на вооруженную провокацию против России.

В 1815 г. в Петербург для ратификации Гюлистанского договора прибыл чрезвычайный посол Ирана Мирза-Абуль-Хасан-хан. Он совещался с находившимися проездом в Петербурге британским посланником в Иране и английским посольством. После чего иранский посол передал ноту правительству России, где содержались требования о пересмотре Гюлистанского договора и возвращения Ирану некоторых присоединенных провинций, которые по этому договору отошли к России.

Одновременно давление на Россию начал оказывать Лондон. Английский дипломат Гор Аузли, специально прибывший в Петербург для поддержки шахского посла, указывал России перенести южную границу России до реки Терек².

Однако послу был дан вежливый, но твердый отказ. Разумеется, Англия добилась желаемого успеха, так как была заинтересована в том, чтобы осложнить русско-иранские отношения. Стравливая Иран с Россией, Англия добивалась от шаха подтверждения расширения привилегий английских купцов, также отвлечь Иран от активной политики вблизи Индии³.

Таким образом, Англия стала в этом регионе одним из крупнейших соперников России, начала дирижировать антироссийские отношения на Северо-восточном Кавказе, в разгар обострения русско-иранских отношений в результате провокаций британских представителей. Одновременно Турция под давлением Англии отказалась возобновить переговоры с Россией с практической реализации условий Бухарестского договора. Следовательно, против России объединяются Иран и Турция, а зачинщиком антироссийского заговора была Ан-

¹ Дубровин Н.Ф. С. 202.

² Военный сборник. 1887. №2. С. 209.

³ История народов Северного Кавказа. С. 32

глия. Российское правительство не поддалось совместному нажиму Ирана, Турции и Англии.

В этой ситуации, не желая дальнейшего обострения международных отношений, Россия решила для урегулирования спорных вопросов «направить в Тегеран специальное посольство». В 1817 г. в Тегеран прибыло российское посольство. Главная задача, поставленная перед посольством, найти мирные решения спорных вопросов, вести переговоры направленные на сохранение нормальных отношений с Ираном. При этом строгое соблюдение Гюлистанского договора обеими сторонами.

Одна из главных задач, поставленная перед посольством Ермолова, «нейтрализовать английское влияние в Иране». «Меня не занимают замыслы, – пишет император в инструкции Ермолову, – чтобы посредством Персии потрясти власть англичан в Индии», но он «не допустит установления такого положения, при котором могло вредить другое государство делам русских на Кавказе»¹.

Однако иранская сторона, подстрекаемая Англией, была настроена воинственно. Во время переговоров иранская сторона, угрожая войной, потребовала от России немедленного возвращения Ирану части территорий, отошедших к России по Гюлистанскому договору.

Позиция несговорчивости и угроз, занимаемая Ираном под влиянием англичан, не привела к нормализации русско-иранских отношений. Переговоры миссии Ермолова были безрезультатными. Ермолов и участник посольства Ростовцев, возлагая на англичан главную вину за срыв переговоров, писал, что англичане посредством золота «перекупали расположение к себе персидских министров и самого шаха» и этим предрешили отрицательный исход переговоров².

Между тем Иран при помощи Англии вел подготовку к войне: восстанавливал крепости, форсировал строительство новых, обучал и реорганизовал войска³. В Иране велась воинственная антироссийская пропаганда.

Не менее воинственно была настроена и Турция, которая вынашивала планы реванша на Кавказе⁴. Несмотря на неоднократные попытки, новый союз между Турцией и Ираном не был заключен. Отсутствие единства восточных соседей облегчало положение России на

¹ АКАК. Т.6. Ч.2. С. 117, 122, 140.

² АКАК. Т. 5. 6. Ч.2. С. 266–267

³ Джахиев Г.А. Указ. соч. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

Кавказе. Однако оба эти государства, осуществляя антироссийскую агрессию на Кавказе, иногда под руководством Англии, которая согласовывала их действия против России.

После 1817 г. колониальная политика царизма характеризовала новые, жестокие формы и методы, чем раньше. Власти переходят к политике насилия, устрашения и военного террора, что особенно проявилось при ген. Ермолове. Следовательно, почва для недовольства колониальной политикой на Северо-восточном Кавказе была подготовлена в результате широкого недовольства самодержавием, открытые антироссийские выступления, принявшие повсеместный характер.

Недовольством народных масс, светских и духовных феодалов, активизацией колониальной политики царизма на Северо-восточном Кавказе стали пользоваться Иран и Турция. При этом Иран и Турция поддерживали и всячески подогревали начавшиеся антироссийские выступления на Северо-восточном Кавказе. В то же время военная администрация на Северо-восточном Кавказе в некоторых случаях сыграла свою провокационную роль. Отдельные представители своей дерзкой, грубой, оскорбительной политикой по отношению к местному населению вызывали антирусские настроения и отталкивали их от России. Здесь необходимо подчеркнуть, что некоторые представители проводили подобную политику по незнанию местных традиций или отсутствия дипломатических навыков.

Можем сказать, что некоторые представители военной администрации проводили подобную политику умышленно с далеко идущими задачами, загоняя местное население в безвыходное положение. В свою очередь, Турция и Иран использовали любые зарождающиеся на Северо-восточном Кавказе антироссийские настроения в своих интересах.

Для организации антироссийских выступлений на Северо-восточном Кавказе Иран и Турция засылали своих агентов с деньгами и подарками. В 1818 г. 5 сентября, сообщают очевидцы, Ираном были отпущены деньги 150 тыс. туманов для «возбуждения против России всего Дагестана»¹. Некоторые дагестанские феодалы были привлече-

¹ Джахиев Г.А. Северный Кавказ во внешней политике России, Ирана и Турции в начальный период движения горцев // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–30-е годы XIX в. / Материалы Всесоюзной научной конференции. Махачкала, 1994. С. 61.

ны к антироссийскому союзу именно «при помощи персидского золота»¹.

Таким образом, большинство антироссийских провокаций на Северо-восточном Кавказе, организованные Турцией и Ираном, были подкреплены деньгами, выделенными Англией для организации диверсий против России.

Об антирусской деятельности английских дипломатов в Тегеране и в Константинополе, которая была направлена на разжигание вражды, недоверия к России, свидетельствуют многочисленные донесения русских послов и консулов.

Накануне русско-иранской войны не без влияния Англии удалось урегулировать ирано-турецкий конфликт. При активном посредничестве англичан был заключен Эрзерумский мир между Ираном и Турцией. Здесь больших усилий стоило Англии примирить воюющие державы на почве враждебности к России и натравить их против России³.

В начале 1826 г. английская миссия распространила в Иране слух о «междоусобице» в России после восстания декабристов и старалась провоцировать шаха и его окружение, используя благоприятный момент для захвата Кавказа. Наследник шаха Аббас-Мирза и другие представители партии войны решили, что наступило время. Однако престарелый Фет-Али-хан колебался.

На Фет-Али-шаха оказали воздействие богатые подарки британского посланника Д. Макдональда. Впрочем, крупные суммы денег и щедрые подарки получили не только многие представители партии войны. «Имею честь вас уведомить, – писал Д. Макдональд в начале 20-х годов правлению Ост-Индской кампании, – что я сего дня выставил тройной вексель на Ваше имя в пользу его королевского высочества принца Аббас-Мирзы или в его распоряжение на сумму 200 тыс. ф. ст., или 800 тыс. руб. серебром»⁴.

¹ Гапуров Ш.А., Абдурахманова Д.Б., Израйилов А.М. Дагестан в кавказской политике России в первой четверти XIX в. Нальчик, 2008. С. 258.

² Джахиев Г.А. К историографии вопроса «Дагестан в кавказской политике Ирана и Турции в первой трети XIX в.» // Вопросы истории и этнографии Дагестана.

³ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М., 1984. С. 125.

⁴ Там же. С. 126.

Весной 1826 г. Англия выплатила шаху субсидию в размере 728 тыс. руб., но при этом предупредила, что в дальнейшем деньги будут выплачиваться только в случае войны Ирана с Россией¹.

Фет-Али-шах издал фирман о подготовке к войне. Партия войны, «не переставшая рассылать деньги», готовила отправку многочисленных эмиссаров для ведения подрывной антирусской деятельности на Кавказе. Рассчитывая на поддержку Англии, шах объявил о расторжении Гюлистанского договора. Для урегулирования назревшего конфликта из Петербурга в Тегеран был направлен А.С. Меншиков в качестве чрезвычайного посланника с поручением достигнуть с шахом мира, хотя бы ценой территориальных уступок. Однако эта миссия не имела успеха. В то время, когда А.С. Меншиков вел переговоры с Аббас-Мирзой, диван Ирана под влиянием Англии принял решение начать военные действия.

Между тем иранские историки считают, что Иран не был готов. Напротив, Англия была заинтересована в русско-иранской войне и играла активную роль в ее происхождении. Обоснованно доказывают, что Англия, чтобы «ослабить Россию, решила помочь Турции в русско-турецком конфликте из-за Греции и натравила Иран против России». Далее, перечисляя основные причины развязывания второй русско-иранской войны, современные историки обвиняют Англию и считают, что ее провокации были одной из причин Русско-иранской войны. Хотя официальные английские историки не признают вину Англии.

В том же 1826 г. турки только из одной Анапы отправили в горы Северного Кавказа 24 агента. На Кавказе в это период действовали и английские эмиссары.

На Кавказе Турция, поддерживаемая Англией, не переставала вмешиваться в дела горских народов, ведя подрывную антирусскую деятельность. Ценные подарки вместе с фирманами султана и высшего мусульманского духовенства Порты были разосланы почти всем феодалам Северного Кавказа. Планировалось также совершить глубокий рейд 25-тысячного отряда султанской конницы в тыл русской армии с целью поднять против России гурийцев, имеретинцев и горцев Дагестана². За исключением отдельных феодалов и местного мусуль-

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С.198.

² Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 123–124.

манского духовенства горские народы Северного Кавказа не выступили против России.

Российское правительство опасалось осложнений с Османской империей и торопилось как можно скорее закончить войну с Ираном. Правительство Ирана вынуждено было закрепить мир.

В начале Англия применила все усилия, чтобы сорвать переговоры. Они «советами и распоряжениями тайно действуют, дабы доставить персиянам возможность сразиться»¹. Даже при поражении, утверждали англичане Ирану, чтобы пока шахский двор «не будет сильно упорствовать против русских, до того времени выгодный мир для Персии заключен быть не может»².

Видя полное поражение шахского Ирана, английское правительство по своему обыкновению перешло от подстрекательств к продолжению войны к советам заключить мир, но старалось ограничить уступки в пользу России. Предложения британского кабинета об официальном посредничестве вежливо, но твердо отклонялись в Петербурге еще ранее. Летом 1827 г. Х.А.Ливену было предписано снова заявить лондонскому правительству, что «Россия неизменно придерживалась принципа не допускать ни при каких обстоятельствах иностранного посредничества в ее сношениях с азиатскими нациями», а дела персидские касаются «исключительных интересов России»³.

Но неофициально британская миссия в Тегеране продолжала закулисными путями вмешиваться в ход переговоров. В результате чего Иран был доведен до полного военного разгрома. Только после того, как русские войска возобновили наступление в сторону Тегерана, 20 февраля 1828 г. был подписан Туркманчийский мирный договор на условиях, предложенных Россией.

Тем временем Англия, которая была настроена как можно больше обескровить и ослабить Иран, чтобы после войны расширить свое влияние там, вдруг резко поменяла свою политику, увидев наступательные успехи русских войск в сторону Тегерана и видя в этом угрозу Индии, «добивалась немедленного заключения мирного договора с Россией»⁴.

Россия также хотела скорейшего заключения мира с Ираном, так как тревожилась перспективой войны с Турцией. В то же время исход второй русско-иранской войны вызвал новые провокации со

¹ Джахияев Г.А. Указ. соч. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 177.

⁴ АКАК. Т. 7. С. 702.

стороны Англии. Она постоянными интригами обостряла отношения между Ираном и Россией. Английские агенты и проанглийски настроенные деятели Ирана подстрекали народные массы против России.

Тогда сторонники срыва достижения мира подготовили неслыханную провокацию против России. Мусульманское духовенство и шахский двор, особенно получивший субсидию от английской миссии, были главными вдохновителями и организаторами подстрекательств, которые повлекли за собой разгром российской миссии и убийство Грибоедова разъяренной толпой. Англия торжествовала, ожидая новую войну. В Иране считали, что английские резиденты были причастны к этому преступлению. Только победы России в начавшейся вскоре войне с Османской империей привели к тому, что Туркманчайский договор остался в силе.

К началу русско-турецкой войны также свою лепту внесла Англия. По свидетельству многочисленных сведений, заручившись поддержкой Англии и Австрии, Турция стала готовиться к войне с Россией. Многочисленные фирманы и воззвания не раз получали народы Северо-восточного Кавказа на протяжении русско-турецкой войны. Однако народы Северо-восточного Кавказа не откликнулись на эти обращения, за исключением отдельных антирусски настроенных феодалов.

Таким образом, в период русско-турецкой войны на Северо-восточном Кавказе турецким и английским агентам не удалось организовать антирусские восстания. Во время русско-турецкой войны на Иран оказывалось мощное давление со стороны Англии и Турции, чтобы сколотить антирусский союз между Ираном и Турцией и открыть второй фронт против России. Русский консул в Иране писал, что Иран выступит на стороне Турции, «то сие без сомнения должно будет приписано англичанам, которые в настоящее время при персидском дворе в Тавризе и Тегеране имеют величайшее влияние»¹.

В этих условиях на предложение возобновить войну с Россией иранский шах ответил: «Сейчас Персия в союзе с Россией, но если турки возьмут обратно завоеванные у них русскими крепости и возвратят Персии сумму, оплаченную ею России, тогда он посмотрит, на что решиться».

Несмотря на полушутливый тон требования иранского шаха в начале 1829 г. в Тавриз прибыл посланник султана, который за под-

¹ АКАК. Т. 7. С. 628.

держку Ираном Турции в войне обещал возместить уплаченную Ираном России контрибуцию и вернуть утраченные Ираном территории по Туркманчайскому миру. Иран, опасаясь за последствия разгрома российской миссии и убийство Грибоедова, соглашался заключить союз с Турцией. Однако Россия, опередив сторонников антироссийского договора, пошла на урегулирование конфликта, связанного с убийством Грибоедова.

Очередные антироссийские провокации англо-турецкой дипломатии провалились. Русско-турецкая война завершилась заключением Адрианопольского мирного договора.

В начале XIX в. обострилась борьба за восточные колонии между, с одной стороны, Россией, а с другой – Ираном, Турцией, Англией и Францией. Ареной этой борьбы стал Северо-восточный Кавказ. В этой борьбе в начале XIX в. Англия стала главным соперником России. Англия провела здесь против России в классической форме свою политику «блестящей изоляции», превратив Иран в орудие своей политики. Англия сделала ставку не только на Иран, но и на местное население Северо-восточного Кавказа. Каждому конфликту на Северо-восточном Кавказе британская дипломатия придавала антироссийский характер.

Обращения иранского шаха и турецкого султана к антироссийски настроенным владельцам и населению Северо-восточного Кавказа, призывающие их к войне против России, были подкреплены деньгами и подарками, выделенными Англией на эти цели.

В начале XIX в. Англия приложила немало усилий для начала двух русско-иранских войн, где Россия на определенном уровне решила свои кавказские проблемы. Кавказская политика Англии на этом этапе провалилась, но она приобретает новые задачи и цели. Своей провокационной закулисной политикой Англия довела Иран до кризиса, но зато Англия приобрела в Иране большое влияние.

Все противоборствующие страны на Северо-восточном Кавказе заявляли, что они защищают интересы местного населения, и все они старались использовать коренное население в своих интересах. Однако этим всем странам далеко безразлична была судьба горцев Северо-восточного Кавказа, порой население даже мешало некоторым из них. Между тем одно известно, что народы Северо-восточного Кавказа и страдали, и мучились, и терпели невероятные трудности от захватнической борьбы колониальных государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тщательное изучение и осмысление всего комплекса разнохарактерных фактических материалов позволяет нам сделать следующие выводы.

Выход петровской России на международную арену поставил вопрос о судьбе Кавказа в круг важнейших проблем мировой политики того времени. Став одним из основных источников противоречий в отношениях Персии, Турции и России, этот регион в силу своих важных стратегических позиций привлек внимание и европейских держав – Англии и Франции. Соперничество не мешало им предпринимать меры, направленные на ограничение международного влияния России. Наряду с проведением политики «восточного барьера» в Европе они разжигали противоборство Ирана и Османской империи с Россией на Кавказе, чтобы помешать продвижению последней к южным морям, ее выходу на Ближний и Средний Восток.

Изучаемый период оказался наиболее насыщенным важнейшими военно-политическими и дипломатическими событиями, выявившими как геополитическую роль Северо-восточного Кавказа в формировании и развитии международных отношений в Кавказском регионе, так и влияние этих отношений на длительный и сложный процесс присоединения региона к Российской империи.

Из этого следует, что без глубокого анализа кавказской политики соперничавших держав, определении места и роли Северо-восточного Кавказа в стратегических планах России, Ирана и Турции невозможно составить целостное представление об историческом прошлом горских народов, славных традициях освободительной борьбы против иноземных завоевателей. Такая постановка вопроса и его решение могут способствовать выявлению общих тенденций и характерных особенностей взаимоотношений народов региона с Россией, раскрытию предпосылок для их взаимодействия в борьбе против шахской и осmano-крымской экспансии на этапе, определившем все последующее развитие региона.

Вплоть до начала XVIII в. соперничество за Кавказ, особенно за Прикаспийский регион, шло в основном между Персией и Османской империей. Ирано-турецкие войны велись с переменным успехом и завершились мирным договором 1639 г., разделившим спорную территорию на сферы влияния, по которому Дагестан, Азербайджан и восточные области Армении и Грузии оказались под властью Персии,

а западные части Грузии и Армении, Абхазия, земли адыгов в Причерноморье и Прикубанье отошли к Османской империи.

С начала XVIII в. начинается новая фаза в межгосударственном конфликте за Кавказ. Она знаменуется включением в борьбу третьего игрока мировой политики – петровской России, а также значительным усилением активности западноевропейских стран – Англии, Франции и др.

С появлением еще одного претендента соперничество на Кавказкой арене обрело еще более сложные формы, поскольку прямое противостояние уступило место борьбе различных коалиций. Один из вариантов подобных объединений был реализован в 1724 г., когда два более сильных в тот момент участника – Россия и Османская империя – договорились о разделе кавказских владений третьего соперника – сефевидской Персии. Русско-персидское сближение в 1735 г. может быть примером другого союза, в котором соединились два менее удачливых государства против султанской Турции, действовавшей тогда более успешно. Подобные комбинации существовали временно и отличались быстрой сменой их состава. Общим для них было лишь то, что каждая из противоборствующих сторон рассчитывала получить преимущество за счет конфликта между двумя другими соперниками.

Возникновение своеобразного «треугольника сил» в межгосударственном споре на Кавказе в какой-то мере благоприятствовало борьбе горских народов за независимость, поскольку оставшаяся в одиночестве держава пыталась восстановить военный паритет за счет союза с местными правителями. Однако нет оснований преувеличивать эффективность такого объединения. Как правило, государство, заявившее о своем желании помочь борьбе горцев, ограничивалось лишь словесными декларациями и посулами. Реальная помощь такого союзника была невелика, что особенно отчетливо проявилось в период походов Надир-шаха в Дагестан. Тем не менее, наличие даже потенциального союзника имело важное моральное значение для тех, кто готов был пожертвовать жизнью во имя свободы родины.

Чаще всего таким союзником местного населения выступала Россия. Со времен Каспийского похода Петра I кавказская проблема стала важным составным компонентом восточной политики петербургского двора. Анализ обширной дипломатической документации XVIII – начала XIX в. показывает, что правящие круги России направляли свои усилия на решение двух взаимосвязанных задач – обеспечение выхода к южным морям и устранение опасности своим

границам со стороны Османской империи и Крымского ханства. Необходимость выхода к морским рубежам на юге была порождена потребностями экономического и политического развития страны, для которой Черное море и Каспий, куда впадали главные реки Европейской России – Волга, Дон и Днепр, являлись естественным продолжением кратчайших путей в Средиземноморье, на Ближний и Средний Восток. Между тем попытки царского двора добиться выхода к Черному морю, где с конца XV в. безраздельно господствовали турки-османы, лишь усиливали напряженность в русско-турецких отношениях. Такая ситуация создавала возможности для сближения интересов Ирана и России, что нашло отражение в решимости шахского двора отвести транзитную торговлю с «османского» маршрута на волжско-каспийскую магистраль. Выполнение Сефевидами своих планов стало еще одним стимулом для Порты в ее попытках захватить принадлежащие Ирану Прикаспийские провинции.

При реализации своих замыслов в Прикаспийских областях Петр I и его преемники столкнулись со значительными трудностями. К ним прежде всего нужно отнести сложную европейскую ситуацию, не позволявшую Петербургу концентрировать все внимание на осуществлении целей восточной политики. Не менее важным были значительная удаленность этой территории от основных экономических и политических центров государства и отсутствие развитой системы коммуникаций, связывавших Кавказ с центральными районами России. Поэтому местная российская администрация испытывала постоянные затруднения с точки зрения как людских ресурсов, так и материального обеспечения воинских гарнизонов и российских союзников из среды горского населения. В подобных условиях она предпочитала использовать дипломатические переговоры, а не военную силу, тактику «ласкания» (предоставление чинов и званий, денежные и иные формы вознаграждения) кавказских владетелей и старшин, нежели террор и репрессии, чем выгодно отличалась от шахских, султанских или ханских наместников, привыкших действовать методами устрашения и насилия. С начала 60-х годов XVIII в. политика царского правительства становится более активной, наступательной, в ней все шире начинают использоваться принудительные меры.

В политике осmano-крымских и иранских верхов также занимали определенное место элементы «ласкательства», тем не менее она имела прямолинейно-агрессивный характер, была рассчитана на использование многократного военного превосходства, угроз и шантажа для подчинения народов Дагестана своей деспотической власти. Осо-

бенно прославились своей жестокостью иранские правители, в частности Надир-шах и его приближенные, подвергавшие горцев не только экономическому и политическому гнету, но и физическому истреблению.

Отличительной чертой действий иранских и османских правителей в регионе было настойчивое желание использовать религиозные симпатии местного населения в политических целях. Так, Порты и крымский хан, добиваясь усиления своего влияния, пытались привлечь на свою сторону мусульман-суннитов, предлагали им свое покровительство и одновременно огнем и мечом насаждали мусульманство среди черкесских племен. Такой же тактики в отношении горцев-шиитов придерживался шахский двор. Однако его старания, равно как и действия его противников – суннитов, не имели большого успеха.

Откровенно насильственной и экспансионистской политике, проводившейся шахским двором, Портой и ее вассалом – крымским ханом, население Дагестана предпочитало курс российского правительства. Об этом свидетельствуют совместные действия по отражению неоднократных нашествий как осmano-крымских, так и иранских феодалов, участие горцев на стороне России в русско-турецких войнах XVIII в.

Ведущей тенденцией в укреплении связей между Россией и горскими народами в рассматриваемый период стало стремление последних к сотрудничеству с северным соседом. В конкретных исторических условиях того времени проблема самостоятельного существования и свободного развития не могла быть решена без избавления от постоянных претензий на владычество соседних восточных деспотий. Эту задачу население Дагестана вряд ли могло решить собственными силами. Единственным союзником, способным обеспечить такую перспективу, представлялась Россия, которая обладала достаточной военной мощью и политическим авторитетом. Хотя во взаимоотношениях обеих сторон имелись свои подъемы и спады, в целом они характеризовались добровольностью, взаимной заинтересованностью и нарастающей интенсивностью.

В межгосударственной борьбе за Кавказ на протяжении XVIII – начала XIX в. прослеживается несколько этапов, отличных и по расстановке сил, и по выдвиганию на первый план отдельных территорий, где наблюдалось крайне острое столкновение противоборствующих сторон. Успехи России в Северной войне, упадок власти Сефевидов в Иране и явная угроза овладения побережья Каспия Портой подвигли Петра I на скорейшую реализацию части его восточной про-

граммы – установление контроля над Прикаспийскими областями, что было закреплено в подписанном Петром I с представителями шахского двора Петербургском договоре 1723 г. и в русско-турецком трактате 1724 г. В последующем двадцатилетии центр противоборства перемещается в Дагестан и соседние с ним территории, которые со времени Гянджинского трактата 1735 г. превратились в объект завоевательной политики Надир-шаха. Ослабление активности России в кавказских делах способствовало не только успешным действиям иранского полководца, но и новым усилиям Порты по подрыву влияния своих противников на Кавказе и по упрочению собственных позиций в регионе.

Героическая борьба народов Северо-восточного Кавказа обескровила персидскую армию, фактически преградила ее агрессию на Север. Она вышла за рамки узкоместного значения и приобрела международный характер. Поэтому за ней заинтересованно следили не только из столиц соперничавших держав – Петербурга и Стамбула, но и западных стран – Парижа и Лондона, оказавших Надир-шаху активную поддержку в его агрессивной политике. Хотя в политике указанных и других западных государств отношение к событиям на Северо-восточном Кавказе отличалось некоторыми нюансами, в целом их действия были направлены на проведение политики антироссийского «восточного барьера», имевшего явно выраженный русофобский характер. Поэтому решающий перевес в «треугольнике сил» (Россия, Сефевидский Иран, Османская империя) зависел во многом от политики Англии, Франции, Австрии и других, каждая из которых преследовала собственные цели.

Франция стремилась ограничить возможности участия России в европейских делах за счет создания напряженности в отношениях Петербурга со Стамбулом и Исфаханом. Австрия пыталась использовать спор из-за Кавказа для ослабления султанского давления на свои границы, особые интересы преследовала Англия, геополитическое положение которой, как самой могущественной морской державы в мире, подталкивало ее на недопущение продвижения России на Переднеазиатский регион и Средиземноморье путем примирения османов и персов ради их противостояния кавказской политике России.

Во второй половине XVIII в., когда Иран фактически выбыл из борьбы, будущее Дагестана решалось в соперничестве Российской и Османской империй. Их конфликт распространяется не только на Дагестан, но и на Кабарду, Осетию, Ингушетию, Чечню и другие области. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. окончательно изменила рас-

становку сил в регионе в пользу екатерининской России. Соответственно назревшая необходимость выбора покровительства предопределила поэтапное присоединение отдельных территорий Северного Кавказа к Российскому государству: Ингушетии и Восточной Осетии в 1770 г., Кабарды в 1774 г., Чечни, шамхальства Тарковского и Северной Кумыкии в 1781–1796 гг. и Дагестана в целом в 1813 г.

Упрочение российского влияния на Северном Кавказе к исходу рассматриваемого периода стало важнейшим стимулом для изменений в политике царизма. Кизляр и Моздок превратились в опорные пункты строительства Кавказской линии, направленной в сторону Черного моря. Правительство Екатерины II щедро расходовало средства на хозяйственное развитие этого края, на покровительство властям пророссийской ориентации и привлечение на свою сторону основной массы местного узденства, купечества и ремесленников, на усиленную христианизацию беглых «холопов». Суть своей политики императрица выразила словами: «Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это денег не жалеть». Этот курс давал неодинаковые результаты. В то время как основная масса населения края продолжала подчиняться, впрочем, пророссийские настроения, часть горских владетелей и старшин стала высказывать недовольство мероприятиями петербургских властей.

Присоединение Северного Кавказа к России воспринималось народами региона как результат политического союза, направленного против общих врагов, а не как акт их превращения в подданных российского царя. Таким образом, ясны мотивы часто меняющейся внешнеполитической ориентации местных владетелей и старшин, для которых признание сюзеренитета России не означало прекращения своей государственной самобытности. Как только Россия не считалась с этим, положение осложнялось, возникала конфликтная ситуация, натянутость в отношениях с горскими правителями, порой доходившая до разрыва. Поэтому российская администрация стремилась не покушаться на традиции, обычаи, быт, нравы и верования горцев, не разрушать специфику их хозяйственного и общественного бытия. В XVIII – начале XIX в. для нее на первом месте оставались политические цели, а не задачи колониального ограбления или насильственной ассимиляции. В итоге освободительная борьба горцев против восточных завоевателей подкрепляла усилия Российского государства по упрочению своих южных границ. В ходе совместных усилий по отражению агрессивных устремлений правителей Ирана, Османской империи и Крымского ханства крепло боевое содружество, заклады-

вались традиции взаимной помощи и поддержки, сохранившие свое значение и поныне.

Таким образом, анализ главных событий Кавказского региона от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723–1813) показывает, что ведущую роль в формировании и развитии международных отношений, наряду с другими государственными образованиями, сыграл Дагестан, обладающий особыми геополитическими свойствами. Конкретное воплощение эта роль как на начальной стадии включения в состав России, так и на завершающем этапе его присоединения, нашла в следующих договорах: (в первом случае – в Петербургском 1723 г., Константинопольском 1724 г. и Гянджинском 1735 г.; во втором случае – в Георгиевском 1783 г., Георгиевском 1802 г. и Гюлистанском 1813 г.).

Во второй половине XIX – начале XX в. за Кавказ шла острая борьба между мировыми ведущими державами. В политике против России на Кавказе принимали участие не только ведущие игроки мировой политики, но и другие, вплоть до Японии, действовавшие по принципу: «чем хуже России, тем лучше им». Главным противником России в восточной политике традиционно выступала Англия. В начале XX в., когда речь заходила о Кавказе, Англия, хотя она и была союзницей России, забывала о своих союзнических обязательствах. На Кавказе Англия в это время проводила классическую английскую политику. Турция также начала вести активную идеологическую борьбу с дальним прицелом, используя свое преимущество – наличие тюркоязычного населения и преобладание ислама на Северо-восточном Кавказе. Эти факторы, создавая условия для распространения здесь идеологии пантюркизма и панисламизма и в дальнейшем идеи «Кавказского дома» как идеи единения всех кавказских тюркоязычных и мусульманских народов под эгидой Османской империи, способствовали укреплению турецких позиций в регионе. В то же время делать ставку только на идею пантюркизма на Северо-восточном Кавказе было рискованно, поэтому параллельно особое внимание уделяли не только единению тюркских народов, но и идеям всеобщего религиозного воссоединения под властью султана. В начале XX в. с распространением политического и революционного кризиса России на Северо-восточном Кавказе были созданы благоприятные условия для пантюркистской и панисламистской пропаганды. В результате чего перед Первой мировой войной территорию Северо-восточного Кавказа покидали сочувствующие Турции чеченцы, тюркские народы Кавказа, в основном ногайцы, а также дагестанцы. Эту

малую волну миграции турецкие агенты впоследствии использовали в своей пропаганде перед началом войны в стремлении сформировать «пятую колонну» на Кавказском фронте.

Таким образом, проблема антироссийской борьбы иностранных государств вот уже не одно столетие существует, и всегда была одной из актуальных. Но сегодня данная проблема актуальна как никогда. Об этом свидетельствуют события, происходящие на Украине и вокруг Украины, в конечном итоге направленные против России. Как весьма важный ресурс мировые державы пытаются использовать в реализации своих геополитических интересов отдельные территории (Северный Кавказ, Крым) и народности современной России. Изучение настоящей проблемы дает целостное представление об истоках нынешней политики западных держав на Кавказе, возможность выявить истинные причины сохранения нестабильной обстановки на Северном Кавказе.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

БИБЛИОГРАФИЯ

Абдуллаев Г.Б. Из истории Северо-восточного Азербайджана в 60-80-х годах. Баку, 1958

Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.

Абдуллаева М.И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70 – 90-е гг. XIX в. и миграционные процессы. Махачкала, 2006.

Абдуллаева М.И. Проблемы «мухаджирства» в современной турецкой историографии // Тарих, 1998. № 2.

Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в пер. пол. XVIII в. Баку, 1964.

Абрамов Я. Кавказские горцы // Из истории Русско-Кавказской войны / Документы и материалы. Нальчик, 1991.

Агишев Н.М., Бушев В.Д. Материалы по обозрению горских народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Союзы сельских обществ в борьбе за независимость Дагестана в XVII – пер. пол. XVIII вв. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1994.

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1866 – 1904. Т. 1 – 12.

Амиров Я., Джафаров Н.С. Таможенные службы России в Дагестане. XVIII – XX вв. М., 1996.

Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа в XVI – XIX вв. // Народы Кавказа. М., 1993. Кн. 1. Вып. 27.

Арапов Д.Ю. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара. М., 2004. Вып. 1.

Бакиханов А.-К.А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.

Бакиханов А.-К.А. О походах шаха-Надира в Дагестане // Кавказ, 1845 № 17.

Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785 – 1791 гг.)). Махачкала, 1994.

Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. 1. Казань, 1849.

Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. XXXVI.

СПб., 1882.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1- 2. М., 1823.

Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в исторической перспективе // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 1998. № 1.

Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI – XVIII. Тифлис, 1974.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1 – 3.

Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека (Досоветский период). Махачкала, 1986.

Вискунов А.И. Описание боевой жизни 80 пехотного Кабардинского полка при подавлении восстания горцев в Терской и Дагестанской областях в 1877 – 1778 гг. Тифлис, 1882.

Внешняя политика России XIX – начала XX в. Т. 3. М., 1963.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 1. СПб., 1851.

Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974.

Гаджиев А.С. Влияние присоединения Дагестана к России на развитие просвещения и культуры. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966.

Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане Махачкала, 1996.

Гаджиева В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

Гаджиев В.Г. Социально-политические причины, движущие силы и характер движения горцев Северо-восточного Кавказа в 1829–1859 гг. Материалы Всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989г. Махачкала. 1994.

Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля// Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала. 1989.

Гаммер М. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998.

Гулиев А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений XV – XVIII в. Баку, 1958.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X – XIII. СПб., 1994.

Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. М., 1976.

Гальцев В.С. Перестройка системы колониального господства на Северном Кавказе в 1860 – 1870 гг. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1956.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Вторая половина XIX в.). Махачкала, 1999.

Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VIII. М., 1789.

Голикова Н.Б. Очерки истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.

Гриценко Н.П. Города Северо-восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов н /Д., 1984.

Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX в. // Труды Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. Т. IV. Грозный, 1961.

Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809.

Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала, 1992.

Дадаев Ю.Д. Государство Шамиля. Махачкала, 2006.

Далгат Э.М., Мансурова А.Г., Зульпукарова Э.-М.Г. Проблемы истории Дагестана второй половины XIX – нач. XX в. Махачкала, 1998.

Данилин Х.А. Южные ханства Азербайджана XVIII в. Баку, 1967.

Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20 – 50-х гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959.

Движение горцев Северо-восточного Кавказа в 20 – 50-е гг. XIX в. Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

instituteofhistory.ru

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003.

Дегоев В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005.

Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX вв. М., 1998.

Дренякин Д.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т.1.

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова 1798 – 1826 гг. М., 1991.

Ермолов А.П. Записки. 1816 – 1827. М., 1864. Ч. 2.

Ерошкин А.П. Внутренняя политика России в 80–90-е годы XIX в. // История СССР. 1971. № 3.

Журнал военных действий и распоряжений по обеспечению укрепления городов и штаб-квартир Дагестанской области во время возмущения 1877 г. Темир-Хан-Шура, 1879.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Записки А.П. Ермолова. М., 1864.

Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929.

Зубов П. Картина кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб., 1835.

Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853 – 1856 гг. и международные отношения. М., 1972.

Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952.

Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006.

Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.

Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Россия на Кавказе на рубеже XVIII – XIX вв.: взгляд с Запада // Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа. Материалы международной научной конференции. ИИАЭ ДНЦ РАН. (24 сентября 2013 г., г. Махачкала). Махачкала, 2013. С. 105-108.

Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004.

История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала, 2009.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988.

Ихиллов М.М. Значение персидского похода Петра I для Дагестана // Материалы сессии. Махачкала, 1954.

Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 1. М., 1967.

Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006.

Кавказский календарь на 1852 г. Тифлис, 1851.

Кавказский календарь на 1876 г. Тифлис, 1875.

Казем-Бек А.М. Мюридизм и Шамиль // Избранные произведения. Баку, 1985.

Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. XI. СПб. 1892.

Кидирниязов Д.С. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с султанской Турцией в первой половине 70-х гг. XVIII в. // Кавказ между Западом и Востоком. Карачаевск, 2008.

Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа в XVI – нач. XX в. Махачкала, 2008.

Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Осетинская духовная комиссия на Северном Кавказе в XVIII - первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2015. № 3. С. 163–169.

Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1–2.М., 1890.

Козлова А.Н. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока М., 1976. Вып. 18.

Козубский Е.И. Истории города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.

Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904.

Комаров В. Персидская война в 1722–1725 (Материалы для царствования Петра Великого). М., 1867.

Костерин А. В горах Кавказа. Исторический очерк Горского революционного движения. Владикавказ, 1921.

Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1981.

Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. М., 1966; Ч. 2. 1968.

Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана. Баку. 1948.

Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882 – 1883. Т. 1 – 2.

Леонович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883.

Лысенко Ю.М. История российско-кавказских взаимоотношений в трудах ряда российских исследователей кон. XIX – нач. XX вв. // Кубанские исторические чтения. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар, 2012. С. 259 – 263.

Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722 – 1723. М., 1951.

Мавродин В.В. Петр I и петровская эпоха в оценках нашего современника. Л., 1972.

Магарамов Ш.А. Борьба с Надир-шахом как фактор укрепления пророссийской ориентации дагестанской правящей элиты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2 (36).

Магарамов Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 4 (36).

Магарамов Ш.А. Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Каспийского похода Петра I // Российская история. 2017. № 1.

Магомеддаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю (история и современность). Махачкала, 2001.

Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998.

Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и Азербайджана в XVIII пер. пол. XIX в. (Экономические, политические и культурные аспекты). Махачкала, 2004.

Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. К вопросу о роли Южного Дагестана в торгово-экономических связях России и Ирана в XVII в. // Материалы международной научно-практической конференции «Современная иранистика на Северном Кавказе». Махачкала, 2006.

Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Южный Дагестан в период народно-освободительной борьбы горцев Северо-восточного Кавказа в 20 – 50-х гг. XIX в. // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. № 1 (13). Махачкала, 2008.

Магомедов Р.М. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. Махачкала, 1940.

Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1987.

Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961.

Магомеддадаев А.М. Эмиграция дагестанцев в Османскую империю. Кн. 2. Махачкала, 1999.

Мансуров М.Х. Русские переселенцы в Дагестане (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Махачкала, 1994 .

Мансурова А.Г. Позиция верхнедаргинцев в ходе народно-освободительного движения горцев в 20 – 50-х гг. XIX в. // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 2005.

Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.

Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940.

instituteofhistory.ru

Материалы для истории управления Дагестанской областью // Дагестанский сборник. Вып. I. Темир-Хан-Шура, 1902.

Муртазаев А.О. Кайтагское уцмийство в системе политических структур Дагестана в XVIII – XIX в. Махачкала, 2007.

Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.

Низамы Шамиля // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Ч. 4. СПб., 1836.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. Архивные материалы / Сост., предисл., и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1965.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Потто В.А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 1 – 5.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1882. Т. 2.

Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. Махачкала, 2004.

Ризаханова М.Ш. Дагестанские русские. XIX – нач. XX в. Махачкала, 2001.

Романовский Д.А. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860.

Россия и Северный Кавказ. М., 2000.

Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? М., 1998.

Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала. 1989.

Русские на Северном Кавказе. 20 – 30-е годы: Документы, факты, комментарии / Предисловие, составление, комментарии А.М. Гонова. М., 1995.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. Сб. документов / Под ред. В.Г. Гаджиева, 1988.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1881 – 1915. Вып. 1 – 44.

Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 2.

Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI – XVIII вв. Нальчик, 1948.

Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958.

Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

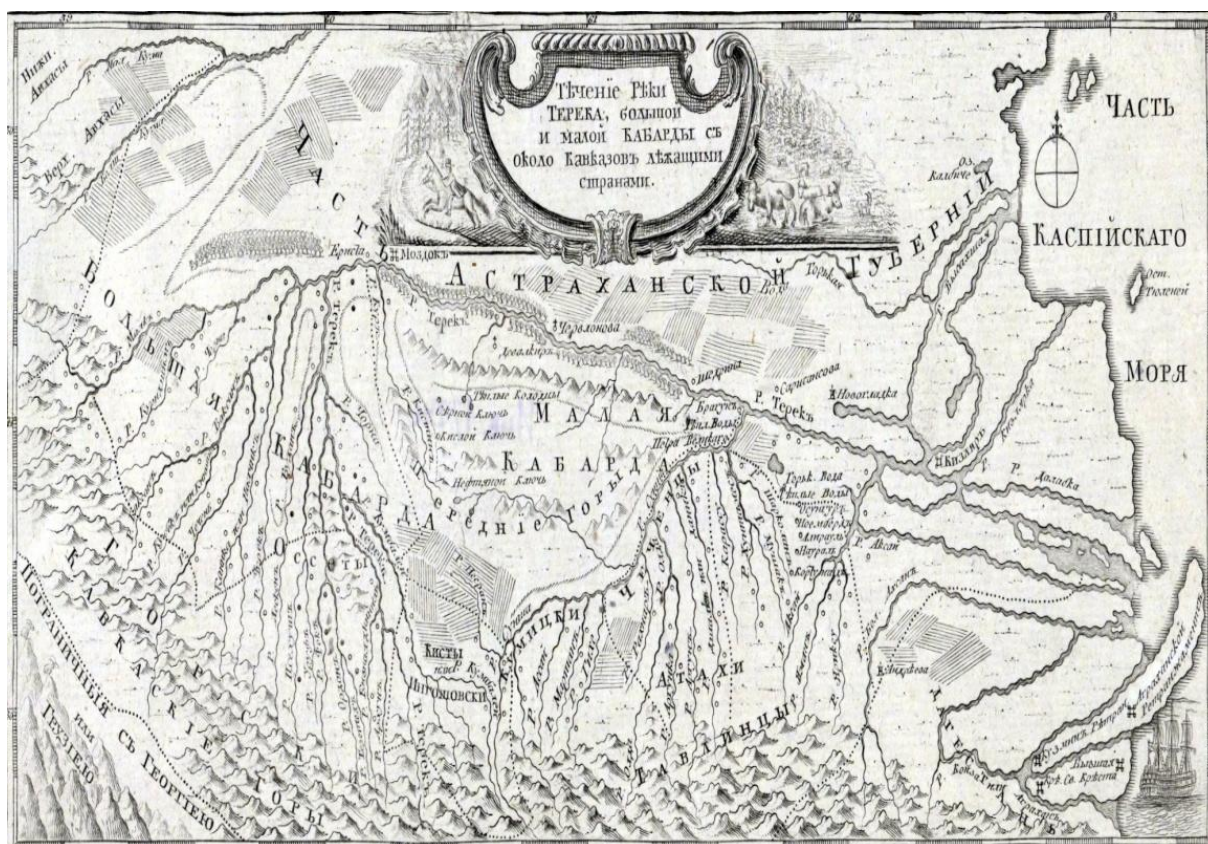
Смирнов К. Русско-персидская война 1803 – 1813 гг. с точки зрения персиян. Тифлис, 1813.

Сотавов Н.А. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала, 2000.

Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII века. Махачкала, 1973.

- Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.
- Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений. 20 – 50-е гг. XIX в. М., 1956.
- Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. 1957. № 1.
- Фадеев А.В. Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР. Т. 6. 1959.
- Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.
- Фадеев Р.А. Очерки покорения Кавказа. СПб., 1901.
- Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во II-ой пол. XVIII – XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1971.
- Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Арх. матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1969.
- Халаев З.А. Политические образования восточного Закавказья в геополитической стратегии Российского государства в начале XIX в. // Материалы Международной научной конференции «Гюлистанский мирный договор 1813 г. Основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа». Махачкала, 2013.
- Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-восточного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991.
- Хашаев Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961.
- **instituteofhistory.ru**
- Хрестоматия по истории СССР XVI – XVII вв. М., 1962.
- Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931.
- Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. М., 2005.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). М., 1979, 1983. Вып. 2 – 3.
- Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907.
- Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1917.
- Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869.
- Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России XVII – нач. XX в. М., 1975.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта №1. «Течение реки Терека, большой и малой Кабарды около Кавказа лежащими странами, 1772 г.» [Санкт-Петербург]: Географический департамент АН]: 1772. - 1 л.: Грав.; 13x38 (19x40).

instituteofhistory.ru

Карта №2. Карта юга Российской империи, 1786 г. "Генеральная карта Российской империи, составленная по новейшим астрономическим наблюдениям". Авторы: титулярный советник, адъютант Петербургской Академии наук Иван Фомич Трускотт (варианты: Трускот, Трескот) (Johann Treskot, 1719-1786) и адъютант Якоб Ф. Шмидт (Jacob Schmidt) - картографы Географического департамента Петербургской Академии наук. Граверы: К.Ф. Фролов (1748-1810), Е.М. Худяков (1748/52–1822), Л. Сергеев (1753–после 1799). Картуши выполнены французским гравером И.Ф. Полетнишем. Размер листа: 141x64 см. Издана в Санкт-Петербурге

Карта №3. Карта Российского государства эпохи царствования Екатерины II. Из «Учебного атласа Русской истории \ Под ред. Е. Замысловского, СПб., 1887 г.»

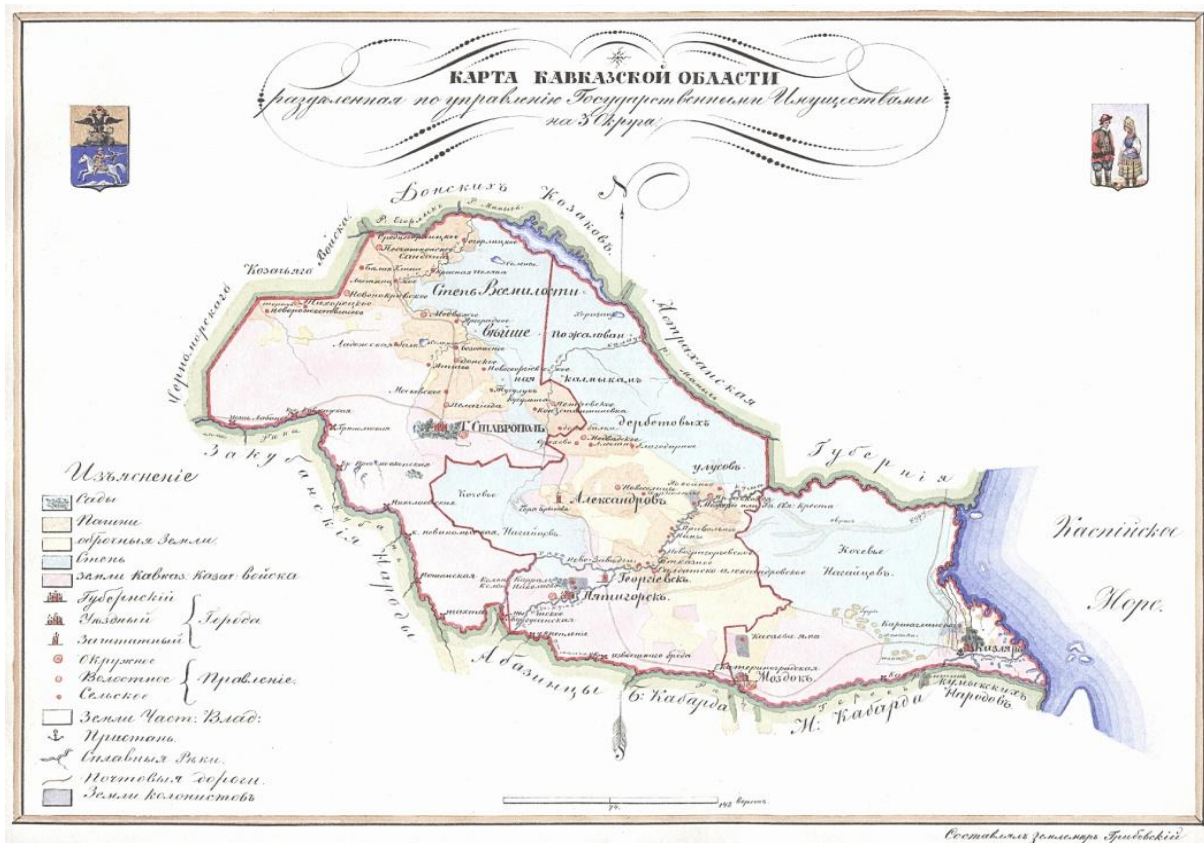
instituteofhistory.ru

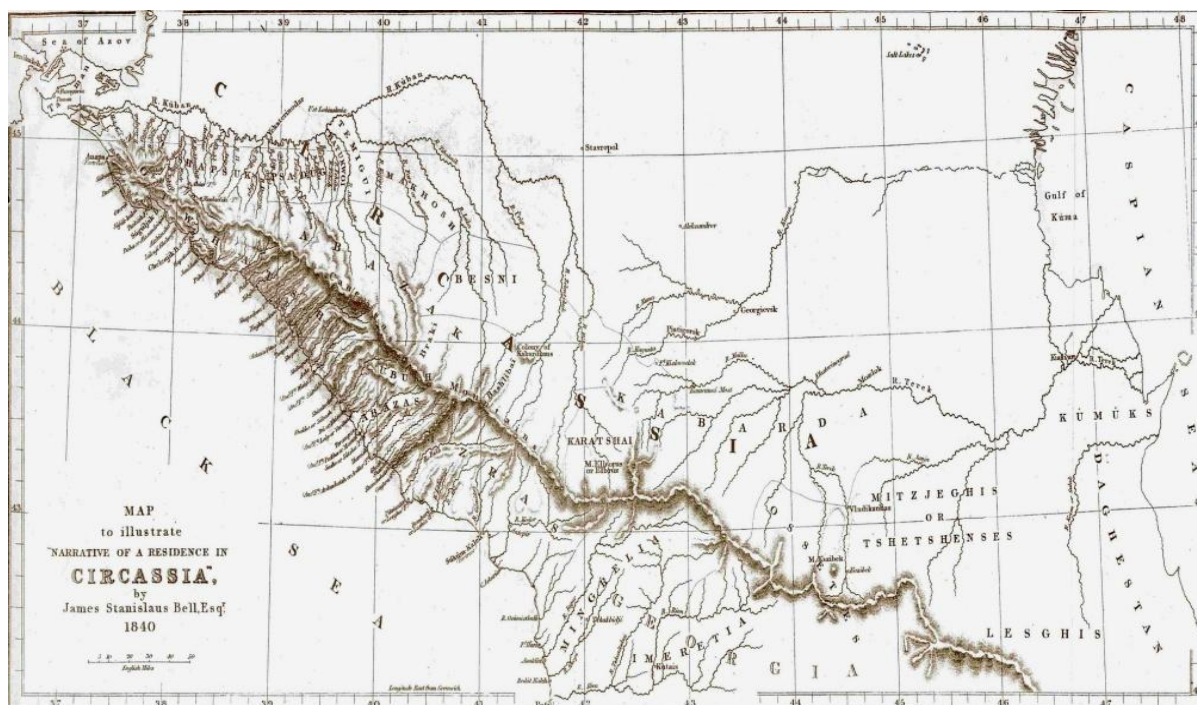
Карта №4. Карта Кавказа с показанием политического состояния на 1801 г. Из книги Н.Н. Мурваева «Война за Кавказом в 1853: атласы и гравюры». Типография товарищества «Общественная польза». 1877г. СПб. ул. Большая Подяческая, дом № 39

instituteofhistory.ru

Карта №5. Карта Кавказа. 1846 г. Атлас Российской Империи, 1843 г. «Карты губерний подведомственных Управлению Первого департамента Государственных Имуществ с приложением кратких статистических ведомостей Составлен под руководством старшего землемера Грибовского». Издательство: Управление Первого департамента Государственных Имуществ». 1843 г.

Карта №6. Северный Кавказ. Черкесия. 1840 г. «Карты губерний подведомственных Управлению Первого департамента Государственных Имуществ с приложением кратких статистических ведомостей. Составлен под руководством старшего землемера Грибовского». Издательство: Управление Первого департамента Государственных Имуществ». 1843 г.

instituteofhistory.ru

Научное издание

Магомедов Назим Абдурахманович

**Международные отношения
на Северо-восточном Кавказе
в XVIII – в первой трети XIX в.**

Подготовка оригинал-макета *Магомедова Л.Р.*

Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 20.06.2019 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 13,3. Уч.- изд. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ №19-06-062.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru